

ВЛАД
ДОБРЫЙ

ГОДСКИЕ ИГРЫ

ТОМ I

Annotation

Что делать обычному человеку, если на него обрушится невероятное могущество? Разбогатеть и жить счастливо! Городское фэнтези с черным юмором и попаданцем.

Задумка книги напоминает "Тетрадь смерти".

Будут драки, перемещения из нашего мира в другой, борьба за власть, суперспособности.

Глава 1. Темные мысли

Безумие это блюдо, которое едят в одиночку. Реально трудно такой закуской с другом поделится, если вы понимаете, о чем я. Да, я хочу жрать. Я люблю пожрать, и по мне это видно, не будем лицемерить. А вообще, сходить с ума это, конечно, переживание интересное. Но я бы не стал рекомендовать его, как хобби.

Разве что на работе, когда заняться нечем. Вот как у меня сегодня.

Честно говоря, тревожные звончки звенели уже давно. Это я уже задним числом понял. Месяц назад переехал в новую съемную квартиру. Однокомнатная, совсем рядом с работой, двадцать минут пешком. Мебели маловато, но зато сдали через знакомых, очень дешево. Купил с зарплаты ортопедический матрас, бросил на пол, сплю на нем. Что мне еще надо, молодому, чтобы выспаться. Девку, ясное дело. Но девки, они ж как геморрой. В смысле, дело наживное.

А еще во время сна люблю, чтобы тихо было. Тоже не сказать, чтобы выдающаяся особенность. И вот с этим проблемки-то на новой хате и возникли. И не в соседях дело. Среди ночи то со стола стакан на кухне упадет. То упаковочный полиэтилен в углу вдруг зашумит, будто на него кто-то с разбегу прыгнул. Сплю с включенным светом. Не помогло — вчера проснулся от того, что не могу пошевелиться. И вдохнуть. Кошмарное чувство. Хочется кричать, а не можешь — ни единая, сука, мышца не двигается.

Думал все, сдохну. Но нет, замычал, заворочался, кое-как сбросил жуткое оцепенение. Отдышался, сел на матрасе, осмотрелся — свет горит, никого нет. Даже кота. Так и должно быть — хозяйка домашних животных запрещает. На часах три часа и три минуты.

Только под утро забылся тяжелым, чутким сном. На работу, конечно же, проспал. Не сильно опоздал — минут на полчаса всего. Но если уж не везет, то по-крупному — вместе со мной к офису подошел шеф. Надо было вперед юркнуть, может бы и не заметил. Но я ж воспитанный. Дверь открыл, дождался. Он увидел, что ему дверь кто-то держит, засеменял, заторопился. Поскользнулся, смешно ноги вперед выкинув, но не упал. Сентябрь, ночью ледок намерз. Шеф наконец добрался до двери и увидел мое лицо.

Тоже не выспавшийся, хмурый такой. Посмотрели мы друг на друга. Я сдуру улыбнулся. А он злой. Шеф моложе меня года на три. По идее, он только институт должен закончить. Выглядит он, конечно, посолиднее, ухоженнее. А рожа опухшая. Кто ему и что именно этой ночью душил, не знаю. Однако подозреваю, с ним как-то иначе было, не так как у меня.

— Добренькое утречко, — жизнерадостно поприветствовал я начальство. По заветам великих, стараясь выглядеть лихо и придурковато.

Он посмотрел на меня так, понимающе. А потом сказал хриплым, злым голосом:

— И часто ты так опаздываешь? Времени сколько, ты видел? Тебе будильник подарить? Через пять минут у меня в кабинете чтоб был!

Ну и через пять минут я у него под дверью. Стою, переживаю. Не сажусь — стул далеко, а я то думаю, что он прям щас позовёт. Так полчаса и протоптался, пока он обо мне вспомнил. Вышел бумажки секретарше отдать. Увидел меня. Уронил только одно слово, как горсть земли на могилу:

— Зайди.

Я зашел. И бесславно потратил следующие полчаса жизни. Потому что начальника слушал. Надо было о голых бабах думать, или планы на выходные строить — пятница ведь

сегодня. Но спохватился, и минут пятнадцать провел с пользой — думал, чтобы такого посмотреть вечером. Шеф ничего интересного скреативить не смог, просто тупо давил банальностями вроде “Опоздание на работу это дисциплинарное нарушение! Ты же договор подписал? Что не читал? Так я тебе напомню! В договоре четко указано, когда надо являться на рабочее место. Значит на работу ты должен приходиться за десять минут до указанного времени! Вы же возитесь все время! Пока разденетесь, пока компьютер включите, пока запустите программу...”. Ну и так далее. По идее, мне приятно должно было стать, когда он на “вы” перешел, но я разозлился. Зубами скрипнул, но кивал с виноватым видом. Глаза только в пол опустил, чтобы не палиться. Как будто в школе наружали, честное слово. Только в школе на бабло не разводят. А на работе разводят, потому что закончил шеф фразой “... останешься сегодня после работы, хвосты свои подберешь!”.

Нет у меня никаких хвостов. Вовремя я все делаю. Это у тебя на фирме производственные процессы через жопу построены, то неделю заняться нечем, то сутками надо сидеть — подумал я и вежливо сказал:

— Хорошо Марат, как скажите. — шеф у нас прогрессивный, всех заставляет себя по имени называть. Но на вы. Затейник.

— Иди! — отпустил он меня наконец.

И вот, после того как все дисциплинированно отсидели еще час после конца рабочего дня и ушли, я остался. Злость так и не отпустила — в договоре, о котором шеф упоминал, указано еще про сверхурочные. Должна быть за них двойная оплата, но по факту все задерживаются после работы, а часто и по субботам. Сложилось так. Поголовно “добровольно” на работе сидят.

Сам шеф еще в обед усвистел из офиса, но мне уйти не вариант — на выходе замок с магнитными карточками. Фиксирует время ухода-прихода. Разорился же на хитрую систему, поставил. Лучше бы компы новые купил. И стулья. У меня, как и у половины в офисе — сломанные. Но в нашем городе не так много проектных фирм, а меня угораздило на инженера-электрика институт закончить. Так что, выбора-то особо и нет. Можно просто молча злиться, а можно злиться с выдумкой, но молча.

Работы сегодня не было, поэтому я спокойно смотрел фильмы почти весь день. С перерывом на обед. Немного погуглил про свой припадок ночной. Начитался про “сонный паралич”, немного успокоился. Не я один такой.

Когда у тебя вдруг жопа, а потом оказывается что и у других тоже жопа есть — это странным образом успокаивает, замечали? Это жопа конечно, но ты такой, “Ну ладно, бывает. Люди вон с какой жопой живут, и я со своей смогу...”. Успокоился я, но не до конца. Уходить домой не хотелось. Даже обдумал вариант в офисе спать остаться.

Офис у нас находился в реально старом здании. Как бы даже не дореволюционной постройки, пять раз перестроенное. При СССР тут был то ли научный институт, то ли управленческая контора — суть в том, что во время перестройки это большое строение у администрации города отменили и поделили. И сейчас тут было нечто вроде бизнес центра. Куча фирм снимали помещения под офис. В том числе и наша фирма. Поэтому, часов в десять вечера, охранник мог меня выгнать. Освоить прогрессивные капиталисты смогли верхние пять этажей. Еще один этаж почти целиком в землю ушел, а еще ниже подвалы были. Со двора если зайти, там такие ворота в подземелье — круче чем в Мории. Вот бы хоть раз полазить. Но нельзя, все закрыто, а на первом этаже охранник дежурит, вниз только по лицу пропускает. Там склады всякие сейчас.

На самом деле остаться на работе на ночь — не такая плохая идея. В офисе была отгорожена шкафами небольшая “кухня” с чайником, микроволновкой и стареньким холодильником. Можно будет подогреть мою вчерашнюю шавуху, которую я не доел. Утром умыться в туалете и я уже на работе. Так я точно не опоздаю. Хотя, можно бы было и опоздать, суббота все-таки. Значит, можно поспать подольше. Однако, если останусь на ночь на работе, то продемонстрирую лояльность компании, искреннее желание работать, всё такое. Я выключил свет, открыл пиво, прозорливо прикупленное в обед, поудобнее устроился на сдвинутых вместе двух стульях и включил второй сезон начатого сериала. На улице уже стемнело, мне было даже уютно. Вот сейчас допью пиво и решу окончательно, идти домой, или и в самом деле остаться.

Я даже вторую банку начать не успел, как заметил краем глаза движение. Заметил может и краем глаза, но очень четко. Кто-то, размером не меньше немецкой овчарки, прошмыгнул на кухню. И этот кто-то был неприятно неестественный. Я толком не рассмотрел, но было похоже на очень тощую обезьяну на карачках. “А вот и глюки”, — обреченно подумал я. С подозрением посмотрел на банку. Может это все пиво виновато? Но подозрения улетучились, не успев укорениться. Подозревать пиво во всяком, было бы несправедливо. Особенно, по отношению к этой марке пенного напитка. Ведь именно это пиво было единственным, что поддерживало меня на протяжении этих трех лет после института. Я тихонько поставил почти пустую банку на стол, протянул руки к клавиатуре. Поставил сериал на паузу, запомнив серию и время. Открыл поисковую строку браузера и ввел “шизофрения, симптомы”. Не успел даже тяжело вздохнуть, разглядывая выпавшие результаты, как отчетливо услышал, даже через наушники, как на кухне открылась дверь холодильника.

Я замер. Тихонько снял наушники. И снова отчетливо услышал, как кто-то шарится в холодильнике, гремя пластиковыми контейнерами. И не скрываясь особо.

Я человек опытный, не один десяток фильмов ужасов посмотрел, поэтому знал, что делать. Заорать и бежать к выходу. Это же единственный шанс остаться в живых. Надеюсь, никто спорить не будет. И я не буду спорить. Я снял наушники, тихонько встал и вместо хладнокровного, логичного и взвешенного вопля с бегством, крадучись пошел на кухню. По дороге захватив со стола большой канцелярский степлер.

Двигало мной две вещи — хоть и страшно, но не верилось, что у меня глюки. Очень хотелось убедиться в этом окончательно. И, дребезжала на границе сознания смутная надежда, что это Полина. Молоденькая практикантка-архитекторша. Красивая, с красными бровями и в странной одежде — архитекторы они такие, яркие. Уже вторую неделю к нам ходит, диплом делает и заодно опыта набирается. Перекинулся я с ней парой слов всего. На обеде рядом сидели однажды. Но мне хотелось большего. Насколько сильно хотелось — понял сейчас, когда шел с занесенным для удара степлером по темному офису навстречу странным звукам. Звуки, кстати, действительно стали странными — если это была Полина, то сейчас она бросала на пол пластиковые контейнеры. А один, кажется, даже раздавила. Я занес над головой степлер, чтобы ударить того, кого там найду.

А вдруг там и правда Полина? Нет, умом я понимал, что с хера бы вдруг, да и как так... Но скрюченный от ужаса мозг вцепился в эту спасительную мысль, как питбуль в стейк. Последние десять шагов до кухни я сделал, напряженно обдумывая, что сказать. Итак, я заглядываю на кухню, а там Полина. Что сделать? Сказать “Бууу!”? Нет, это глупо, по-детски. Надо что-то веселое. “Ночной дождор!”. Нет, это плагиат, я где-то это видел. Скажу

“Это дожорная полиция, вилки на стол!”. Уже лучше. А потом уже спрошу, что она тут делает, мы разговоримся, и...

И вот уже книжный шкаф. Я, не опуская руку со степлером, осторожно заглядываю за него. В падающем из окон свете от уличных фонарей, я вижу кухню. Против ожидания, там вовсе не такой погром, как я боялся. Холодильник открыт и в нём кто-то возится. Лампочка в этой шайтан машине 90-х годов перегорела еще до моего рождения, а дверь открывается в сторону окна, поэтому внутренности холодильника погружены в непроглядную, как душа вебкамщицы, тьму. Я напряженно присматриваюсь и вижу, как мелькает белый ланчбокс. Падает на пол. А теперь достают белый картон. Это коробочка с тортиком для Маргариты Семеновны, нашего главбуха! И тут я наконец, на фоне белого картона, разглядел пальцы держащего. Длинные, черные. Корявые. Похожие на корни. Нечеловеческие.

Существо отодвинулось, вынырнув из холодильника. Крохотное, высотой мне по пояс, все словно состоящее из линий и суставов. С пустыми провалами глаз и выростами на гладком черепе. Явно что-то потустороннее, к тарологу не ходи. Странно незаконченное, будто в реальности проявилось не до конца. Вместо носа темный провал, как у черепа. Которым оно приняло к коробке. А потом раззявило резиново огромную пасть и с неприятным шорохом запихнула в неё коробку. И начало жевать.

Звуки прожовываемой вместе с упаковкой еды были самыми странными звуками, что я слышал в своей жизни. Я решил, что ничего еще более странного я уже не увижу и не услышу, поэтому осторожно попятился назад. И именно в этот момент степлер в моей руке повело. Ручка раскрылась и эта, совсем не боевая но тяжелая машинка, предательски вывернулась и упала на пол, с грохотом рассыпавшись на запчасти.

Жуткая тварь дернулась, вскинулась, повернулась ко мне. Я отстраненно отметил, что у неё есть отростки за спиной. Как огрызки от крыльев. Вообще оно было будто собрано из костей, покрашенное в черный цвет и истекало в воздух черными чернилами, оттого его и было так трудно разглядеть. Я долгие полторы секунды пялился в его маленькие, темные, ничего выражающие буркала. А оно продолжало торопливо жрать. Наконец, я не выдержал гнетущей тишины, и не своим, тоненьким и дрожащим голосом, спросил:

— Полина?

Глава 2. Темные дела

Вот это я, конечно, сказал. Нет, Полина была совсем на это чудище не похожа. Не внешне, не по поведению. Я не знаю, почему я так сказал. В свое оправдание, скажу, что мне стало стыдно. Я даже чуть фейспалм не сделал. Остановило только то, что тут вообще-то чудовище стоит, напротив. Не самая удачная ситуация, чтобы глаза руками закрывать. Хотя...

Нет, ну надо же было такое ляпнуть. Сказал бы “Маргарита Семеновна”, типа перепутал — было бы даже смешно. Да, о чем я вообще думаю? У меня как бы есть проблемы посерьезней неудачных реплик. И тут я понял, что тварь перестала жевать и теперь внимательно смотрит мне в лицо. Я спрятался за шкаф. Попытался. Почему-то, мое движение, все изменило — стоило мне только дернуться, как тварь пронзительно и неестественно заорала. Запищала с присвистом. Как будто воздух выпустили через дыру в крышке. И рванула от меня, как испуганная крыса. Прямо через шкаф.

Взметнулась по задней стенке, оставляя рваные дырки от когтей в дсп, прыгнуло, взмахнув суставчатыми огрызками крыльев, лишенными перепонки. Прогнозируемо рухнула вниз, снеся сразу три стола с распечатанными и аккуратно разложенными для сдачи заказчику проектами жилого дома. Много аккуратных стопок бумаги. Три экземпляра, двенадцать альбомов в каждом. На прошлой неделе мы втроем их полдня только по порядку раскладывали, а до этого полдня печатали. В воздух взметнулись выданные листы формата А3, во все стороны полетели альбомы, тварюга продолжала визжать и метаться, удесятерив хаос. Пока, наконец не метнулось дальше, в глубину офиса. Я стоял, глядя на медленно опадающее конфетти из разорванных чертежей. Страх ушел, осталось только ярость.

— Стой, сука! — заорал я и бросился в погоню, на ходу доставая телефон. Трудно сказать, что именно меня заставило это сделать. В смысле, преследовать чернильно-костяную визжащую хрень. Телефон то зачем достал — понятно. Позвонить хотел. Не решил просто еще, кому. Ну и просто, с телефоном в руке привычнее жить. А вот гнаться на паранормальщиной, это не привычно. Может, и так зашкаливающий адреналин спровоцировал всплеск агрессии, когда я увидел, как нечто разрушило плоды трудов моих. А может, сработали древние инстинкты — враг бежит, надо догнать. А может, где-то в глубине разума промелькнуло видение чемодана денег за видеоролик с этой штукой. А может, всего понемногу. Факт в том, что мой тянувший, липкий и противный страх, вдруг смыло как грязь с кузова в автомойке. Вместо этого меня охватил жаркий огонь веселой злости и щекочущего кожу азарта.

Погоня по офису — мой конек. Это выяснилось уже через пару секунд. Чудище пыталось прыгать по столам, пролезать под ними — и постоянно врезалось в системники, путалось в кабелях, замешкалось на уехавшем из-под неё стуле. Я же был в своей стихии. Как лев в саванне, как пантера в джунглях, как волк в лесу. Я стремительно несся вперед, ловко протискиваясь в узких проходах между столами, огибал острые углы, перескакивал лианы проводов. Мы бежали прямо к моему столу, как я с удивлением понял. Но не добежали — мой визжащий гость резко свернул в сторону и с разбегу нырнул в трещину в стене. Трещина была тут уже давно. И таких было много. Эта отличалась от других размерами — при желании я мог просунуть в неё палец. Но визжащая многосуставчатая чернота юркнула в неё, как голая девушка в платье. Слишком быстро. Снаружи остались несколько лап,

которые заскребли когтями, взметая в воздух ошметки отслоившейся побелки. Я бросился вперед и в лютом усилии схватил черную лапу левой рукой. В правой у меня уже был смартфон.

— Ааа, шиза! Тебе пиз... — радостно заорал я и вдруг пространство вокруг меня сомкнулось. Меня словно потащило вперед по очень тесному и пыльному коридору. Чувство было просто ужасное. Как будто меня продавливали по эластичном шлангу, плотно облегавшему мое тело и сжимающемуся позади. Или, даже вернее, по кишке. Каменной. Нет, лучше пусть будет шланг. Шланг был сделан из твердых кирпичей и камней. Я бы сказал, что и я оставил после себя штабель кирпичей, но это не смешно и не правда.

— Дааа бляяя! — орал я. Пальцы левой руки, которыми я вцепился в существо, чувствовали вязкую пульсирующую субстанцию, без намека на кости внутри. Я не разжал их только потому, что у меня свело руку от ужаса. Когда мой ужас стал такой сильный, что мне стало казаться, что я от него умру, все прекратилось. Я вывалился в темном помещении. Тварина, вереща, потащила меня по покрытому толстым слоем пыли и грязи полу, а я поволочился за ней безвольной тряпкой. Собирая на себя эту самую пыль и грязь. А я ведь в новой куртке, между прочим. Тут оно вспорхнуло на плоскую каменную поверхность. Резкая боль от коленки, которой я ударился об угол камня, привела меня в чувство — я разжал пальцы руки, которой держал странное существо. Попытался вскочить на ноги. Не получилось. Меня сильно повело в сторону. Накрыло странное чувство дезориентации. Как будто, потолок с полом поменялись с местами. А потом меня еще по ним и размазало. Превозмогая эту бурю ощущений, я продолжал пытаться вскочить как можно быстрее, параллельно тыкая пальцем в экран смартфона, чтобы его разблокировать, у меня сложилось впечатление, что я во сне. Вот бывают такие дурацкие сны, когда ты бежишь, но ужасно медленно? А я сейчас также барахтался. Целую вечность. Не в том смысле, что время растягивается, когда хочется в туалет, но занято. И каждая минута ожидания кажется вечностью. А буквально — у меня мозг как будто сломался. Потерялся во времени, как будто секунда никак не кончалась. Мне это надоело, я замотал головой, стряхивая наваждение и вскочил на ноги. Время пошло с нормальной скоростью.

Успокоил дыхание и бешено бьющееся сердце серией глубоких вдохов. Попытался. Вокруг было так темно, что я руки со смартфоном у лица не видел. Включил дисплей, оказавшимся таким ярким, что я аж отвернулся. Краем глаза заметив шарахнувшуюся от меня темноту. Я лихорадочно засуетился, включая фонарик. К счастью, на смарте уже была выведена кнопка "фонарь", на весь экран. Я даже не знал, что мой телефон так умеет.

Отметил семьдесят процентов зарядки — еще никогда меня так не радовала почти заполненная зеленая батарейка. Яркий фонарик телефона выхватил из тьмы место, в котором я находился. Небольшой, метров десять, бассейн с каменными бортиками. Как ни странно, воды в нем не было. Я, резко поворачиваясь, осветил в разные стороны. Как я и предполагал, сотканное из тьмы существо было тут. И не одно. Десятки. Может, даже сотни. Мелкие буквально взрывались и оставались висеть в воздухе темными дымными кляксами, если попадали под свет фонарика. Те, что покрупнее, истекали в воздух струйками черноты и стремительно бежали прочь от света. Все они были похожи на ту, что я застукал у холодильника. Но сейчас они были куда стремительнее и быстрее. Были даже такие, что размером не уступали мне.

После странного зависания в бассейне, я уже не так сильно поддавался ужасу, как раньше. Я почти привычно подавил ледяную волну страха, замораживающую мышцы и

разум, осмотрелся внимательнее. Заметил недалеко что-то правильной формы. И двинулся туда. Надеюсь, что найду хотя бы стену, к которой можно будет прижаться — спина аж чесалась, так я ждал, что в неё вот-вот вонзятся черные когти.

Честно говоря, досталось мне сильнее, чем я подумал сначала. Я бодро прошагал по дну сухого бассейна, а вот выбраться из него, взобравшись на каменную ступень высотой мне по колено, я смог с трудом. Свет моего фонарика метался по сторонам, то и дело выхватывая из темноты темные силуэты, которые либо в беззвучном вопле распадались на дымные фрагменты, либо стремительно укрывались в тених — но я понимал, что в моем состоянии, если бы они захотели, то давно бы уже меня достали. Я устал бояться, и просто побрел вперед, к замеченному раньше сооружению. Больше идти было некуда, а стоять на месте было бы... Скучно.

Каменный пол из огромных, серых, каменных плит был покрыт слоем пыли, под которым угадывалось множество следов. Понятия не имею, насколько следы старые, но тут точно ходят люди — я увидел следы и босых ног и подошв. Наконец, я добрался до своей цели. Ей оказался огромный, очень простой, каменный стул. С подлокотниками. Трон, конечно. Высокая спинка, пьедестал с тремя ступеньками. Очень простые, прямые линии. Сдержанно. Такой же серый камень, как и плиты пола. Каждая ступень пьедестала мне по пояс. Я вздохнул и полез по ним на верх. Добрался до самого трона, и обнаружил, что каменное сиденье на уровне моих глаз. Я опять вдохнул, теперь с привкусом обреченности. Привалился спиной к подножию, лениво повел по сторонам себя фонариком. Зря. Вокруг меня аж клубилось от чернильных чудовищ. Я двинулся было вперед, но услышал раздраженный хор, состоящий из шипения и скрипа, темные фигуры словно всколыхнулись на встречу. Дернулся на лево — тоже самое.

Тени гнали меня на трон. Я слишком устал, чтобы сопротивляться. Положил смартфон на каменное сиденье, а потом, с трудом, взобрался туда сам.

Спинка трона отбрасывала такую густую тень, что её не мог разогнать даже яркий фонарь телефона. Я устал удивляться. Просто выключил фонарь и плюхнулся на прохладный камень.

Окружившая меня темная тишина была наполнена шипением, скрежетанием и движением. Никто так и не вонзил в меня когти, я устал бояться и с удивлением понял, что вот-вот усну. И я не стал сопротивляться этой, такой неуместной, дремоте.

Все что тут происходит и так похоже на кошмар, вряд ли случится что-то еще хуже.

Глава 3 Темные знакомства

Обычно, звук будильника на телефоне, предвещает моё превращение в зомби. Я встаю, брожу волоча ноги, стону, кричу, натыкаюсь на стены. Да, я двигаюсь, хожу, даже разговариваю — но это не значит, что я проснулся. И только большая чашка кофе и прогулка до офиса заставляют меня, наконец, обрести жизнь и запускает мыслительный процессы.

В этот раз все было по-другому. Я услышал шорох и выпрыгнул из сна. Буквально — открываю глаза, а я уже на ногах. Стою такой, настороженный весь, прислушиваюсь. Осматриваюсь. Самое интересное, что я все прекрасно вижу. Отчетливо понимая, что вокруг темнота.

Трон, со мной на сиденье, стоит в очень большом, прямоугольном помещении. Прямоугольное не только в смысле формы, но и в оформлении. Сплошные прямые линии и углы, никаких узоров и скруглений. И полный минимализм — в стенах видны какие-то ниши, как будто из-под кухонной техники остались, но это единственное, что может сойти хоть за какое-то украшение. Ах, да, еще бассейн, из которого я выбрался. Похоже, это цельная плита из черного камня. Камень сплошной, слива нет, трубы тоже не просматриваются — похожим на бассейн этот кусок камня делает только каменный бордюр, высотой мне по колено. И все равно, очень похоже на бассейн, так и буду его называть. Прямо напротив трона, помимо кажущегося с верхотуры крохотным пятка “бассейна”, я вижу вход в зал. Вход делал тот же мегаломаньяк, что и трон — очень примитивная, но здоровенная каменная арка из гигантских каменных плит, высотой метров пять и шириной не меньше четырех.

Я отчетливо вижу каждую деталь, могу посчитать плиты на полу, вижу даже дальние углы. Только в серо-белой картинке. Я понимаю, что прекрасно вижу в темноте, но удивления нет. Куда удивительнее, что от долгого сна на голом камне у меня ничего не затекло и не болит. А ведь мне 27 лет, как никак, возраст.

Но удивляться подозрительной тишине в теле, вместо обычного хруста костей, сейчас некогда — тронный зал наполняют силуэты тех странных, истекающей тьмой чудовищ. Даже в моем новом зрении они выглядят черными кляксами. Я наблюдаю, как они выбираются из ниш в стенах, прислушиваются к шуму, доносящемуся из прохода.

Они все разные, как я понимаю сейчас. “Теневики” — вдруг всплывает в голове слово, которым я решаю их называть. Некоторое время размышляю, не включить ли фонарь на телефоне, но решаю подождать. Страх больше нет. Я легко, почти не замечая этого движения, спрыгиваю с трона. Приземляюсь по-кошачьи мягко.

Группа из самых крупных теневиков, до этого будто спорившая между собой, затихает и поворачивается ко мне. Кажется, будто они замолкают в почтении. Иногда, во сне, бывает такое странно чувство... всезнания. Смотришь на что-то, и знаешь его историю. Это не воспоминание, а... Неважно. Суть в том, то прямо сейчас я испытал похожее чувство. Я смотрел на сотканых из тьмы существ и просто понимал их мотивы, планы, желания.

Кто-то идет сюда. Но их мало. Теневики злы. Они любят пожевать мясо, но еда, как и вода, им не нужна. Что они действительно жаждут, так это запустить свои когти в сердце а в рыло в кровь — так они поглощают жизненную энергию, которая делает их сильнее. Но это опасное занятие — даже слабый свет факела действует на них разрушающе. Едва они врываются в круг света, то времени и сил у них остается на пару ударов когтей. И после

одного удачного взмаха топором их призрачные тела рассыпаются на сгустки тьмы, которые потом мучительно трудно собрать вместе. Я с удивлением понимаю, что эти существа похожи на призраки. Они скорее бестелесны. И, похоже, бессмертны.

Они не злые. Гораздо хуже — теневики безразличны. Они решают напасть на пришельцев просто потому, что тех мало. Шансы на победу высоки и потери окупятся...

— Нет, — говорю я.

Я говорю это на скрежещущем языке. Звук больше похож на скрип трущейся друг о друга гальки. Я слабо удивляюсь. Но не тому, что знаю этот язык, а тому, что моё горло способно выдавать такие звуки.

— Спрячьтесь, — приказываю я. И теневики, не торопясь, но и не протестуя, подчиняются. Вереницей втягиваются в ниши в стенах. Среди них я замечаю знакомого. Того самого, который приволок меня сюда. Я указываю на него и издаю звуки, будто кто-то скрипит ржавыми дверными петлями:

— Ты! Подойди сюда. Следуй за мной! — сейчас он гораздо мельче, чем я его помнил. И как-то тоньше, хрупче. Наверное, это из-за того, что я развеял его светом телефона по возвращению. Мне становится его немного жалко. Я протягиваю к нему руку. Как к собаке. И говорю успокаивающим тоном:

— Я буду звать тебя Кенни.

“Кенни” звучит неестественно естественно, если вы понимаете, о чем я. Человеческие звуки вырывают меня из пограничного состояния, в котором я все это время был. Я прокашливаюсь, хотя горло не болит. Кенни вдруг съеживается в чернильную кляксу размером с крысу, и юркает мне в рукав куртки. Я вздрагивая от омерзения в ожидании крохотных острых коготков, которые сейчас расцарапают мне кожу. Но ничего такого не чувствую.

Тем временем, разбудившие меня звуки, все ближе. Я различаю голоса, звон металла и глухой стук. Входной проем освещается красноватым отблеском. Это парадоксально меня слепит — обычного света недостаточно, чтобы осветить зал, зато достаточно чтобы “засветить” мое ночное зрение.

Я сажусь на бордюр “бассейна”. Люди всегда кажутся менее агрессивными, когда сидят. Меня гложет любопытство, я хочу знать, куда я попал. Теневики безучастны к миру вокруг, если только в нем нет того, кого можно пожрать. Насосаться силы. Воплотиться в что-то более материальное и повторить. При этом сам материальный мир им безразличен. По крайней мере в теперешнем их состоянии. Я не уверен, что сейчас они вполне разумны. А мне нужен кто-то, кто прольет свет на происходящее.

Источник света и звуков все ближе и ближе. Наконец, на пороге тронного зала появляется группа существ. Я бегло скользя взглядом по доспехам, оружию, тусклому масляному фонарю на длинной палке и облегченно выдыхаю. Ничего необычного, просто группа приключенцев.

Серьезно, что тут необычного? Все мы играли в игры, читали книги и знаем, чего ждать. В какой-то степени, я даже почувствовал некоторое облегчение от того, что все, наконец, встало на свои места. Я попаданец! Шикарно. И уже даже немного нащупываю свои особые умения и способности. Но расслабляться рано — первые пять дней в жизни попаданца самые опасные. Поэтому я поднял руки вверх, развернув их ладонями к новоприбывшим, чтобы показать, что безоружен. В груди ёкнуло — поторопился я теневиков прогонять. Сейчас бы было неплохо их на всякий случай под рукой иметь. Я постарался как можно

более дружелюбно улыбнуться.

— Стоять! Тут кто-то есть! — прорычал гулким, густым басом идущий впереди дварф. Никем другим это кубообразная приземистая фигура в чешуйчатом доспехе и бронзовом шлеме с наклепанной бронзовой же бородой, быть просто не могла. Я немного завис на бронзовой бороде шлема, но вспомнил, что борода у дварфов — важная часть тела. Логично бы было её тоже защитить. В руках у него был щит, почти с него ростом и нечто, что я бы определил как бронзовая боевая кирка. С хищным билом и заметно меньшая размерами, чем обычная. Но преемственность в инструменте читалась явно.

— Ууубииить? — промычал второй. Самый здоровый. И тоже легко узнаваемый. Минотавр, в рот мне ноги. Морда была не вполне бычья. Как бы слегка “очеловеченная”. Мощный торс, очень широкие плечи, руки бугрятся мышцами... Вернее, одна рука — вместо правой культи. Чуть ниже локтя обрубок, обмотанный окровавленными тряпками. Но даже так, в одной его левой руке мышц на вид больше, чем во всем моем теле. Минотавр огромен — на вскидку, примерно два двадцать метра ростом, и ширина плеч пропорциональна росту. Чтобы заглянуть ему в глаза, мне придется встать на стул. И это при том, что он сильно горбится, а башка буквально лежит на груди — шея вообще не просматривается.

— Стоп! Хар, сколько их? — несмотря на странное наречие, полное кашляющих и сипящих звуков, третий голос звучал куда красивее и мелодичнее. Может, потому, что он был девичий. А может, из-за странной, напевной манеры говорить. Это третий персонаж. И это девушка. Очень молодая. Она одета в совершенно фентезийные доспехи из черных и шипастых панцирей каких-то моллюсков. Доспех почти полностью покрывает её тело, оставляя открытыми ноги и руки. Да еще и тяжелый кожаный плащ с кавалерийскими разрезами по бокам. Никаких бронелифчиков, все по-взрослому. Ну, разве если только немного. Я залипаю на белоснежную кожу бедра, открытую до самой линии талии.

Дварф делает десяток шагов вперед. Ему тоже явно мешает свет позади. Осматривается. И выдает:

— Один. Но злобный. Оскалился и готовит какое-то заклятье! — дварф вскидывает щит. Я резко стираю улыбку с лица и опускаю руки. Потом трясую отрицательно головой.

— Я не нападаю! — кричу я на русском. Потом дублирую на том же языке, на каком говорят они. Как ни странно, но он дается мне куда труднее, чем скрежет и визг, которые я издавал до этого. Даже я слышу жуткий акцент и архаичные обороты:

— Я лишь потерянный во тьме странник и не желаю никому вреда! — говорю я.

— Постой! Гульнун, я сказала стоять! — последнее относилось к минотавру. Быкочеловек вытащил из-за спины громадный топор, с двумя лезвиями. Кажется, такой топор называется лабрис. Чувствуется, что это очень востребованный инструмент — лезвия зазубрены и изношены так, что похожи на крылья мертвой бабочки. Прямо сейчас минотавр бодро топал ко мне, глухо цокая копытами по камню. Бычара среагировал на оклик — глухо и тихо замычал, но остановился.

— Хар, проверь! — снова мелодично скомандовала девица. Забавно, что именно она тут командует. Её лицо частично пряталось под капюшоном, я мог рассмотреть только полные, чувственные губки и миленький носик. В руке она держала веревку, за которую вела четвертого члена группы. Здоровенное существо, чуть поменьше чем минотавр и все увешанное сумками и сундуками, шло как-то механически и никак не реагировало на происходящее. Поэтому я к нему не присматривался.

Дварф, или как его называла атаманша, Хар, сделал десяток шагов вперед. Долго и

внимательно осматривался. Потом обошел меня по широкой дуге, заглянул за трон и только после этого крикнул, уже на другом языке:

— Кроме этого странного ублюдка, больше никого нет! Я могу воткнуть метательный топор ему в спину!

Я напрягся, но не подал виду. Кенни осторожно пробрался под моей курткой и высунул харю из-за ворота. Я знал, что он меня предупредит, если Хар действительно метнет топор.

— Сначала мы с ним поговорим, — многообещающе пропела атаманша.

И они с минотавром двинулись вперед. Осторожно. Только сейчас я понял, что эти двое меня не видели. Я был за пределами освещенного круга, который давал факел. Ладно, оставалось только сидеть и ждать пока они подойдут. Теперь уже поздненько метаться.

Предводительница маленького отряда дошла почти до “бассейна”, на бордюре которого я сидел, не переставая настороженно поглядывать по сторонам. Не доходя до меня шагов десяти, она отстегнула “поводья” от здоровяка. То, что сначала показалась мне просто толстой веревкой, вдруг свилось вокруг неё и застыло покачиваясь одним концом на уровне моих глаз. У неё в руках на самом деле был хлыст. Хлыст, который оканчивался змеиной головой. Минотавр обошел меня справа, но приближаться тоже не торопился. Кенни напряженно следил за Харом позади меня. Я снова попытался дружелюбно улыбнуться, но заметил, как атаманша напряглась и поторопился спрятать зубы.

— Кто ты? — пропела она. — Где остальные твои люди? Откуда ты? И не ври мне, я узнаю ложь.

— Просто странник, — ответил я. — Я тут один. И я пришел издалека.

— Глубинный гном, — фыркнул презрительно дворф позади меня. Он закинул оружие в крепление за спиной и не торопясь подошел ко мне. — Я узнал его по описанию.

— Это так? — спросила меня красавица с хлыстом.

— Я бы хотел присоединиться к вашему отряду! — выпалил я.

— Муу? — удивился минотавр, — Зааачем?

Интересно, у быкоголового просто манера говорить такая, или он умственно отсталый?

— Я вам пригожусь! — бордо ответил я.

— Ты? Все знают, что глубинные гномы жалкие трусы! — снова зарычал Хар. Теперь он был уже рядом со мной и, говоря это, заглянул мне в лицо. Вблизи стало видно, что его борода на шлеме сделана довольно похабно, и кустарно приклепана на куда более изящный бронзовый шлем с “Т”-образным вырезом. Глаза дворфа горели тусклым красным огнем. Скорее всего это из-за ночного зрения. Но меня поразило даже не это, а то, что теперь я смог рассмотреть голые лодыжки и руки дворфа в свете огня — и его кожа оказалась черной. Беспросветно черная, как гудрон. Это не дворф, это цверг.

— Видели? — Хар отвернулся от меня, закинув щит за спину. — Я оскорбляю его в лицо, а он молчит.

— Это говорит только о его мудрости. Он безоружен. Возможно, он убьет тебя, когда представится такая возможность, — пропела девушка с любопытством глядя на меня. Склонила головку на бок, рассматривая. Змея последовала её примеру. Хар снова схватился за кирку, а сбоку раздалось приближающееся цоканье Гульнуна.

— Нет, — веско сказал я. — Моя месть будет хуже. Однажды я спасу тебе жизнь, Хар. И тогда тебе придется передо мной извиниться.

— Чтооо?! — заорал цверг. У него и так голос, как из бочки. Такой глоткой только Луи Армстронга перепевать. А когда он орет, я аж пригнулся, как от близкого взрыва. А потом

Хар хлопнул себя свободной рукой по чешуе доспеха на животе и захохотал. — А он мне нравится!

Он резко дернулся в мою сторону, заноса руку для удара и нависая надо мной. Насколько ему позволял рост. А потом опустил руку и отступил.

— Я еще никогда и не перед кем не извинялся, гном. Но ты смешной. Хорошо, я не против, если ты пойдешь с нами.

— А где теневики? Обычно они нападают на тех, кто приходит к Пустому Престолу, — вдруг спросила предводительница. На самом деле она сказала не теневики, а “когти тьмы”, но я понял, о ком она.

— Я их разогнал, — небрежно пожал я плечами и попытался перехватить инициативу разговора. — А как тебя зовут, прекрасная воительница?

Кажется, я ляпнул что-то не то. Девушка вздрогнула. Хар обернулся на меня и даже личина его шлема выглядела удивленной. Гульнун что-то сдавленно мукнул вполголоса.

— Ликаста, — слегка запнувшись ответила мне атаманша без прежней стали в голосе. И даже как будто на её мраморно-белых щечках появился легкий румянец. — Я гигару.

Сказала таким тоном, как будто это все объясняло. Но, судя по остальным присутствующим, это реально все объясняло, поэтому я сделал такое лицо... Ну, типа, “А, да, точно же, вчера как раз документалку про гигару смотрел!”. И кивнул.

Ликаста заметно расслабилась, и как-то по-детски кивнула в ответ. Её глаз я по-прежнему не видел, да и вообще все личико в тени — очень уж неудачно свет падал, но вроде она даже улыбнулась.

— А как ты теневиков разогнал? — вдруг напрягся Хар. Я повернулся к нему. Секунду смотрел, думал. Он в ответ внимательно изучал меня, сквозь прорези шлема. Нечестно так в гляделки играть, в шлеме всяко спокойней. Я осторожно привстал, вытянул из кармана смартфон, и включил фонарик. Свет был такой яркий, что Ликаста тоненько вкрикнула и закрылась рукой. Зато я наконец разглядел её личико. Миловидное личико. Непонятно, ей пятнадцать или двадцать. Но очень обаятельная. Наивные большие глазки, милый носик и страстные губки. Такими только мороженку в японской рекламе есть.

— Но почему он тут один?! И где его оружие? Это все подозрительно! — сказала она гадость этими самым губками. Ну зачем же так. Я выключил фонарик и спрятал смартфон в карман.

— Ничего странного. Я ж говорю, это глубинный гном. Они слишком трусливы, чтобы драться. Так что ему и не нужно оружия. С помощью артефакта он разогнал теневиков. А прокрался сюда через камень. Рассказывают, что некоторые из них умеют.

— Ооо, разведчик! — прогудел минотавр. — Нам же нада! Пусть нанюхивает впереди!

— Ладно, можешь идти с нами, — наконец решила Ликаста. Все же странно, что она командует в такой компании. С её личиком... Хотя, я еще не видел последнего. Тот, который стоял тихо, на самом деле по-прежнему оставался загадкой. Он был ростом примерно с меня, просто обвешан сундуками, сумками, и, кажется, даже завернутыми в одеяло трупами. По крайней мере тухлым мясом от него точно пованивало. Но сам переносчик этого хабара скрывался под грубой мешковиной, оставляя на виду только здоровенный босые ступни. Может быть именно эта тварь была самой опасной в группе, и Ликаста его контролировала.

— Хватит торчать, надо открывать портал, пока теневики не вернулись! — в голос Ликасты вернулись стальные командные нотки. — Хар, дай гному оружие. И броню.

— Ладно, — недовольно пробурчал Хар подошел к молчаливому носильщику и начал

рыться в сундуке, в котором можно было спрятать пару таких как он.

— Гульнун, смотри по сторонам, — продолжала командовать девушка. Одновременно она забралась в середину “бассейна”. И замерла с сосредоточенным выражением.

— Руки подними! — гаркнул мне в ухо Хар. Я послушно поднял. Он натянул на меня нечто вроде бронежилета из наложенных друг на друга кожаных пластин. Защищала эта штука только грудь и живот, все остальное по остаточному принципу. Ну, еще толстые широкие ремни на плечах. Хар споро зашнуровал этот панцирь. Я не особо присматривался за тем, что он делал. Меня больше заинтересовали метаморфозы, которые происходили с камнем в “бассейне”. Поверхность стала еще чернее, хотя я был уверен, что это невозможно. И как будто потекла, словно это был уже не камень, а вода.

— На! — рыкнул Хар и всучил мне в руки булаву. Длинная белая палка оканчивалась полированным фиолетовым камнем. Я озадаченно уставился на эту штуку. Красивое конечно... Но это оружие или экспонат из музея минералов? Хар довольно хохотнул и хлопнул меня по плечу. Слишком уж сильно для дружеского жеста. И сказал:

— Знал, что тебе понравится.

— Портал уже отозвался! — крикнула Ликаста. — Быстрее внутрь!

И взмахнула своим змеехлыстом. Башка змеи скользнул под хламиду носильщика и потянула его вперед. Хар и Гульнун тоже перескочили через барьер. Я последовал их примеру.

— Смотрите в оба, теневики страсть как любят зачерпнуть из Темного пути! — непонятно крикнул Хар, напряженно всматриваясь в темноту вокруг. — И тогда мы можем не добраться до цели!

И в самом деле, я почувствовал такое сильное желание Кенни коснуться черной поверхности камня, хлебнуть “темных вод”, что у меня аж ягодицы засвербели. Долгие несколько секунд я его удерживал усилием воли под панцирем. Но в конце концов он сорвался, проскользнул под курткой, а потом спустился по штанине и засунул свою мерзенькую башку прямо в камень. Без видимых усилий погрузив её по самую шею. И в этот момент мы перенеслись.

Глава 4. Темные пути

— Вы, куски паучьего дерма! Вы пропустили к порталу теневика! — возмущенно зашипела Ликаста, едва перенос закончился. — Мы не в Сурнокте!

Сурнокт — город в который мы должны были переместиться, как я понял. Ну да, городом вокруг и не пахло. После переноса я обнаружил себя на ровной каменной площадке, рядом с явно специально установленным мегалитом.

Что бы там не сделал Кенни, сейчас он сидел и не отвечивал. И на мои мысленные призывы не отзывался. Хорошо хоть, что ему хватило ума забраться под штанину и равномерно растечься по ноге, чтобы его не заметили. А еще показалось, что он заметно потяжелел. По-хорошему, его бы достать и поразглядывать. Однако мои спутники явно будут не в восторге от теневика рядом. Это не считая того, что он нам прямой рейс до города испортил. Хар точно скандал устроит, насколько я его успел узнать.

— Убавьте свет! — рявкнул Хар, одновременно беря в руки щит и свое боевое кайло. Пока Гульнун тупил, это сделала Ликаста, попросту накинув на фонарь кусок плотной материи.

Пятно света сжалось и перестало мне слепить глаза. Я проморгался и мое ночное зрение подсказало мне, что мы находимся на каменном уступе, в огромной пещере. Как называется огромное подземное пространство? Пусть будет каверна. Каверна, где потолок терялся в тенях на высоте сорока метров. А шириной эта пещерка... Я не видел противоположной стены. Похоже, метров триста ширины в ней точно есть.

— Если даже теневик пробрался мимо нас, — довольно проорчал Хар, — То он был маленький. Я вижу город прямо отсюда.

Он указал киркой в нужную сторону. Я посмотрел туда, но не увидел ничего, что бы отличалось от темных каменных стен. Впрочем, не таких уж темных. Пещера не сказать, чтобы кипела жизнью, но сейчас я видел прямо настоящие кусты флуоресцирующих грибов на камнях, покрытые сизым мхом стены, бледных мохнатых бабочек в воздухе прямо рядом с нами и рой светлячков в отдалении. Настоящая подземная экосистема. Половина биологов и зоологов земли готова будет свою душу продать, чтобы тут оказаться. А вторая половина бы продала не только свою.

Кстати, а это интересная мысль. Души мне не нужны, а вот от денег я бы не отказался. Осталось только разобраться, как я сам сюда попал. И как назад вернуться, тоже мне не безынтересно.

— Можно пройти вдоль стены, и уже через пять тысяч шагов будем у западной заставы, — продолжал Хар. — Я вижу хорошую дорогу. Правда, в одном месте она идет через грибной лес.

— Хватит болтать. Сегодня я хочу спать в тепле и не боясь, что на меня упадет с потолка удильщик! Веди! — скомандовала Ликаста и открыла фонарь.

Хар вышел вперед, на самую границу освещенного пространства. Он тихонько бурчал себе что-то под нос. Я догнал его и пошел рядом.

— Ну что, коротышка, — заметил меня Хар. — Вот ты и попадешь в город цвергов. И даже не рабом! Радуйся, таким может похвастаться далеко не каждый! А уж из глубинных гномов... Ты будешь первый за пару поколений!

Он гулко захохотал. Интересно, с чего бы это я тут коротышка? Хар мне даже в шлеме

до подбородка макушкой еле достает. А глаза у него вообще на уровне моих сосков. Скорее всего, это у цверга комплексы по поводу роста. Я решил, что сейчас самое время для небольшой познавательной беседы и хотел было что-то спросить, но цверг предупреждающе поднял руку, и остановился, напряженно прислушиваясь. Даже бурчать перестал. Остальные тоже заметно напряглись. После томительной минуты настороженной готовности, мы двинулись дальше.

Быстро стало понятно, что передвижение по “открытой” местности — занятие сродни разминированию. Двигались мы медленно и осторожно. Периодически останавливаясь и прислушиваясь. Хотя, на мой любительский взгляд, засаду нам устроить не могли. Засаднисты попросту подходящего места бы на этой дороге не нашли.

Дорога тут была, и это было основное её достоинство. Если понимать под дорогой относительно ровную поверхность, со ступенями на подъемах и спусках. Как по мне, так больше похоже на тропинку в горах. С одной стороны, её ограничивал обрыв метров в двадцать до дна пещеры, с другой отвесная каменная стена. Дорожка узкая, едва двум людям можно разойтись и то придется плечи втянуть. Еще и неровная. Но видно, что кто-то потратил массу труда, чтобы её проложить — местами проход был буквально вырублен в скале. Строители явно не хотели спускаться ниже определенного уровня. Увы, но не всегда желания исполняются.

— Дальше придется через лес, — наконец сказал Хар. Впереди был обвал. Довольно большой кусок скалы из стены пещеры рухнул вниз, вместе с частью тропы. Оставив, впрочем, довольно отлогий склон, по которому можно было спуститься. И отвесный обрыв впереди, по которому вновь на тропу выбраться я бы смог только с помощью лебедки и команды альпинистов.

— Привал, — тихо скомандовала Ликаста. И полезла в один из мешков, в обилии болтающихся на молчаливом носильщике.

Хар и Гульнун присели на камни. Сели рядом, но стали смотреть в разные стороны. Контролировать каждый свой сектор. Не забывая поглядывать наверх. Маятно у них тут, суетно. Даже пятиминутный привал больше похож на временную огневую точку.

Ликаста вернулась с кожаной флягой и двумя свертками. Один она отдала Гульнуну и тот, не глядя, достал из него что-то похожее на гигантскую спаржу и аппетитно захрумкал. Второй Ликаста разложила на земле рядом с Харом. Приглашающе махнула рукой мне. Я подошел ближе. Сушеное мясо. Или вяленое? Коричнево-красные слайсы. Хар пристроил свою кирку рядом с собой, чтобы было удобно её схватить, протянул лапищу и сгреб разом чуть ли не половину. Закинул мясо в пасть, умудрившись протолкнуть под личину шлема не снимая его. И аппетитно зачавкал.

Мне есть особо не хотелось, но меня одолело любопытство. Я взял один кусок мяса и осторожно надкусил. Вкусно. Отдавало дымом, пряными травами и чем-то еще, очень знакомым.

— Ммм, с грибами, — сказал я.

Хар, злобно зыркнул на меня из шлема, но ничего не сказал. Я не стал развивать тему. Ликаста протянула мне флягу. Я сначала принялся. Пахло... Странно. Пить не хотелось, но это плохо. Надо электролиты-то восстанавливать. Я приложился к фляге и неожиданно для себя сделал большой глоток. Питьё было густое и кислое. Как будто в нем казахский курт растворили. И сушеных грибов насыпали. Такое пробовать надо, словами не передать. Я аж крякнул. И передал этот национальный напиток Хару. Одного глотка мне хватило. А

цверг присосался к фляге как щенок к сучьей сиске. И не отрывался, пока не ополовинил. И тоже крикнул. Но с видимым удовольствием. Гульнун достал из тощего мешка за спиной другую флягу и отпил из неё. Кажется, у него была просто вода.

Ликаста осторожно присела рядом и следила за мной.

А я почти не устал. Что странно — у меня ж плоскостопие. Да и работа сидячая. Поэтому, даже после небольших прогулок, ноги гудят. И спина болит. Я осторожно потянулся, помахал своей дубинушкой. Никакого дискомфорта. Наверно, на адреналине держусь. Я все же присел. И только тут заметил на своей броне следы. Как будто её прежнего владельца кто-то куснул поперек туловища. Кто-то, у кого человек в пасть помещается. Я коснулся пальцами полукружья глубоких отметин.

— Не бойсь, не прокусил, — заметил мое изумленное лицо Хар. — Хорошая бронь, выдержала.

— Да что это был за крокодил такой! — искренне ужаснулся я. Слова “крокодил” в их языке не было, и мой встроенный переводчик заменил его на “тварь с огромной пастью”. И меня поняли.

— Шамашак цапнул. Но броню не прокусил, видишь же. Кости просто все сломал, поэтому предыдущий владелец и умер. Можешь на неё положиться, хорошая броня, — почти добродушно ответил Хар.

Я подавленно замолчал. Мы молча посидели еще некоторое время. Станный носильщик, кстати, так и не присел. И ничего не сказал. И не поел. А потом мы встали и начали спускаться.

Спуск оказался не трудным, хоть из-под ног и постоянно осыпались камни.

Внизу нас встретил самый настоящий грибной лес. Мы остановились, не доходя до “опушки” пары десятков метров и местные начали готовиться. Минотавр достал из поклажи скатку, развернул её — это оказался здоровенный плащ из толстой кожи, с капюшоном. Он надел его на себя. Ликаста затянула шнурки и завязки на разрезах своей накидки и стала похожа на монашку. Только Хар ограничился тем, что подтянул сапоги и затянул потуже ремни доспеха. Мне тоже выдали какую-то хламиду, сшитую из множества кусков грубой кожи. Я старательно подавил своё любопытство по поводу подозрительных отверстий в ней, и просто натянул поверх доспеха, накинув капюшон. Это же пещеры. Постоянно есть ненулевой шанс, что на тебя упадет что-то сверху. Тем более в лесу.

В лес мы зашли настороженно и с оружием в руках. Как партизаны, честное слово. Только, если партизаны старались держаться подальше от дорог и поближе к спасительным зарослям, то мы все делали наоборот. Старались держаться поближе к стене пещеры, не заходя далеко в заросли. Я зачарованно разглядывал местную флору. Она была красива. Изящные и разнообразные грибы самых разных форм, некоторые, окутанные как вуалью, светящейся бахромой, окруженные порхающими бабочками — вполне могли сойти за цветы. Другие грибы, толстые и высокие, похожие на мухоморы, были высотой с трехэтажный дом и воспринимались как деревья. Среди стволов мелькали здоровенные стрекозы, с размахом крыльев сантиметров в тридцать. Кажется, они охотились за роями светлячков, с соответствующими им размерами.

— Эх, личинок бы набрать, — голодно облизнулся Хар.

— Это ж дикий лес! — удивленно протянул Гульнун.

— Да знаю, я знаю! — недовольно заворчал Хар.

— Тише! В городе поболтаете! — прикрикнула на них Ликаста. Её очаровательный

голосок очень изящно вписывался в многоцветное и флуоресцентное волшебство вокруг. Я вдохнул запах грибного леса и улыбнулся. И вдруг заметил движение среди росшего на камнях мха. Присмотрелся внимательнее и отчетливо различил что-то размером с футбольный мяч на длинных суставчатых лапках. И это что-то двигалось прямо к нам.

— Эммм... Хар! Ликаста! Что это там?

Хар повернулся в мою сторону, потом посмотрел туда, куда я указывал. И спрятался за щитом испуганно крикнув:

— Тревога! Зайцы!

Нет, он конечно не "зайцы" крикнул. Это у меня опять внутренний гугл-переводчик балуется. Просто местная мелкая распространенная живность, предмет охоты. Их много и они скажут. Чего это остальные так заволновались, я даже не понял. Сначала. Пока не вдумался, что это еще за "зайцы". В голове всплыла тварь до жути смахивающая на увеличенную до размеров зайца блоху, белесая, с четырьмя длинными лапками, покрытая отвратными волосками и с премерзким ротовым аппаратом, состоящем из рудиментарных лапок.

— Ох, ебать! — на чистом русском ужаснулся я и перехватил свою дубинку поудобнее.

— Два, три, пять... Гнездо где-то рядом, — напряженным голосом доложил Хар. А потом отступил в круг света. Я еще секунду полубовался на скачущие в нашу сторону силуэты и последовал его примеру. Не зря. Эти псевдоблохи целеустремленно неслись к нам по лесу, но выскакивая в пятно не такого уж и яркого фонаря, терялись. Замедлялись, сбивались, иногда замирали на секунду — видимо жизнь в темноте их к такому не готовила.

Я попал в хорошую кампанию — поучаствовать в ловле блох мне даже не пришлось. Почти. Еще на подходе Ликаста хлестнула своим кнутом. И снова, и снова. Каждый удар приходился точно в цель. "Зайцев" буквально разрывало на части от попаданий, и они отлетали сторону, брызгая внутренностями. Но их было слишком много и некоторые прорвались между ударами хлыста. Дорогу им заступил Хар, прикрылся щитом и сосредоточенно хекая, начал гвоздить тварюшек своей киянкой. Как будто игра такая. Тюк одного, тюк второго. Внезапно из темноты вылетел ещё один заяц. Но не растерялся, а сразу прыгнул. И с громким стуком врезался в щит цверга, заставив покачнуться даже этот сейф на ножках. Столкновения со щитом мерзкое существо пережило, но оглушенное упало на землю и задергало лапками. Хар его добил.

Пока он отвлекся, к Ликасте из темноты выпрыгнул еще один. Его, прямо в воздухе, отбил своим топором Гульдун. На привале было видно, что левой рукой он действует не вполне уверенно. Но в бою я этого бы не заметил — здоровенный сутулый минотавр ударил быстро и точно, взмахнув своей бронзовой дурой так же легко, как теннисист ракеткой. С предсмертным писком разрубленный почти пополам "заяц" улетел в темноту.

— Последний? — спросила Ликаста. Хар сделал несколько осторожных шагов вперед. Я вспомнил, что нужно дышать и шумно втянул воздух.

— Ты, смотри, не сбежал, — "похвалил" меня Хар. Потом осмотрелся. — Вроде пока все.

— Бегом дальше! — скомандовала Лакоста, беря на буксир носильщика, который за все время схватки не проявил никаких признаков жизни. — Сейчас на запах волки набегут.

Я не стал расшифровывать, что такое "волки". От многих знаний многие печали, вот что я скажу. Я просто молча затрусил вслед за остальными — а они явно добавили скорости, в ущерб осторожности.

Впрочем, торопились мы недолго. Пройдя быстрым шагом с полкилометра, сделали короткий привал. Хар плюхнулся прямо на землю, тяжело дыша. Минотавр выглядел не лучше. И даже Ликаста оперлась на безучастного ко всему носильщика, переводя дыхание. Только я был бодр и весел.

Лихая веселость пришла ко мне метров через сто после драки. Отличное чувство, знаете ли, когда остаешься в живых и в тебя не вцепилась мегаблоха. Планирую испытывать такое постоянно. Я по собственной инициативе отошел в сторону, чтобы не мешал свет фонаря, и осмотрелся. Вокруг грибной лес дышал жизнью. Правда, потерял все волшебное очарование. Теперь его шорохи и тихое стрекотание казались мне зловещими. Я долго всматривался в серо-белую картинку своим ночным зрением, но не заметил ничего подозрительного.

— Все, идем дальше! — скомандовала Лакоста.

Через некоторое время мы поднялись на дорогу, найдя вырубленную кем-то в камне углубления. Я, с явным облегчением, посмотрел на грибной лес сверху. Теперь мне понятно что эта, вскользь брошенная Харом фраза “Придется идти через лес”, на самом деле значила. Запомню на будущее, что имеет смысл относится к его предупреждениям серьезно. А то несерьезно получится, взять и сдохнуть внезапно.

Если не считать пары страшных моментов от близких шорохов, подозрительного стука упавших камней и напугавшего меня чуть ли не до икоты внезапного пердежа Гульнуна, до города мы добрались без новых приключений.

Я подспудно ожидал что-то вроде крепости, высеченной в горе, и ожидания меня почти не подвели. Путь сворачивал в расщелину, поверху которой виднелись массивные стрелковые галереи, а сама дорога упиралась в могучие ворота с выступающими из камня угловатыми приватными башнями. Недалеко от ворот висели две тусклые лампадки, а темнота узких бойниц была непроницаема даже для моего ночного зрения.

Мои спутники попрятали оружие. Вперед вышел Хар и молча сделал несколько движений руками. Похоже на язык глухонемых. Внутри укреплений что-то заскрипело и одна из створок приоткрылась, пропуская нас внутрь.

— Говорю только я. Вы молчите. Если кто спросит напрямую вас о чем-то, скажите, что вы мои рабы, и пусть говорят со мной, — негромко прогудел из под шлема Хар. — Оружие никому не отдавать. Старайтесь никого не убить. А если дело дойдет до драки, по возможности оглушите. Если вас ранят, не идите к страже, а то добьют. Ну, вот, ворота открыты. Добро пожаловать в город цвергов, славный Сурнокт. Наслаждайтесь нашим гостеприимством!

Глава 5. Темный город

Городок у цвергов, конечно, живописный. Туристической достопримечательностью бы мог стать. Вполне. Местами, даже было красиво — разные оттенки стен, явно заботливо культивируемая поросль фосфоресцирующих грибов в нишах и углах. Прямо целые инсталляции. Попадались широкие арыки с проточной водой заключенные в полированные плиты, красиво полированные колонны, стены с гравировками. Выглядело, как если бы это был московский метрополитен, но строили его древние египтяне. И лодки вместо поездов.

Но всё очарование портил жесткий военный аспект всего этого сооружения. Запутанный и явно оборудованный ловушками коридор на входе был только началом. Узкие каменные мостики под прицелами стрелковых галерей отделяли кварталы друг от друга. На каждом шагу попадались фирменные цвергские двери. Это такая многотонная каменная плита, в форме сплошного круга. Толщиной от полуметра и диаметром метра в два, стоит в каменной наклонной колее. Достаточно вынуть подпорку и эта каменюка скатывается вниз, наглухо блокируя узкий проход. И такие шутки попадались постоянно, превращая город в набор автономных отсеков, как у подводной лодки.

А вот гостевые помещения, которые нам выделили, напротив, дверей не предусматривали. Вход был занавешен потрепанной шкурой. Поэтому быстро стало ясно, что если мы хотим что-то оставить в своем «номере», то надо оставить и кого-то сторожить.

А ещё Сурнокт был опасным, темным и злым местом. Рассказывать о нем можно долго, но только побывав там самому, можно понять эту атмосферу. Когда ты постоянно находишься под перекрестьем светящихся красных глаз цвергов. И кажется, что это в них красный огонек алчности, который разгорается все сильнее.

Никто, даже Хар, не был доволен тем, что мы находимся тут. Похоже, он иронизировал насчет цвергского гостеприимства. Уточнять у него я не стал. Но нашей группе нужно было остановиться, отдохнуть, пополнить запасы. А главное — продать добычу.

Поэтому, после короткого отдыха, сна по очереди и ненамного более обильной еды, чем та которой мы питались в походе, Хар и Ликаста с утра уходили в город. Меня и Гульнана обычно оставляли в гостевом помещении.

Наш номер сильно напомнил мне городскую квартиру. Если бы комнаты вырубали в скале. Правда с квадратными метрами тут было не так плохо, как у нас в новостройках. Тут была даже гостиная, примерно десять на десять метров. С проходами в другие помещения и в ванну с санузлом. Разумеется, там не был санузел кафелем обложенный — надо делать поправку на местный колорит. Так, закуток с неожиданно сносным каменным сиденьем и дырой в нем — самый настоящий сельский туалет. Ниша с каменным углублением, по которому текла вода — почти настоящая ванная кабина. Даже красивая в своей аскетичной простоте. Как, впрочем, и все остальное в «номере». Только вот из мебели в этом отеле всего несколько прямоугольных ниш в стене, в некоторых можно было спать.

Трудно сказать, сколько времени мы провели в городе цвергов. Спали мы за это время дважды. Я чувствовал себя неплохо, хотя меня напрягало, что я мало ел и почти не спал. Видимо, сильно волновался. А еще еда тут... Специфическая. Не страшно, первое время продержусь на подкожном жире — сидячая работа готовила меня к этому всю жизнь. Пару недель на скудной диете только пойдет мне на пользу.

За всё время произошло только два интересных события. Первое случилось сразу после

прибытия — мы обнаружили “зайца” на нашем носильщике. Видимо, всё-таки прорвался и прицепился в лесу.

— Вот же задница Нария! — сказал Хар. Он как раз разгружал поклажу, отстегивая и раскладывая на полу сундуки и мешки. Меня помогать не просили. — Ликаста! Заяц добрался до нашего дуля!

Ага, вот как зовут это существо, “дуль” — впитал я ценную информацию.

— Не трожь! Я хочу его живым! — радостно пропела Ликаста. И бросилась к дулю. Она как раз собиралась спать, поэтому сняла свой плащ и броню, оставшись только в нескольких ремнях на ноге, которые удерживали у нее на бедрах футляр из черной кожи. По сути, она была полностью обнаженной. Но это, почему-то, никого не смущало. Минотавр тоже то и дело оголялся и его вид меня откровенно пугал. Нет, не потому что у него там запасная дубинка. Как раз хер у него был вполне человеческий. Меня пугали его мышцы. Под кожаной броней скрывалось тело не атлета, а мутанта на анаболиках. Слишком широкая грудная клетка, странные квадратики пресса, вообще неправильная анатомия мышц... Логично, конечно, он же не человек. Но выглядело странно и вызывало чувство гадливости. Бррр...

Хорошо хоть Хар даже спал в броне, снимая только шлем. Как и у остальных цвергов, несмотря на беспросветную черноту кожи и волос, у него были совсем не африканские черты лица. Злобно сдвинутые густые, сросшиеся брови, хищный и загнутый книзу, как клюв орла, нос, высокие азиатские скулы и шикарная, густая, лоснящаяся борода. Тщательно смазанная специальным маслом и завитая. Хар посвящал уходу за своей растительностью на лице минут по двадцать каждое “утро”. Внешне его борода напоминала не бороды дворфов из фэнтези, а скорее бороды древних ассирийцев с каменных барельефов, которые я видел в школе. Такие, с химической завивкой. Хар с мастерством опытного барбершопера сооружал себе на лице сложную прическу, чтобы тут же спрятать её под бронзой шлема. Я не стал ни о чем спрашивать.

Ликаста, хотя я конечно, как приличный чело... глубинный гном, старался её не слишком уж пристально разглядывать — единственная выглядела почти человеком. Даже ушки аккуратные, маленькие и вполне человеческие — хотя я подозревал в ней эльфа. Да и вообще она радовала пропорциями. Широкие бедра, большая грудь. Я не находил в ней ничего не человеческого, кроме чересчур белой кожи. Вот до этого случая с зайцем, не находил.

Она, прямо вот так, голой, подлетела к дулю, и начала командовать. Сначала, с помощью Гульнуна, они сняли всю поклажу и стянули покрывало. Под тканью обнаружилось существо, похожее на гориллу. Сильно похожее, только пасть куда сильнее вытянута вперед, и здоровенные клыки. Покрытая проплешинами и ранами, горилла пырилась в пустоту пустыми глазницами. Её череп, похожий на вытянутое яйцо, был вскрыт, а потом заново сшит обратно. Сделано было похабненько, с одной стороны кожа оторвалась и висела тряпкой.

Я даже не сильно удивился. Ну да, мертвая тварь. Ходит. Но не разговаривает же. В принципе, нечто такое я и ожидал. Я с удивлением отметил, что меня даже проблеваться не тянет. И перевел внимание на “зайца”. Все же, это существо было ближе скорее к клопу, чем к блохе. Сейчас оно раздулось и выросло раза в четыре, став похожим на гроздь кочанов цветной капусты. Если бы капуста была из плоти и пульсировала. Я знал, что внутри каждого зреет новый зайчик.

— Хар, кинжал возьми! Гульнун, ты тяни! — командовала Ликаста.

“Заяц” выжрал дулю полспины, глубоко забурившись под кожу. Мне стало как-то гадко смотреть, как мои партнеры вырезают из безучастного зомбьяка мегаклопа и я вышел за “дверь”. Проветрится. Перед глазами стояла покрытая слизью и кровью Ликаста с горящими восторгом глазами, и руками по локоть внутри дуля. Прижимаясь сиськами прямо к капусте она тянула “зайца” наружу. От капусты сиськи растут. Так, о чем я думаю?

Очень хотелось покурить, хотя я бросил еще после университета. Поэтому я просто несколько раз глубоко вдохнул. Постоял еще немного и зашел обратно.

Извлеченного беременного зайца, который вяло отбивался рудиментарными лапками ротового аппарата, засунули в специально освобожденный под это дело ящик и закрыли, для надежности перевязав его веревкой. Ликаста сияла, как будто ей букет роз подарили. Сообщила публике, что займется “этим” завтра. С оттенком напряжения, как будто говорила о пересадки цветка в новый горшок. Типа предстоит возня, но если выгорит, то будет круто.

Лето я проводил у бабушки в деревне. Чистая природа, сад без пестицидов, кровавое забивание поросенка на мясо. И тут главное — потом убрать. А то будет чувство такое... Унылое. И неопратно. А мои спутники развели грязь, а убирать не спешили. Из нашей атаманши хорошей жены точно не выйдет. Развела бардак и убирать даже не планирует. Сама вся перемазалась, как... Как не знаю что. Последнее меня прямо раздражало.

Я взял Ликасту за руку и повел её в ванну. Странно, но она подчинилась. Я молча начал смывать с неё гной и всю прочую гадость. Тут было нечто вроде мыльной губки, так что дело шло хорошо.

— Что ты делаешь, — наконец спросила Ликаста когда я дошел до груди. — Дай, сюда, я сама.

Она отняла у меня губку и отпихнула меня прочь. Мимо моих ног прополз её хлыст и зашипел на меня змеиной головой. Я отступил, развернулся и вернулся в гостинную. И объяснил на тарархихся на меня Хара и Гульнуна.

— Не люблю грязь.

— Ага. Понятно, — кивнул Хар. Он, по своему обыкновению, был в шлеме, но мне показалось что он ехидно улыбается.

Гульнун замычал что-то неразборчивое и отошел в сторону.

На следующий день, когда Ликаста с Харом ушли и оставили меня с человекобыком одни, он долго молчал. Потом поел, вздремнул, попил и наконец завел разговор.

Я в это время не сидел без дела — Кенни наконец отмер. И сейчас я развлекался тем, что исследовал его возможности. Пока я приспособил его вместо дрона-разведчика. Увы, картинку он передавать не мог. Но я будто понимал, что он видит. Поэтому я сидел у входа, и незаметно отправлял его на разведку. И как только он наткнулся на что-то интересное, я его возвращал и он “показывал” увиденное. Это было меньше всего похоже на видео. Я как будто “вспоминал”, как карабкаюсь по стенке, заглядываю в бойницу, и слушаю разговоры двух цвергов. Это требовало полного сосредоточения, поэтому я с некоторой неохотой отозвался на голос Гульнуна. Тот говорил с паузами, долго подбирал слова. С ним было тяжело общаться.

— Слышь, гном... — забавно, а ведь они до сих пор не спросили, как меня зовут. — Ты знаешь, кто такие гигару?

— Не совсем, — осторожно ответил я.

— Ааа... Муэ... — задумчиво протянул Гульнун. А потом закинул башку к потолку и протяжно замычал. Я уже знал, что так он смеётся. Я терпеливо дождался пока он

промычится. Но продолжения не последовало.

— Ну и кто они такие? — наконец спросил я, поняв, что это не пауза, а конец разговора.

— Муэ? Кто? А! Да... Гигару! Муэ они... Муэ... — человекобык наморщил лоб. Я подозревал, что его тугодумность, как минимум наполовину наигранна. Вот и сейчас, он скорее думает не что сказать, а что он может сказать. Мои подозрения подтвердились. — Спроси Хара!

— А ты не можешь сказать? — слегка поддразнил я его.

— Я все могу! — гулко проревел он в ответ. И даже без “муэ”.

— Конечно. Кроме как говорить без разрешения Хара? — ляпнул я, и тут же пожалел. Вот сейчас быканет, а у меня дубинка не по размеру. Такую тушу надо кувалдой глушить. Но, против ожидания, Гульнун не рассвирепел.

— Не, ты не туда думаешь. Гигару скульпторы плоти. Видел зайца? Ликаста такая же, — Гульнун ткнул культей себе в грудь. — Внутри. Спроси Хара, он скажет лучше. Смотри на вход. Я буду спать.

И в самом деле завалился на скатку. А через минуту вырубился, трубно захрапел.

Через пару часов Кенни принес картинку, что Хар с Ликастой возвращаются. Хар буквально орал на Ликасту по дороге. Та в ответ отмалчивалась, что на неё совсем не похоже.

В наш “номер” Хар ворвался первым, сорвал шлем и оскалился в улыбке. Очень недоброй. Еще эти подсвеченные красным глаза. Ух и злобная же у него была рожа.

— Гульнун! Радуйся! Мы купили тебе новую руку! — заорал Хар. — И нам стоило это половины добычи, Нирийские яйца мне в рот! За эти деньги мы могли бы нанять трех таких как ты!

— Может ты думаешь, что я не смогу убить тебя одной рукой? — спросил минотавр обманчиво спокойно и взял здоровой рукой свой огромный топор. Вперед выступила Ликаста и положила свою, такую маленькую, ручку ему на плечо.

— Хар пошутил. Он цверг и траты делают его глупцом. Мы бы никогда не смогли нанять такого, как ты, Гульнун, за такие деньги. Ты стоишь больше. Сядь и приготовься к боли.

Хирургические операции в полевых условиях сами по себе зрелище не из приятных. Но то, что творит Ликаста, делает их кратно более омерзительными.

Я сломался на моменте, когда она надрезав и так плохо зажившую культю Гульнуна, загнала ему в кость какую то хрень, похожую на костяной штифт с извивающейся бахромой из ленточных червей. Я плюнул и снова вышел "покурить".

Меня немного беспокоило, не придет ли местная стража на утробный рев боли Гульнуна, от которого я аж приседал. Но нет, похоже, цвергам было насрать, что происходит у гостей их города. Знаменитое цвергское гостеприимство, надо полагать.

Когда все затихло, я вернулся обратно в пещеру и обнаружил измученного, но довольного минотавра, который любовался новой рукой. Рука сильно напоминала высокотехнологичный протез, который я как-то видел на ютубе. Разве что сделана была из бронзы и кости.

Гульнун сжал и разжал пальцы. Ликаста, прямо как терапевт на приеме, говорила скороговоркой:

— Три дня ничего ей не делай. Со временем она начнет слушаться лучше и немного прорастет в тебя. Главное не повредить молодые ростки. Будет сильно больно. Но потом

боль пройдет. Когда рука приживется, то она быстро начнет расти и становится сильней.

— Это хорошо, — прогудел Гульнун.

— Давай я примотаю её к телу, я не верю, что ты её не потревожишь! — скомандовала Ликаста. И под недовольное мычание начала сооружать минотавру тесную плотную повязку, буквально приматывая культю с протезом к телу. Хар сидел поодаль. Он перебирал какое-то барахло в своем сундуке. Считал деньги, надо думать. Шлем он снял и я поразился, с какой злобой он посматривал на руку Гульнуна.

Я осторожно подсел к нему. Так, чтобы не видеть содержимое сундука, но цверг все равно прикрыл крышку.

— Слушай, Хар. Я хотел спросить... — начал я и бросил взгляд в сторону Ликасты. И понял, что она насторожилась и вслушивается. Обсуждать её при ней же, как-то неприлично, хоть она тут изредка в кишках по соски бродит. Поэтому я запнулся и вывернулся: — Эм... А какие у нас планы?

Хар хохотнул, хлопнул себя по колену и ответил:

— Сначала нам надо основать новую цитадель! Для этого мне нужны деньги. Много. И пару десятков дельных цвергов.

— Мне нужно основать логово... — протянула Ликаста.

— Нет! Теперь мы вернемся в мой лабиринт! — проревел Гульнун. — Я готов убить своего отца!

— Рано! Я еще не сделал тебе броню! — злобно рявкнул Хар.

— Три года твоей службы еще не вышли! — пропела Ликаста. Не знаю, как ей удалось, но прозвучала она не менее злобно, чем клопочущий рык цверга.

— А долго еще? — насторожился минотавр.

— Еще полтора года! — ответила Ликаста. Теперь её голосок звенел как железка.

— Это будет ошибкой, — сказал я. — Вернуться в лабиринт.

Все посмотрели на меня так, будто я дуль-носильщик и вдруг заговорил.

— Ты! Я?! — замычал минотавр, видимо подозревая меня во всяком. Но не понимая, в чем именно.

— Объясись, гном, — процедил Хар.

Помимо ночного зрения я приобрел и фрагментарную базу знаний. Теперь я практически все знал о теневиках. Кроме того, что они такое. Знал некоторые факты о цвергах — например, они очень плохо стреляют. Что-то там с пространственным мышлением. Зато цверги очень преданы своему клану. Только про Ликасту, вернее, про гигару, я не знал ничего. Но вот про минотавров, я знал многое. Я успел подумать над этим на досуге.

— Давай уточним, — я встал и отошел к выходу. На всякий случай, если бычара все же кинется. — Твой народ, Гульнун, живет в лабиринтах. Так?

— Муу, — утвердительно буркнул рогатый.

— Лабиринты буквально создают в толще камня ваши женщины. И они же наколдовывают еду?

— Священные рощи появляются... Ну... Муэ... — минотавр задумался.

— Они делают еду, они делают дома, они распределяют кто и где живет, они распределяют оружие... Но ты думаешь, что ты можешь стать вожаком, если именно ты захочешь?

— Да! — заревел Гульнун. — А если кто-то из молодняка бросит мне вызов! Я! Мууу!

— Подожди, Гульнун, этот коротышка задает интересные вопросы, — прикрикнул на него Хар.

Да с хера ли я коротышка? Хотя, сейчас, когда мы сидели рядом, Хар был не ниже. Видимо, у него просто очень короткие ноги. Поэтому он ниже.

— То есть ты хочешь сказать, что даже если Гульнун убьет своего отца, то не сможет занять место вождя? — уточнила Ликаста.

— Или займет, но ненадолго, — Хар погладил бороду на лежащем рядом шлеме. — Съест что-то не то, например. Паучьи сиськи, Гульнун, тебе надо давить не быков, а телок!

— Муээ?! Убить я тебя! Гном! — минотавр вскочил на ноги. Он явно был в бешенстве.

— Сядь. Ответь, гном прав? Еда, одежда, лабиринты, все это делают не самцы? — Ликаста тоже встала. И её хлыст с недвусмысленной угрозой поднял змеиную башку, шипя на Гульнуна.

Здоровенный бычара посмотрел на хрупкую девушку и сел обратно. Он сидел долго. Подперев здоровой рукой голову. И думал. Когда я уже решил, что продолжения разговора не будет, он ответил:

— Нуээ...

— Тот, кто был вождем до твоего отца? И как он умер? — спросил Хар.

— Болел. Умер... — человек-бык так наморщил рожу, что я стал бояться, что у него сейчас мозг лопнет.

— А перед этим, он сделал что-то плохое? Неправильное? Обидел самку? — подтолкнула его мысли Ликаста.

— Ударил жрицу! — промычал Гульнун и застыл с удивленным лицом. И потом продолжил, безобразно растягивая слова и глотая окончания: — Отец всегда... Как тряпка... Они, такие, говорят... Никогда не говорил им нет. Я понял! Но что тогда я буду делать?

— Лабиринты минотавров по-прежнему расположены рядом, как будто гроздьями? — спросил я.

— Да. Точат скалы как черви грибнину, и только они сами знают, где кончается владения одного клана и начинаются другого, — подтвердил Хар.

— Сколько в одной семье?

— Лабиринт и священная роща не могут прокормить больше шести десятков взрослых минотавров, — ответила Ликаста. — Поэтому молодые мухумы выходят в подземье, чтобы в бою доказать свою доблесть и силу. Что могут охранять лабиринт. Занять место вожака стада. Но, чаще гибнут, пытаясь.

— Тебе надо взять пять, а лучше десять молодых, — сказал я. — И воспитать их. Закалить в боях, одеть, вооружить. А потом, вместе с ними, пройти по лабиринтам. Убивать вожака, а вместо него оставлять одного из своих.

— Зачем? — нахмурился Гульнун.

— Не перебивай! — рявкнул Хар.

— Когда вы захватите пять, или даже десять лабиринтов, вам надо постоянно встречаться друг с другом. Например, раз в полгода, или год. И если один из вас умрет, то убейте всех старших самок в его лабиринте.

Хар хлопнул в ладоши:

— Точно! А это хорошо придумано!

— Я не понял! — взревел Гульнун. — Зачем?!

— Я потом объясню, — отмахнулась Ликаста.

— А ты не так бесполезен, как выглядишь, — одобрительно сказал Хар, встал и хлопнул меня по плечу. Явно старался вдарить посильнее, будь я в броне, я бы даже не поморщился. Но сейчас я охнул и присел. Скорее от неожиданности, больно не было. Хар, довольный результатом, продолжил:

— Хоть и хлюпик, а башковит! Видать, все в мозги ушло! — и без перехода цверг схватил свое кайло. Тут же встав в боевую стойку. Я шарахнулся в сторону. Думал он меня ударить хочет. Но чернокожий дварф всполошился по-другому поводу.

Занавеска на входе распахнулась и в нашу нору ввалилось два цверга в шикарной бронзовой броне. Панцири покрытые имитирующей рыбную чешуёй резьбой, поножи, большие квадратные щиты. Слегка напоминают греческих гоплитов.

— Что надо? — зашипела на них Ликаста, вся подобралась, как кошка для прыжка. Все остальные, разумеется кроме дуля, тоже похватили оружие. Даже я. Два бронированных цверга хмуро осмотрели нас. Потом раздвинулись, освобождая проход. И зашел третий “гость”. Этот был богат — его выдавала толстая золотая цепь, шикарная борода и богатая одежда. А еще он подволакивал ногу и опирался на украшенную серебром изогнутую трость.

— Думал, я не найду тебя? — сказал хромой и улыбнулся. Мне не понравилась ни его улыбка, ни его цепь, ни его костыль, ни его появление, ни его головорезы. Но больше всего мне не понравился его пустой и безучастный взгляд. Он смотрел прямо на Хара. Что, в принципе, нормально для цвергов — я заметил, что цверги часто просто смотрели сквозь вооруженных не-цвергов, демонстративно нас не замечая. Я убрался с линии зрения вошедшего, чтобы ему было удобнее меня не замечать, а то ему приходилось делать вид, что видит меня насквозь. Хромой продолжил, обращаясь только к Хару и не предполагая возражений:

— Собирайся! Твоё безумие окончено! Ты идешь со мной!

Глава 6. Темные дела

Все присутствующие замерли в почти театральной паузе. Я покосился на "своего" цверга.

— Безумием было прийти сюда всего с двумя охранниками, брат! — зло выплюнул Хар. Брат?! Вообще-то... Ну да, есть в этих двух темных рожах что-то общее. Хотя, честно говоря, для меня пока все цверги на одно лицо. О, кстати, только сейчас заметил — хитрая укладка бород и у Хара и у хромого цверга похожа. Точно, их по бородам можно различать. Реально, прически разные — не зря они так стараются завитки всякие укладывать, разница на лицо. На лице. Значит, цверги удобно “по прическам” бород различаются. Поэтому, видимо, Хар свою и прячет.

Пока я укладывал у себя в голове факты стопочкой, события дальше развивались совсем не так, как я подсознательно ожидал. Явно после долгой разлуки, братья не полезли обниматься, как в программе “Жди меня”. Хар заорал и, под мой удивленный “Эээ?”, замахнулся своей мотыгой и бросился на братюню.

Хромой тоже оказался обескуражен таким поведением. Что странно, ведь он явно вошел с недобрыми намерениями. Как мог бы войти коллектор к злостному неплательщику, как теща к зятю в баню где он с девками, как пенсионерка в управляющую домом кампанию... То есть, вроде как был готов к схватке. Но, едва увидев приближающегося Хара, его брат завизжал как бородатая баба увидевшая мышь и, несмотря на хромоту, ловко скрылся за щиты своих телохранителей. Я впервые увидел трусливого цверга и поэтому снова уронил челюсть.

— Убейте их всех! — взвизгнул Хромой уже откуда-то из-за двери. — Двадцать патаров за голову!

И тут же в нашу пещеру занырнуло еще четверо цвергов. Обстановка стала тесной и нездоровой. Не так тесно, как в маршрутке по утрам, но в маршрутке обычно и без поножовщины обходилось.

Так много вопросов и так мало ответов. Во-первых — что такое патары? По контексту это деньги, но у цвергов нет денег. Это я только что “вспомнил”. И двадцать — много или мало? И почему “всех убить” — как я точно знал, для цвергов семья это святое. Увы, все эти липкие вопросы пронеслись в моей голове улитками на крыле реактивного самолета, и скрылись вдали — обстановка вокруг не располагала к вдумчивому анализу.

Новоприбывшие мечники были явно наемниками. С откровенно бандитскими бородами (небрежные такие, нечесаные), в легких кожаных доспехах и с короткими, широкими мечами в руках. Такими удобно орудовать в узких городских штольнях, а не от зайцев в лесу отбиваться. Эти четверо с самыми серьезными намерениями кинулись нас убивать, пока хромой их науськивал от входа. Впрочем, с вполне воровской осторожностью — щитоносцы как-то оказались впереди толпы. Вот это братская встреча. Когда я наконец подобрал челюсть с пола, то обнаружил, что вокруг идет потное месилово.

Хар яростно рубился сразу с двумя врагами. И выглядело так, что им было бы не лишним пару рыл в подкрепление. Один из щитоносцев удерживал Гульдуну. Минотавр страшно ревел и размахивал своим топором. Но каждый раз дварф приседал и принимал удар на щит, и потихоньку подбирался к противнику.

А Ликаста хлестала своим кнутом. По цвергам она била иначе, чем в лесу по зайцам. С

хитрым финтом чтобы обойти возможный блок, стараясь ударить с неожиданной стороны. Упавший первым цверг с подозрительной бородой, который хрипел и держался за прокушенное змеёй горло — был на её счету. Судя по его посеревшей коже, кнут у Ликасты не только со змеиной головой, но еще и со змеиным ядом.

Один бандюганобородый кинулся на меня. Я нервно пнул его в лицо. Получилось очень удачно — тот такого явно не ожидал. Ну да, у них же ножки короткие, не судьба им вертушку освоить. Так что мой прямой удар ногой в лицо застал его врасплох. Разгон он взял хороший, я с испугу вложился и сделал все правильно. Прямо как в детстве, когда в поселке в заброшенных домах двери выбивал. Моя пятка уверенно состыковалась с массивным черным носом, аж кровь и сопли во все стороны брызнули — короче, цверг удивленно хрустнул и улетел, оставив свой меч валяться на полу. Минус один.

Так, теперь главное не терять темп. Я занес дубину над головой и бросился на помощь минотавру. Мне показалось, что он в самой сложной ситуации. Одна рука на перевязи, и он никак не мог её освободить. А левой рукой быкочеловек бил плохо. Вернее, недостаточно хорошо, чтобы справиться с цвергом. И было видно, что он уже устал. Но удары Гульнуна были достаточно сильны, чтобы щитовой цверг был полностью сосредоточен на том, чтобы под топор минотавра не подставиться ничем, кроме щита.

Я подкрался к щитнику сзади и врезал ему со спины. В голове мелькнула мыслишка, не окликнуть ли его. Вроде как в спину бить некрасиво... Но я отогнал эту дурь. Ударил я мастерски — от жопы, с уханьем, обрушил каменную свою дубинушку прямо на затылок цверга. Бум! Я думал, что камень навершия расколется, но он выдержал. Что хуже, шлем цверга тоже выдержал — теперь я понял, зачем шлемы делают обтекаемыми. Мой удар, хоть и оставил вмятину в металле, но соскользнул, не вложил всю энергию удара в цель. Тем не менее цверг замешкался. Загорочался, попятился от минотавра. Я рассчитывал, что мой вражина от такого удара тут же упадет на землю, как в фильмах. Там же как — один взмах, один труп. И все валяются до конца сцены. Я прямо фаталити сотворил, а этот гад даже на одно колено не упал. Я быстро справился со своим разочарованием, опять занес булаву и снова обрушил удар на стойкого противника. Теперь целился в хребет — бронзовый нагрудник защищал цверга спереди, но на спине были только ремни.

Ударить второй раз я не успел. Меня отвлекло лезвие меча, высунувшееся из моей груди. Брызнуло вокруг черной кровью. Моей, надо полагать. Лезвие дернулось и спряталось обратно. Может, показалось? Я растерянно развернулся, обнаружив за спиной ублюдка, который меня пырнул. Он по-цвергски злобно оскалился и проткнул меня снова. Теперь воткнув меч прямо в грудь. Провернул и тут же выдернул.

Боли не было, была только жуткая досада. Возможно поэтому я одновременно с его ударом, ударил в ответ. Благо булаву я уже занес. Удар пришелся ему в плечо, и я даже сквозь вопли и лязг оружия услышал хруст кости.

И в этот момент битва закончилась. Мой убийца выронил меч. Тут же бросился прочь, придерживая болтающуюся тряпкой руку и визжа как свинья. Пробежал мимо стоящего на коленях щитовика, которого добивал Хар. Рядом в стену врезался второй щитовик — Гульнун не упустил момент и снес слегка оглушенного мной цверга, своей массой. Сделал это по-бычьему — подняв его на плечо и с разгону грохнув об стену.

Тут и там стремительно мелькал кнут Ликасты, впиваясь в шею, запястья и лодыжки “дорогих гостей” — все места, не прикрытые броней. Ликаста била красиво — прямо художественная гимнастика, упражнения с лентой.

Хар выскочил за дверь и тут же вернулся обратно, с досадой рывкнув:

— Сбежал!

Про своего брата это он говорит, или про подранка, не уточнил. Наверно, про обоих. Мне было не любопытно — мне стало как-то нехорошо, я отошел в сторону и оперся на стену. Накатила слабость. Выронил булаву и коснулся груди. Вот так, один раз броник забудешь надеть и все. Кровь и в самом деле была черной, не показалось. Может, из-за освещения. Я задумчиво посмотрел себе на грудь и утопил пальцы в жуткую дыру, на два пальца левее правого соска. Легко вошли, как по смазанному, аж по вторую фалангу. Я замер, ожидая вспышки боли. Но её по-прежнему не было, была только слабость и чувство обреченности. Я сполз по стенке вниз и уселся на жопу, широко раскинув ноги.

— Ты ранен? — склонилась надо мной Ликаста, протянула руку к моей груди и вдруг отпрянула. Не просто отпрянула — вскочила на ноги и замахнулась кнутом. Какая она грациозная.

— Что ты стоишь?! — рядом с нами появился Хар. — Давай быстрее, затвори ему раны. Раз все еще жив, значит сердце не заде...

— Он теневик! — непривычно испуганным голосом взвизгнула Ликаста, указав на меня.

Хар замолчал. Подошел чуть поближе, всматриваясь сначала мне в рану, а потом в лицо.

Со мной творилось что-то странное. Кровь с пальцев вдруг стала истекать вверх, как будто густой черный жирный дым, и растворяться в воздухе. Моя грудь тоже сейчас будто была охвачена черным пламенем.

— Он бился! С нами! За нас! — промычал Гульнун. Я не видел его, моё внимание приковали трупы нападавших. От одного к другому перебирался Кенни и что-то вытягивал из них, наливаясь чернотой и стремительно вырастая в размерах. К счастью, все смотрели на меня и Кенни не видели.

Я снова глянул себе на грудь и, кажется, разглядел ребра в своей груди. Я буквально рассыпался. Вернее, растворялся в воздухе. Ликаста снова приблизилась, опять протянула руку и покачала головой. Повторила, уже спокойнее.

— Я ничего не могу сделать. Он теневик.

Чувство такое, что у меня оставалось еще несколько секунд. Я хотел было что-то сказать, но получился только сиплый выдох. Хар подсел рядом и заглянул мне в лицо.

— Плевать, кто ты. Плохо, что я так и не спросил твое имя. И прими мою благодарность, — сказал Хар.

А потом я умер. Говенное ощущение, никому не советую пробовать. Избегайте максимально долго.

Очнулся я в полной темноте, которая не была для меня проблемой. Я видел все в серо-белых тонах, что не могло не радовать — мое ночное зрение осталось со мной. А еще у меня ужасно болело все тело — было очень похоже однажды, когда я сильно выпил и уснул на поленнице дров у знакомого на даче. Я потратил минут пять, чтобы как следует покряхтеть, поматериться, поорать. Заодно и поднялся на ноги.

Особенно сильно, почему-то болели пальцы ног. Я обнаружил рядом свой намертво разряженный телефон. Сунул его в карман. Всего два раза уронив. Осмотрелся. Комната со старинной мебелью. Массивный круглый стол с каменной столешницей — я как раз на нем. Ага, вон дверь. Я спустился со стола, доковылял до двери. Дернул дверь. И она вывалилась из сгнившего в труху косяка, чудом меня не прихлопнув. За дверью обнаружилась каменная кладка. На вид в полкирпича всего.

— Замуровали, демоны, — остроумно пошутил я. Голос у меня сиплый, страшный. В темноте пыльного помещения он прозвучал зловеще, как приговор. Я покрылся холодным потом, хотя и так было холодно. Гоня страх, я пнул кирпичи и здоровенный кусок старой кладки просто выпал наружу. Я тут же расширил дыру, используя вместо кувалды обломки косяка. Как только расширил отверстие достаточно, тут же полез в него. И оказался в подвале своего офисного здания. Вокруг валялся какой-то хлам. Я замаскировал дыру в стене старыми досками из дсп и направился искать выход.

Меня беспокоило ощущение холодного, инородного тела в груди. Как будто огромный паук обнял мое сердце. И нет-нет, помогал ему биться, сжимая хитиновые лапы. Я понял, что бегу вперед, стараясь не придавать этому значения. Поэтому остановился и сосредоточился. Схватился за грудь. И охнул — было больно. Я расстегнул куртку, рубашку, оттянул майку — на груди, примерно в том месте, куда ударило лезвие цвергского меча, виднелись рубцы. Я сейчас был в темном коридоре, и чернобелое зрение не позволяло рассмотреть получше. Осторожно ощупав кожу вокруг саднящих отметин, я понял, что это поверхностные повреждения. Я немного подзавис, прислушиваясь к себе. И ощутил рядом что-то темное.

— Так, кто тут, вылазь, — сказал я, просто чтобы не было так страшно. От тени в углу отсоединился Кенни. Что-то теперь он вызывал во мне почти парализующий ужас. Сейчас он снова был размером примерно с крупную собаку. Как только он показался, то тут же принялся лазить вокруг меня по стенам, распластавшись и с помощью всех конечностей, отчего стал похож на дымящегося тьмой паука.

— Кенни, выход поищи. Домой хочу, — сказал я. Просто, чтобы что-то сказать, а то смотреть в тишине на происходящее было до тошноты страшно. К моему удивлению, Кенни послушался. Такого чувства единения как во сне (во сне ли?) я с ним больше не чувствовал. Хорошо, что он воспринимал речь.

Кенни заметался вокруг и умчал по коридору. Я стоял. Взял паузу. Отдохнуть. Подумать о всяком. Но мысли не шли.

Кенни вернулся и позвал меня за собой. Я даже обрадовался. Наконец-то выход. Чудище, похожее на зарисовку кошмара сумасшедшего, протягивающее длинные, черные, будто сплетенные из проволоки пальцы со зловещими длинными лезвиями вместо ногтей, и манящее тебя из темноты — мало похоже на табличку “exit”. Но мне норм.

Вообще мое кредо по жизни — наслаждаться тем, что есть.

Сначала Кенни отвел меня к лестнице. Старинной, с чудом сохранившимися коваными перилами. От этой лестницы я добрался до выхода уже через пару коридоров. Подвал оказался больше, чем я раньше думал. Помещение, в котором я пришел в себя, располагалось прямо рядом с одним из выходов. И этот выход был, разумеется, заперт.

Я с тоской поглядел на луну через забранное толстыми железными прутьями окошко под самым потолком. Надо было искать другой выход, но просто, чтобы убедиться, я подергал сваренную из толстого стального листа дверь. Она была, разумеется, заперта. Но не на замок снаружи, как я предполагал. Внизу и вверху на двери были самодельные щеколды для ворот.

Наверняка это осталось тут еще с 90-х. Только тогда было проще сварить самому хитрую самоделку, вместо того чтобы просто пойти и купить нормальный замок.

Следующие минут пять я провел в борьбе с щеколдами. К счастью, рядом нашлась пара кирпичей и доски — без них, голыми руками, я бы приржавевшие штыри никогда не смог

вынуть из пазов. Но и когда я отодвинул щеколды, радоваться было рано — петли двери тоже заржавели намертво. К счастью, дверь открывалась наружу. Я навалился на неё всем весом, со стоном металла и хрустом костей открыл на сантиметр, вставил в щель доску. И стал расширять проем, работая досками как рычагами.

Это был самый потный квест за всю мою жизнь, а ведь мне теперь есть с чем сравнивать.

Когда я выбрался из подвала, оказавшись в расположенном ниже асфальта кармане, и увидел ночное небо и отблески фонарей над головой, я совершенно искренне обрадовался. Еще пара минут напряженной возни с импровизированной лестницей из валяющегося под ногами мусора — и я стою прямо за углом. За углом от центрального входа в свое офисное здание.

На улице ночь, так что на работу меня не пустят. А ещё я грязный. Очень грязный. Руки в ржавчине, сам весь в пыли. Я отряхнулся, как смог, и двинулся домой — снова порадовавшись, что снял квартиру рядом с работой. Нет, ну реально удобно.

Честно говоря, я устал сильнее, чем мне казалось. И все сильнее хотелось пить. Поэтому полностью сосредоточился на ходьбе. Это привычное занятие стало слишком трудным. Если бы не это, то я бы смог избежать подозрительной троицы впереди. Они не особенно прятались, стояли, курили в полутьме арки старого дома.

Всего в паре десятков метров была оживленная трасса, к тому же я ходил через эту арку на работу утром, и с работы вечером — поэтому я просто шел по привычному маршруту.

И даже не сразу сообразил, что происходит, когда кто-то меня догнал и развернул. Поэтому обнаружил себя уже в классической “коробочке”. Один “общается”, двое по бокам, контролируют мои движения.

— Телефон дай позвонить, слышь, — говорил “заигрывающий”. Как водится, самый маленький. На голову ниже меня.

— Он сел, — растерянно ответил я.

— Ну, так я заряжу, — гыгыкает кто-то справа.

— Слышь, а деньги есть? — снова говорит мелкий. И приближает ко мне свое лицо, скорчив его в страшную рожу. Либо у него талант, либо долгие годы упорных тренировок — выглядит он и в самом деле омерзительно. Просто гоблин, а не человек. Я реально пугаюсь. Хотя, сейчас меня даже десяток ступенек способны испугать до черного отчаяния. На меня накатывает такая усталость, что я боюсь упасть. Хочется или уже оказаться дома, или умереть.

— Кенни, фас, — тихо говорю я.

— Чьооо бл... — успевает протянуть мелкий, прежде чем я чувствую движение слева от себя. На моё лицо брызгает теплым. Я досадливо морщусь, вытираю губы. Смотрю на пальцы. Они были очень грязные, а теперь, оказались еще и в крови. Кровь правильного, ярко красного цвета, но меня это не радует. Я поднимаю взгляд, чтобы увидеть как мелкий молча и стремительно убегает прочь.

Человек слева оказался не столь сообразителен. Он наконец понимает, что с его товарищем произошло что-то плохое. Отшвыривает меня в сторону, матерится, оглядывается. На его кулаке кастет. Я едва удержался на ногах. Смотрю на этого грубияна с возмущением, поэтому замечаю, как Кенни появляется из темноты позади него. И нежно, почти бережно, обнимает парнишку всеми конечностями, рудиментарными крыльями в том числе. И тут же перерезает ему шею своими черными когтями.

Я еще некоторое время наблюдаю, как Кенни возится с телами, втягивая с них что-то, что осталось после смерти. Методично избавляется от кастета и, зачем-то, срезает куски одежды с застежками, пряжки ремней... А потом утаскивает в темноту. Меня слепит повернувшая с трассы машина. Она просто мазнула фарами по арке и тут же скрывается, но теперь ночное зрение не работает. Да я и не горю желанием знать подробности. Я разворачиваюсь и иду дальше домой, придерживаясь за стену рукой.

Дома я долго пью воду из-под крана, а потом отключаюсь на матрасе, даже не сняв куртку.

На следующий день я просыпаюсь голодный, как волк. Если волки бывают такими голодными, то их реально надо бояться. Я сожрал полтора килограмма пельменей из холодильника, и первую порцию начал есть еще до того, как они нормально сварились.

Только наевшись и отдышавшись, я начал приходить в себя. Залез в душ и яростно отскреб от себя пыль и грязь. Особенно долго мыл руки, все казалось то на них что-то красное. Наверное, ржавчина. Потом долго стоял перед зеркалом, рассматривая свежие уродливые шрамы на груди. Не знаю, как выглядят раны от мечей, но наверняка очень похоже. Я несколько раз глубоко вздохнул, помахал руками. Нет, внутренние органы точно не повреждены. Только на сердце по-прежнему как будто камешек положили. Наверное, это психосоматика. Только сделав себе горячего сладкого чаю, я позволил себе наконец-то задуматься о произошедшем.

Но, для начала, я поставил на зарядку телефон. Отвык думать без гугла.

В дверь раздался требовательный стук. И продолжительный. Хозяйка не ставила звонок, ну а мне то он зачем? Сейчас, когда в дверь долбятся вот так нахально, мне подумалось, что лучше бы трезвонили.

Я подошел к двери. Почему-то, стараясь не шуметь. Хотя, чего мне бояться?

— Кто там?! — недовольно и излишне громко спросил я.

— Откройте! Милиция! — отозвались с другой стороны.

Глава 7. Темная история

Я замер в неудобной позе, подняв ногу и с чашкой в руке. Кенни, явно почувствовал мой испуг и заскребся под раковиной. Но не вылез на свет. День на улице беспокоил теневика — я чувствовал, как он медленно смещается внутри пустот за кухонными ящиками, ища места потемнее. Блин, а я ведь знаю о его присутствии, но просто до этого игнорировал это знание. Как в том меме — если его не видно, то его и не существует. А сейчас ситуация резко изменилась, и я о Кенни вспомнил. Даже с некоторой теплотой, я бы сказал.

Я тихонько стал отступать от двери, прикидывая, как сделать квартиру потемнее. Надо было сначала шторы купить, а не матрас.

— Сережа, у тебя все там нормально? Это же я, Вячеслав! — уже куда мягче повторили за дверью. Я узнал характерную картавость, с которой произнесли мое имя. Блин, он же сказал, “милиция”. У нас полиция давно.

— Да, да, всё нормально, — отозвался я. И двинулся обратно к двери. После небольшой заминки, глянул в глазок. Убедился в своих подозрениях. И только потом запустил внутрь Вячеслава.

Тот вкатился внутрь и в квартире сразу стало шумно, тесно и весело.

— О чаёк! А у меня шоколадки есть! — Вячеслав, для друзей просто Вячик, был упитанным очкариком. Черты лица мягкие, подслеповатые глаза за толстыми линзами очков внимательные, с губ почти не сходит улыбка. Бородка, длинные, неухоженные волосы до плеч, собранные в хвост. Вячику уже сорок лет, но ему редко кто давал больше тридцати. Возможно, из-за очень добродушного вида.

Пока он раздевался в прихожей, а потом суетился на кухне, бросая на меня внимательные взгляды, я зашел в ванну. Глянул на себя в зеркало. Душ и умывание помогли, но у меня был солидный синяк на скуле и странный блеск в глазах. Радужка которых, кстати, как будто потемнела. Или мне просто уже мерещится всякое. Я вернулся на кухню, взял свою кружку чая в обе руки, грея об неё ладони. Отхлебнул. Увидел, что мои руки все исцарапаны и избиты, как будто в лесу могилу себе копал. Сделал вид, что так и должно быть. Не прятать же их теперь под стол. Тем временем Вячик говорил:

— Мы же договорились на воскресенье собраться, в настолки поиграть. Я тебе звонил-звонил. Ты не поднимаешь трубку. Ну, ладно, думаю, потом перезвонишь. А потом у тебя телефон и вовсе отключился. Ну, думаю, потерял.

Я познакомился с Вячеславом при довольно забавных обстоятельствах. У меня была девушка, у которой была подруга, которая любила играть в ДнД. И эта подруга однажды уговорила и нас попробовать с ней поиграть в ролевые игры. Я понимал, что речь идет о настолках, но все равно согласился. На автомате, наверное. Короче, обе девки уже давно уехали в Москву, а вот Вячеслав, который был ведущим игры, так и остался в круге моих знакомых.

— А в понедельник мне позвонили с твоей работы и стали спрашивать, ну типо, где ты?

— С работы?! — удивился я. И тут же вспомнил, что во время заполнения рабочей анкеты указал номер Вячеслава как запасной контактный. Искренне веря, что это такая шутка, только для меня. Я не планировал общаться с Вячеславом. А потом меня догнало слово “понедельник”. Я молча встал, прошел в комнату, снял телефон с зарядки. Вернулся, включил и положил его перед собой. Сорок один пропущенный вызов. Шесть от Вячеслава.

Остальные от шефа, главбуха и главного инженера. А сегодня вторник.

— Сказали, что ты на работу не явился. Тогда, я решил к тебе зайти домой сегодня после игры. Вот, зашел. Сереж, у тебя всё нормально?

Я медленно поднял на него взгляд. Я был уверен, что провел в подвале ночь. Одну. А на самом деле я провалялся там... С вечера субботы, до ночи понедельника. Больше двух суток. Неудивительно, что мне было так тяжело, когда я пришел в себя.

— Серёга, — мягко сказал Вячеслав. — Если я могу как-то тебе помочь... Может ты просто расскажешь всё? Может тебе тогда станет легче?

Я посмотрел на него и зло ухмыльнулся. И вот, этот пухлый и вежливый человек, который неизвестно чем зарабатывает на жизнь и любит играть в “Подземелья и драконы” оказался единственным, кто меня по-настоящему хватил. Если не считать тех, кто меня искал по работе. Что-то я в своей жизни явно делаю не так.

— У меня на той неделе девушка на игру приходила, она психотерапевт. Хочешь, я её спрошу, есть ли у неё окно? Сходишь, поговоришь, — сказал Вячеслав, не обращая внимания на довольно громкие шорохи, доносящиеся из под раковины.

— Ладно, — сказал я, неожиданно даже для себя. Пожалуй, лишним это и в самом деле не будет. — Скинь мне номер. Я прямо сейчас позвоню.

Вячеслав обрадованно кивнул и достал свой телефон. Здоровенный, как лопата. В этот момент Кенни выбил ящик из кухонного шкафа. И главное самый неудачный — верхний, с вилками. Видать никак не мог устроиться поудобнее. Ящик вылетел с ужасным грохотом, рассыпая по всей кухне невеликий набор столовых приборов и врезался в щиколотку моего гостя.

— Что это? — Вячеслав застыл с телефоном в руках. Даже не дернулся. Голос только стал напряженным и высоким.

— Барабашка, — спокойно ответил я. — Подожди минуту.

Я снова сходил в комнату. Взял толстый зимний плед, вернулся с ним на кухню и накрыл кухонный рабочий стол. Постарался закрыть от света, как смог.

— Мёрзнет, наверно, — пояснил я бледному Вячеславу.

— Это пранк? — спросил он.

— Нет. И не лезь туда смотреть. Не стоит, — отрицательно покачал головой я.

Вячеслав спокойно кивнул. Положил свой телефон на стол. Схватил шоколадку, ловко снял обертку и жадно вгрызся в неё зубами. Заедает стресс. Шумно запил чаем.

— Я тебе телефон скинул, — проговорил он с набитым ртом.

Я проверил мессенджер. Не стал тянуть, позвонил по номеру. Ответил приятный женский голос. Я спокойно договорился с ней о встречах. Сеансах. Даже про себя пытаюсь как-то отстраниться. Обговорили цену. Я потихоньку откладывал деньги с зарплаты. И моя заначка с трудом, но покрывала эти внезапные расходы. Я решил, что мне понадобится три сеанса в неделю.

— Ну все, — подытожил я, закончив разговор. — Завтра уже пойду.

— Я слышал, — спокойно кивнул Вячеслав. — А мы в субботу без тебя сыграли. Я за тебя отыгрывал. Твой персонаж умер, кстати.

— Бывает, — в другой раз я бы расстроился. Но сегодня мне было как-то абсолютно параллельно.

— Ну, воот... А ты что эти два дня делал? — ненавязчиво вернулся к расспросам Вячеслав. Тут плед зашевелился. Кажется, Кенни просунул конечность сквозь дырку от

ящика и ощупывал ткань. Вячеслав застыл с чашкой у рта, наблюдая, как Кенни возится под пледом.

Я тоже внимательно посмотрел на Кенни и мысленно приказал ему затихнуть. Никакой реакции.

— Ну-ка, фу! — гаркнул я. Плед опал. Кенни с недовольным шорохом забился в дальний угол, погромел какими-то банками, и затих.

— Да ну не, я не верю, — сказал бледный Вячик и посмотрел на меня большими от ужаса глазами. — Можно я посмотрю?

— Да. Подожди только, когда стемнеет, — не стал скрытничать я. — Он света боится.

— Да не, чот я передумал. Ты лучше на телефон сфотай и мне потом скинь, — Вячик схватил свой телефон, что-то быстро набрал в гугле. — О, заход солнца сегодня в 17:59. Через полтора часа. Пойду домой. Мне в магазин еще по дороге надо зайти. Вспомнил, давно хотел фонарь купить. Большой такой, стационарный, на батарее. Три.

И Вячик в самом деле вскочил и начал собираться. Я не стал его удерживать. Но вдруг понял, что оставаться наедине с Кенни, мне очень не хочется.

— Слушай, Вячь, — сказал я, когда он уже обувался в прихожей. — Короче, началось все на работе. В субботу...

Слова давались тяжело. Рассказать хотелось. Поделиться пережитым, как минимум. Я давно заметил — если рассказать о чем-то, то как будто все в голове по полочкам раскладывается. Сам в своих мыслях порядок наводишь. А у меня сейчас в башке такой хаос... Но слова не шли. Давил их натужно. Как полужасохший клей из тюбика. Вячеслав терпеливо ждал, забыв свою дежурную улыбку и пристально всматривался мне в лицо.

— А давай я покажу! — выдохнул я и тоже стал одеваться.

— Да не, не надо. Не хочу я ничего смотреть! — испуганно всплеснул руками Вячик и скрылся за дверью.

Я снова остался один. Из кухни донесся звук, как будто кто-то вспорол деп канцелярскими ножами. Мда, насчет одного я, пожалуй, погорячился. Кажется, теперь я никогда не буду один.

Глава 8. Всё хорошо

— Всё хорошо, — первые мои слова на работе. Их сказал я Семену Александровичу. Как бы ни были удивительны истории, приключившиеся с тобой на выходных, утром ты приходишь на работу, здороваешься с коллегами и погружаешься в текучку. Семён Александрович — наш ГИП. Главный инженер проекта. Пузатый седобородый мужчина с командным голосом. У него нет профильного образования, но есть опыт на стройке. Хотя, может Марат и сделал ему корочку — проекты Семен Александрович подписывает.

Должность ГИПа, это моя мечта. Да, ответственности больше. Вплоть до уголовной если что-то построят по нашим чертежам, а оно упадет. И, макаронный монстр упаси, погибнут люди. А если потом выяснится, что по это вине проектировщиков. Ошибка в чертежах. Тогда ГИП принимает на себя всю вину.

Получает он побольше, но и нервотрепки на этой должности — мама не горюй. То что-то не так с фундаментами, то трубы не те поставили, то ВКшники ошиблись в расчетах и в девятиэтажке вода на верхних этажах из крана еле капает. ВКшники это водопровод и канализация. Я их недолюбливаю. Не за что-то конкретное, просто вода и электричество должны быть по отдельности, поэтому с ними надо согласовывать свои электрощитовые и тому подобное.

Это просто рабочие моменты. Куда сложнее терпеть постоянные головомойки от Марата из-за сроков сдачи проектов.

Я вчера рано уснул. Не стал сидеть в интернете. Сходил в ближний магазин, купил черных мусорных пакетов и с помощью скотча заклеил ими окна. Выманил Кенни. Долго разглядывал эту страхолюдину в полной темноте. Видел я не так хорошо, как при свете дня, но терпимо. Ничего мне этот осмотр не дал. “Общаться” со своим барабашкой я тоже не мог. Хотя пытался. Долго и упорно. Часов в девять вечера я прилег на свой холостяцкий матрас, решив подумать о произошедшем. И вырубился. Провалился в крепкий сон. Прямо по соседству с inferнальной тварью, царапающей когтями линолеум. Рассказал бы кто — не поверил. Я даже фильмы ужасов смотрю только с девушками — один боюсь.

Короче, проснулся я рано, заняться было нечем, поэтому я и на работу пришел пораньше. Как оказалось, Семен Александрович делает так на регулярной основе. Он вышел из своего кабинета, прошел на кухню за чаем. Заметил меня. Подошел, крепко пожал руку. Внимательно заглянул в глаза:

— Что у тебя тут случилось в субботу, Сергей?

Только сейчас я понял, что оставил в офисе совершенный разгром.

— Да ничего не случилось, — ответил я. И замолчал, не зная, что добавить.

— Ты рюкзак свой забыл. Я его себе в кабинет отнес. Пошли, заберешь.

Я кивнул. Встал и пошел за Семеном Александровичем. У него был отгорожен шкафом закуток в углу, который он и называл “кабинет”. Не без иронии, конечно. ГИП у нас вообще был человеком ироничным.

Он отдал мне рюкзак, но отпускать не торопился.

— Сядь! — твердо, но спокойно сказал он. Пришлось подчиниться.

Следующие пятнадцать минут я подвергался допросу. Спокойному, мягкому, но допросу. В основном Семен Александрович спрашивал о том, все ли у меня хорошо. Иногда ошарашивал внезапным: “А ты не употребляешь?”, “А шкаф зачем ножом истыкал?”.

Я очень быстро нащупал нужную стратегию ответов. И к концу уже просто повторял одну и ту же фразу:

— Всё хорошо.

Ну, с вариациями. “Да, всё хорошо”, “Нет, всё хорошо”, “У меня всё хорошо”.

Семен Александрович цепким взглядом скользил по моим рукам, на скулу, вглядывался в глаза. Было понятно, что он остался недоволен моей скрытностью.

— Если у тебя трудности в жизни какие-то, ты мне скажи. Понял? — наконец сказал он. — Ну, не буду тебя задерживать.

Я вернулся на своё рабочее место. Вскоре стали приходить коллеги, и я внутренне сжался, ожидая расспросов. Я ошибся — все со мной здоровались, как будто ничего не случилось. Только главбух, Маргарита Семеновна, демонстративно принюхалась, проходя мимо меня — я сижу почти на самом проходе. И пробурчала что-то про “бухают в офисе, совсем стыд потеряли”. Но тихо и почти неразборчиво. Было легко это проигнорировать.

За понедельник смежники уже закончили типовой этаж, так что у меня появилась работа. Через час моя жизнь вернулась в обычное русло. Единственное, что оставалось мне на память от удивительной субботней ночи — исцарапанные руки, тянущая тяжесть на сердце и странное чувство знания, что где-то за пару километров отсюда, в моей квартире, прячется от света теневик.

Всё это было легко игнорировать. Просто сидишь на своем компьютерном кресле, уткнувшись в монитор рабочего компа, и расставляешь розетки на планах здания. Работа простая, медитативная, то что сейчас мне и надо.

А потом пришел Марат и все испортил.

Я бы мог понять, что пришел шеф, по лицам сидящих рядом коллег. Они стали испуганные. Но я и правда увлекся работой. К тому же, на мне были хорошие, большие, плотные наушники. Люблю работать под музыку. Отрешаясь от окружающего. Когда я понял, что на меня кто-то орет и снял наушники, то обнаружил себя в середине скандала.

— Встань! — снова заорал шеф.

— Марат? Здравствуйте, — растерянно сказал я и встал с кресла.

— Ну ты и хамло! — не могу сказать, что начальник прямо орал. Но он был злой и говорил на повышенных тонах. Такое уже случалось, когда срывали сроки или делали ошибки. Мог и обматерить. — Наденут наушники свои и сидят! А если я позову? Ты вообще, как себя ведёшь? Ты что, думаешь, я тебя не уволю? Да у меня таких как ты, за забором очередь стоит!

Именно тут я и разозлился. Сначала я привычно опустил голову, пряча взгляд. И понял, что медленно сжал кулаки. Непривычно сильно. Внутри поднималась незнакомая мне раньше, черная ярость. Не просто изнутри. Растекалась из груди, как холодный яд по венам. Где-то далеко заметался Кенни. Я поднял голову, скрипнул зубами и хотел просто сказать Марату, чтобы он вел себя сдержанней. Но вместо этого, буквально прорычал искаженным от ярости голосом:

— Тише ори!

Повисла пауза. Когда я заговорил, я оказывается еще и шагнул ближе к Марату. Шеф всполошился, шарахнулся прочь, ударившись об соседний стол задницей.

— Я тебе деньги плачу! — невпопад выкрикнул он, ткнув в меня пальцем.

— Мало! — рявкнул я в ответ, буравя его взглядом. Вообще-то, нормально. Везде так платят, плюс-минус.

— Чтооо?! — вскинул брови Марат.

— Крановщик в два раза больше получает. А я еще и учился пять лет!

Я не заметил, как снова подступил к шефу. Наперерез мне кинулся Семен Александрович. Он был мужик массивный, а я... Ну чего стеснятся — типичный офисный планктон. С покатыми плечами, “спасательным кругом” жира на животе и боках. Характерная фигура человека, проводящего по двенадцать часов в сутки, сидя за компом. А учитывая мое плоскостопие, я еще и пеших прогулок избегал. Но тут я просто повел рукой, и отодвинул стокилограммового Семена Александровича в сторону, как пустую бутылку из-под пива.

— А может поговорим, кем я вижу себя через пять лет? — я уже орал. Выплескивая своё накопившееся напряжение. — Мне надо семью и детей. Двух хочу. Каждому хату в Москве и учиться. Мне надо тысяч по пять в год откладывать, чтобы через двадцать лет... Баксов! Это минимум. Мне под полтинник будет. Буду я получать столько? Ты столько получаешь? — это я уже к обескураженному моим взрывом Семёну Алесандровичу. ГИП нахмурился. Положил мне руку на плечо и встряхнул.

— Возьми себя в руки, Сергей.

Я понял, что стою посередине прохода и все на меня смотрят. Шеф, бочком-бочком отходил от меня подальше. Я глянул на Полину. И увидел, что она навела на меня смартфон и улыбается, глядя на экран. Я как-то сразу, разом, сдулся. Как будто воздух выпустили.

— Это слишком уже, — фыркнула главбух. Она стояла далеко, но сказала это достаточно громко, чтобы все слышали. Морда у этой пожилой тетки была испуганно-довольная. Как будто шоу какое-то. Она осмотрелась вокруг и еще громче сказала:

— Квалификацию для начала повысь, опыт наработай! Чему вам в институте учат, ничего не знаете!

— Деньги башлять нас учат! Платные сейчас институты, прикинь! Ладно, повышу. И когда я на пять тысяч баксов выйду? — снова начала закипать во мне черная злость. Я сделал шаг к Маргарите Семеновне, но дорогу мне заступил ГИП. Набычился, кулаки сжал.

— Ты и на двадцать тысяч рублей не наработал! — взвизгнула главбух. А потом испуганно стрельнула глазками по сторонам и добавила: — А больше пятидесяти платить мы никому не можем!

Я крикнул через его плечо Семена Александровича:

— Не можете? Тогда я увольняюсь!

Вернулся к столу, покидал в рюкзак наушники, всякую мелочь со стола. Даже мышку компьютерную я сам себе покупал. И потопал к выходу. У самой двери, проведя магнитной карточкой по двери, я обернулся. Осмотрел офис. Все прятали глаза, кроме ГИПа. Главбух что-то яростно шептала на ухо своей помощнице, та стояла с довольным лицом и кивала. Из дверей вышел шеф и вскинул подбородок.

— Ты в этом городе работу не найдешь. Приползешь, умолять будешь... — сказал он. Не очень громко, но я услышал.

— Ты Марат, неудачник, не вписавшийся в рынок, — крикнул я ему. — Мне с тобой не по пути.

И ушел.

Я прошел пару кварталов, прежде чем бурлящая злость утихла. Зашел в магазин, купил бутылку минералки. Попил. Раздался звонок. Это был Вячик.

— Ладно, уговорил, чертяка языкатый, — вместо приветствия сказал он, когда я поднял

трубку. — Давай, показывай, что ты там показать мне хотел. Только без похабностей всяких.

— К работе моей подъедь, — отозвался я и назвал адрес.

— К шести, или к семи? Или у вас по вторникам до девяти сидят? — ехидно уточнил он.

— Можешь прямо сейчас, — сказал я.

— У тебя прямо на работе... Не понял, мы сейчас о демонстрации паранормальных сущностей говорим? — засмутился Вячик.

— Да. Но не на работе. В подвал бизнесцентра моего надо будет спуститься. И лучше бы это сделать, пока день, — “успокоил” я его.

— Ааа... Что-то мне опять расхотелось. Ладно, шучу. Через полчаса буду. Стоп. У тебя ж в офисе магнитный ошейник. У тебя потом проблем не будет? Может, лучше в обед?

— Всё хорошо. Я отгул взял, — зачем-то соврал я.

— Ладно. Я тогда через полчаса буду. Шавуху по дороге только возьму. А то я есть хочу, когда волнуясь, — сказал Вячеслав. Голос у него и правда был взволнованный. — Тебе братъ?

— Да. Но не задерживайся. Встретимся у центрального входа.

Глава 9. Загадки во тьме

Честно говоря, раньше наше офисное здание казалось мне надежно охраняемым. Камеры, охранник на ресепшене, шлагбаум на охраняемую стоянку — все предусмотрено, продуманно, внушает уважение. Ночью я отсюда выбрался, но все было как в тумане и сейчас, ожидая Вячеслава у центрального входа, я почувствовал неуверенность.

Напрасно. Проникновение на охраняемую территорию прошло просто и буднично. Самой большой проблемой оказалось соскользнуть в утопленный под асфальтом карман с дверью. И то, мы больше времени обсуждали, что это такое вообще, и как оно такое получилось. Вячик уверял, что раньше тут был вход, но он ушел под землю, а лестницу за ненадобностью демонтировали. Мне казалось, что это больше похоже на пожарный выход.

На самом деле это могло быть что угодно. Само здание было очень старое, еще дореволюционное. Его много раз перестраивали. Что там было до революции я не знал. Нс после тут была административные учреждения и даже общежития. У меня тут мама жила в молодости, когда приезжала в город учиться. История здания была мне интересна, но не настолько, чтобы тратить время и пытаться её узнать. Однако, в свете вскрывшихся в подвале новых подробностей, надо будет при случае погуглить. Скорее всего ничего не найду. Ну собирались некие условные масоны в подвале, и вместо того чтобы как нормальные сектанты оргиями заниматься, книжки читали и за столом сидели.

Почему-то я был абсолютно уверен, что в потайной комнате было нечто такое, откуда вылез Кенни. И куда он меня потом затащил. Вот прямо нутром чуял, хоть в Битву экстрасенсов заявку подавай. По уму надо бы держаться от всего этого подальше... Но страсть как интересно. В прошлый раз мое появление, провал в беспмятство с удивительно правдоподобными глюками (или не глюками?) не располагал к вдумчивой оценке интерьера. Следовало это исправить. И Вячик очень кстати — мне нужен независимый эксперт, с которым можно сверять свои оценки реальности. А то я каждые пять минут задаюсь вопросом "А не сошел ли ты с ума, Серёжа?". Серёжа это я. Говорят, это хороший признак. Сомнения в собственной вменяемости присущи только вменяемым, всё такое. Но сомнения начинают одолевать. Не зря я так легко на походы к мозгоправу согласился.

Как не было увлекательно беседовать об истории архитектуры, все же нам с Вячиком пришлось с грацией бегемотиков, соскользнуть на пузе вниз по кирпичной стенке. Я упал на задницу и запачкался. Это были допустимые потери. Главное, никто ничего не сломал. Вячик расценил это как добрый знак. Осталось только протиснуться через дверь. С этим сложностей так же не возникло. Уже через минуту мы внутри. Теперь остается пройти по моим следам, оставшимся на грязном полу. И за что только охране платят? Вообще.

Предусмотрительный Вячик, кроме шавухи, купил по дороге несколько одноразовых зажигалок со встроенными фонариками. Дал пару мне, чтобы я не тратил зарядку смартфона. И зажег одну сам, с тихим восклицанием:

— О элберет гилтониэль!

Честно говоря, фонарики зажигалок не самый лучший вариант подсветки в полузаброшенных подвалах. Подвалы эти, последние лет тридцать использовались как склад. По всей видимости из-за сильного обветшания. Нужно было как следует вложиться в ремонт, чтобы использовать помещения. И все равно, под землей. Однако ж, помещения — вот и захламлялись потихоньку. Фонарики зажигалок неплохо выключили мне ночное зрение, а

вот осветить нормально дорогу ими получалось плохо. В темноте пару раз я, и раза четыре Вячик, врезались в мусор, пинали валяющийся на дороге хлам и протерли в нескольких местах куртками стены.

Забавно, что Вячик сдавленно матерился, но шел. Я думал, что он сбежит. Даже когда я, прямо как Гэндальф, только с фонариком в зажигалке вместо посоха, остановился и молвил:

— Не помню этого перекрестка! — Вячик только тяжело вздохнул и уселся на пол. Достал початую полуторалитровую бутылку кока-колы из своего рюкзака. Отхлебнул и стал терпеливо дожидаться, когда я пойму куда идти дальше. Я не сразу, но вспомнил. Разумеется, вспомнил я неправильно, и сначала мы пошли не туда. К счастью, дорогу перегородили завалы из старых парт. Настоящий непролазный террикон. Я совершенно точно через такое не пробирался, поэтому мы повернули назад. Со второй попытки я нашел нужный поворот.

— Да что это за подвал такой! Тут два племени гоблинов можно спрятать и еще для троллей место останется! — очень по-своему прокомментировал Вячик.

На самом деле, я и сам уже начал отчаиваться. Мне казалось, что в прошлый раз я добрался заметно быстрее. Тогда со мной был Кенни, может в этом дело? Нет, скорее всего я тогда был в шоке и периодически выпадал из реальности.

И тут мы добрались до нужного закутка. Я отодвинул в сторону доску и увидел такой родной пролом в стене.

— Сюда! — обрадовался я и полез первым. За мной залез Вячик. Это далось ему нелегко — он порвал куртку, штанину, поцарапал себе ладонь, но все же смог протиснуться.

Зато, оказавшись внутри, он обрадовался. И первое, что сделал — зажег незамеченные мной свечи, в настенных подсвечниках. Толстые, с мое запястье, свечи выглядели жутко — оплывшие, поеденные крысами, тошнотного зеленовато-желтого цвета. Но они горели. Даже сносно осветив помещение.

— Логово иллюминатов, блин, — сказал Вячик, оглядываясь.

И действительно. Местечко напоминало... Однажды я видел фильм, в котором была сцена со спиритизмом. Это когда призраков ловят медиумом, как радио радиоприемником. Так там была такая мраченькая обстановка, в этом спиритизмном салоне. Зловещая, викторианская. Ширмы, круглый стол по середине. Вот и в этом помещении было очень похожее ощущение. Викторианского мало, но со зловещностью даже чересчур. И ещё пыль толщиной в два пальца.

Тем временем Вячик с восторженным всхрюканьем обнаружил массивный шкаф из цельного дуба, покрытый затейливой резьбой. Обрадовал его не сам предмет обстановки, а книги внутри. Я же пошел к круглому столу. Как я и помнил, столешница была из глубоко черного камня. Я четко видел в пыли следы своего на ней пребывания — вот тут я на ней появился, вот тут сполз. Следов того, как я на неё забрался, не было.

— Бля, они на еврейском! — сказал подошедший ко мне Вячик. В руках он бережно держал явно старинные томики. — Я взял пару книжек с собой, дома посмотрю.

— Вот тут, — я показал пальцем на стол. — Я потерял сознание. И всякая чертовщина началась.

Вячик постучал костяшками пальцев по столешнице. Подсветил фонариком зажигалки.

— Полированный агат, — уверенно сказал он. — Хотя, подожди. Какой, нахрен, агат. Агат — это же полудрагоценный камень.

— Да мрамор наверно, — тоже засомневался я. — У нас на работе у архитекторов такой

журнал есть. Там керамогранит, но он под мрамор делается. Черный тоже есть.

Вячик тем временем достал из рюкзака влажную салфетку и протер стол. Салфетки хватило на кусочек размером с листок форматом А3.

— Серега, тут надписи... Походу, руны... — Вячик подслеповато прищурился, перехватил зажигалку с включенным фонариком в другую руку и правой, поцарапанной, начал водить по аккуратным бороздкам. — Или нет. А может и иероглифы...

— Хренасе, ты археолог, — ехидно “восхитился” я глубиной его познаний.

— Археологи землю копают. А нам специалист по письменности нуж... Ай! — Вячик вскрикнул и отпрыгнул от стола.

— Что?! — не менее испуганно вскрикнул я.

— Меня это... Как будто током ударило! — обиженно сказал Вячик. И посветил себе на руку.

Я недоуменно посмотрел на стол. Даже снизу заглянул. Столешница опиралась на массивные, толщиной с меня, деревянные тумбы, покрытые завитушками. Лампочек и проводов я не заметил. Внимательно присмотрелся к тому месту, которое очистил Вячик. И заметил капельку крови, которая как будто бы быстро сохла. Становясь все меньше и меньше, пока не исчезла.

— Покажи руку! — велел я Вячику. В прыгающем от волнения свете зажигалок, на руке обнаружился неглубокий порез. Ну да, он же поранился, когда сюда забирался. Вячик заохал про бактерии и полез в рюкзак. Не удивлюсь, если у него там походная аптечка. Микробы напугали Вячика так, что он забыл о всякой осторожности, подошел обратно к столу и водрузил на него свой рюкзак. Чтобы копаться в нем было удобнее. Я тем временем вернулся к осмотру стола. Капелька крови куда-то пропала. Я наклонился поближе, подсветил темную поверхность фонариком зажигалки. да куда она делась, реально что ли впиталась? Я даже осторожно провел кончиками пальцев по камню. И тут меня “дернуло”. И в самом деле, отдаленно напоминало удар током. Помню в детве сунул руку в пустой плафон из под лампочки. Руку тоже очень похоже крутило. Я резко отшатнулся. Тени вокруг словно надвинулись. И я могучим усилием воли заставил себя остаться на месте. Тени отступили, словно нехотя. Зрение прояснилось. Я понял, что выронил зажигалку. Комната освещалась теперь только древними свечами. Я выматерился. Помогла. Сразу стало как-то легче жить.

Одновременно с моими матами рядом послышался тихий стон и звук падения тяжелого и мягкого. Я обернулся и увидел, что Вячик валяется на полу, безвольно раскинув руки. А тени вокруг него извиваются, словно живые.

— Ну началось! — вырвалось у меня.

Я растерянно пялился на Вячеслава. Он лежал на спине. Вернее, на своем плотном набитом рюкзаке, отчего его голова была запрокинута назад. Выглядел он удручающе мертвым. Легкость ушла и я остро почувствовал потребность заматериться. Но я был так растерян, что даже не мог подобрать соответствующие случаю маты. “Ну это пиздец”, казался слишком уж банальным и заезженным, не отражающим всю глубину ситуации. Внезапно, Вячеслав громко захрапел. Это меня резко успокоило — он просто без сознания.

Я бросился к нему на помощь. Попытался привести в чувство, похлестав по щекам. Зачем-то приподнял ему одно веко и заглянул в глаз. Это мне ничего не прояснило, разумеется. Но мне не нравилось, что он так валяется. Поэтому я посадил Вячика на жопу. Придерживая безвольно болтающееся тело, достал из его рюкзака кока-колу, плеснул себе на ладонь и ему на лицо, сделав и без того трудную ситуацию, еще и приторно-липкой. Вячик

храпеть перестал, но и в себя не приходил. Я обхватил его поперек торса и в могучем усилии поднял на ноги. Напрасно. Ноги его не держали, он болтался в моих объятиях, как ватная ростовая кукла. А еще он оказался очень тяжелым. Бросить его обратно на пол мне показалось неправильным. Я повернулся в одну сторону, потом в другую. И внезапно обнаружил в паре шагов от нас старинный стул с высокой спинкой и подлокотниками. Я потащил безвольную тушку туда. Уверен, со стороны смотрелось как нелепый танец. Должно быть очень забавно. Я даже хрюкнул от смеха. И тут же понял, что нервишки то у меня шалют. Наконец я с размаху усадил пахнущего кока-колой Вячика на стул. Стул жалобно скрипнул, как умирающая утка, и начал разваливаться. В последний момент я успел подхватить Вячеслава подмышки и не дать ему упасть вместе с развалившейся конструкцией на пол.

Я поискал глазами другую мебель. Нашел еще пару стульев неподалеку. Но теперь они выглядели подозрительно. Еще сломается доска и проткнет Вячика острым концом, как в "Пункте назначения". Что-то у меня пессимистичный настрой какой-то. Даже не знаю, с чего бы это. Я снова растерянно повертелся на месте. Держать Вячика было неудобно, и он становился как будто все тяжелее и тяжелее. Я подтащил его обратно к каменному столу и прислонил его к деревянной, резной ножке. Устало встал и оперся о столешницу сам.

Это было ошибкой. В этот раз меня затянуло резко, я не успел отдернуть руку. Снова почувствовал знакомое по первому разу, тянущее чувство перехода, которое как будто размазывало время, тело и разум ровным слоем по поверхности вечности, как экономная пенсионерка сливочное масло по куску хлеба.

Последние наносекунды своего сознания я потратил на могучие усилие упасть так, чтобы не ткнуться в мокрую от кока-колы бородатую щеку Вячика. Да, мне показалось это важным.

Когда я открыл глаза, то обнаружил себя в знакомом помещении. Вон теневики клубятся, вон трон, вон "бассейн". А вот эту зловещую фигуру я не помню. Я вскочил на ноги. Фигура обернулась и проговорила очень густым и, одновременно, утробно-рычащим басом:

— Ну наконец-то! Я уже устал тебя ждать! — вот это у него голос. Как будто Джигурде добавили басов и пропустили через программу, смешав со звуками рычания большой кошки.

Фигура сделала широкий шаг в мою сторону.

— Я жду объяснений, Сережа. И лучше бы тебе не тянуть с ними. Я теперь кусаюсь!

Я, наконец, рассмотрел стоявшего передо мной получше. И понял, что это не человек. Его голова была львиной. Вернее, сильно похожей на львиную. Лоб выше, пасть не такая большая. Слегка гуманизированный такой лев, и грива колоритная. Но в львиных чертах сквозило что-то странно знакомое.

— Эээ... — куда менее пафосным голосом отозвался я. И, чувствуя себя идиотом, растерянно спросил. — Вячи... чеслав, это ты?

— Да! Но теперь я леонид! — львиноголовый запрокинул голову кверху и издал жуткое, громкое как мотоцикл без глушителя, рычание. Я очень не сразу понял, что он так хохочет. Вячик отсмеялся и посмотрел на меня. Я так и не нашел пары минут для ревизии своего словарного запаса и составления пары новых предложений, которыми бы можно было описывать окружающий мир. Старых и никогда раньше не подводивших меня матов, внезапно остро стало не хватать. Вот уж показатель резко изменившейся жизни. Если вам трудно подобрать слова, то вы столкнулись с чем-то действительно новым. Поэтому я

тарасился на львиные клыки в огромной пасти молча. Но взгляд, иногда, красноречивей всяких слов. Львиноголовый смутился и с очень узнаваемой интонацией сказал:

— Ну, Серега, ты чего? Леонид же! Раса львиноговых чуваков в дэ энд дэ, забыл? Я себе перса такого выбрал.

— А, в этом смысле леонид, а то я запутался малость, — облегченно сказал я, уверенно опознав в говорившем повадки Вячика. — Подожди! Стоп! В смысле перса выбрал?

Львиноголовый, с задумчивым но страшным до дрожи в пальцах рыком, посмотрел на меня, склонив голову. Это он вроде как задумчиво хмыкнул. Это же он хмыкнул. А это точно Вячик? Я на всякий случай сделал шаг назад, только сейчас заметив, что у львиноголового на боку висит меч.

— Серый, спокойно. Это я, Вячеслав! — тихо прорычал львиноголовый и поднял руки с толстыми пальцами и здоровенными когтями. Такие только болгаркой стричь. — Помнишь, в последней игре вы застряли на загадке из детского сборника и вы полтора часа её решить не могли? Я ещё так смеялся, что у меня носом Кола пошла?

— И тогда уже смеялись все мы, — обиженно протянул я. — И были тогда там...

Львиноголовый не торопясь перечислил имена игроков и их персонажи. Последних, по классам.

— А имя персонажей? — задал вопрос с подвохом я.

— Да не помню я их! Еще бы я ваши имена запоминал! Слишком часто умираете! — фыркнул Вячик. Это правда, имена персонажей он себе выписывал на бумажку и не пытаясь их запомнить. Я, наконец, успокоился. К тому же теневики, лениво шарящиеся вокруг, относились к Вячику безразлично. Явно не чуя в нем угрозы.

— ладно. Хорошо. Допустим, — наконец принял ситуацию я. — Но откуда ты такой взялся? Что это такое? Как? Что за охуеть с гривой?!

Я замахал руками, показывая на возвышающееся надо мной страхолюдище.

Вячик даже сам задумчиво опустил морду вниз и посмотрел на свои лапы. Потом посмотрел на меня. Посмотрел на себя, в этот раз явно сравнивая свой прикид и мою одежду. Задумчиво мурлыкнул. Сел на пол, подпер здоровенным кулаком здоровенную башку, посмотрел на меня и спросил:

— Серый, ты что, момент перехода не помнишь?

Глава 10. Флюгегенхаймен во тьме

Всё происходящее снова заставило меня начать подозревать себя во всяком. Например, в том, что у меня все же просто острый приступ шизофрении. Вячеслав увлеченно и абсолютно непонятно рассказывал, с чем столкнулся в момент перехода. Вроде бы он даже пообщался с некой “нейросетью”, которая и помогла ему сгенерировать персонажа. Это был какой-то бред, но пришлось согласиться — он стоял в ладной, подогнанной по его нестандартной стильной броне, с длинным мечом на поясе, черным шлемом закрепленном на спине и выглядел как герой. Львиномордый такой. О чем я, какая броня, он даже не человек! А я был как я, и даже в тех же шмотках, в каких таскался по подвалу. Правда, у меня опять был с собой смартфон.

Я, кивая в такт голосу Вячика, достал смартфон... В такт рычанию, правильно будет сказать.

— Что это? Ты сейчас будешь в мобилку тупить? — возмутился Вячеслав. Это получилось очень грозно, учитывая его новую внешность и колоритный звук голоса.

— Не, — замотал головой я. — Просто вспомнил. Я в прошлый раз, как в тумане был. Е этот раз реально лучше соображаю. Хочу одну вещь проверить.

Как я и подозревал, смартфон был просто фонариком. Большая кнопка “вкл. фонарь” появлялась на дисплее и более ничего. Подделка. Даже не китайская, а теневая.

— Дай мне свой меч! — потребовал я у Вячеслава.

— Зачем? — настороженно рыкнул он.

— Да просто достань. Посмотреть надо.

Хотя меч и выглядел сильно похожим на средневековый европейский, с длинным клинком, при ближайшем рассмотрении он таким не являлся. Как я и предполагал. Дело в том, что он был не из металла. Не было стального блеска, меч был матово-черный. Я присмотрелся к своей коже. В первый свой заход в подземелье у меня было слишком много странного, чтобы присматриваться к деталям. Но сейчас, в спокойной обстановке, под светом фонарика, в окружении почти привычных теневигов — я заметил, что кожа на моих руках, да и одежда — явно темнее, чем я привык. Я стянул с себя куртку и резко провел ей по лезвию меча Вячика, отрезая рукав. Потом внимательно посмотрел срез, ища нитки. Впрочем, такой проверки и не понадобилось — отрезанный кусок рукава начал распадаться на черные кляксы и растворяться в воздухе.

— Что это значит? — насторожился Вячик.

— Мы сделаны не из мяса, — задумчиво сказал я.

Вячик удивленно посмотрел на меня. Потом на свою руку. Потом уколол себя острием меча в палец.

— Ай! — сурово рыкнул он. И удивленно добавил. — Не больно совсем.

Мы вместе рассматривали ранку на его толстом когтистом пальце. Вячик немного перестарался. Будь это человеческий палец, его бы располовинило. Но этот палец выдержал. Выпустив чайную ложку жидкой темноты, развеявшейся через минуту, ранка заросла.

— Ладно. Всё понятно, что ничего непонятно, — подвел итоги расследования я. — Давай вокруг осмотримся.

— Подожди, хочу одну вещь проверить, — сказал Вячик. Подошел к “бассейну” и погнул свой меч о бортик. Не согнул прям пополам, но погнул заметно.

— Точно не сталь, — тяжело вздохнул Вячик. — Та бы распрямилась.

— Зря хорошую вещь испортил, — проворчал я. — Нам меч может пригодиться. Тут такие зайцы, что лучше бы огнемёт, конечно...

— Огнемётов не дали. И пулеметов нет. Я пробовал попросить. Нейросеть сказала, что в горючку и порох не умеет, — тут же отозвался Вячик. — Мне и меч со скрипом выдали.

Я подозвал одного из теневигов. Выбрал покрупнее. Этот был заметно больше Кенни, доставал мне до плеча. Крыльев у него не было, а были лишние лапы со здоровенными лезвиями и огромные провалы глазниц. Он отдаленно напоминал богомола. Жуткого, черного, вылезшего из кошмара маньяка, богомола.

— Ты ими управляешь? — тут же заинтересовался Вячеслав. И протянул лапу к теневику. Тот вскинул свои жутковатые когти.

— Нет! — я ударил по любопытной лапе. — Не совсем. У нас что-то вроде взаимовыгодного сотрудничества. Они мне помогают по мелочи и подпитываются от убитых.

— Ты тут уже убил кого-то? Много экспы дали? Кого убил-то? — тут же попытался вскочить на любимую тему Вячик.

— Вячеслав! Какая экспа! В себя приди! Мы! Не! В! Игре! — повысил голос я.

— Ну... Кто как! — весело взрыкнул Вячеслав. Глянул на меч. — О, а он, кстати, выпрямляется. Ладно, пошли мир изучать.

И человеколев, явно радостной походкой двинулся к проходу. Я растерянно смотрел ему вслед. Он заметил, что я за ним не иду. Остановился, тряхнул гривой и нетерпеливо взмахнул лапой, зовя меня с собой.

— Серый, что встал? Давай, топаем! Я так понимаю, у нас в том мире, наши тушки в подвале лежат. Через три дня мы от жажды кони двинем, так что времени в обрез. Бери своего Кузю и потопали.

Я посмотрел на теневика, который маялся рядом со мной. Вздохнул. Приказал ему следовать за мной а сам пошел за Вячеславом.

— Почему Кузя? — спросил я, когда нагнал львиноголового. Вячик сейчас был на голову выше меня и это было непривычно. Отдельно непривычно, что это голова льва... Ладно. А еще он шагал размашисто и уверенно. Даже царственно. Как лев.

— Он на кузнечика чуток похож, — весело отозвался Вячик. Это я сам, уже опытным ухом в мелодичном взрыке уловил веселость. — Сокращенно от кузнечика как будет? Кузя!

— Кузя так Кузя. Вперед его пустим, пусть он у меня вместо дрона-разведчика поработает, — не стал спорить я.

Но выполнить сказанное не успел — короткий коридор, по которому мы шли, кончился. В проеме впереди мы увидели... Город. Очень старый город, сложенный из гигантских каменных блоков. Мы осторожно продолжили путь. И вскоре стало понятно, что мы не в рукотворной пещере, как мне казалось раньше, а на вершине храмового комплекса посреди огромной каверны. Теневое зрение давало возможность видеть не так далеко, но около полукилометра я все же просматривал. И на всем этом пространстве вокруг стояли здания. Когда-то стояли. Сейчас вокруг нас простирались развалины. С громадами ступенчатых храмовых комплексов. Что-то вроде пирамид майя, только с широкими террасами. И мы, похоже, были в самом большом.

— Ух ты... Это же город! Но заброшенный, — искренне восхитился Вячеслав. — И очень давно заброшенный.

— Это руины, — сказал я. — Очень древние руины.

— Серый, справа! Вон на той пирамиде. Вторая ступень. Не там, слева! — зашептал Вячик, схватив меня одной лапой за плечо, а второй показывая гнутым мечом куда надо смотреть. Я посмотрел. И мы, не сговариваясь, отступили обратно внутрь.

— Ух ты ж срань. Видел? — визгливо рыкнул Вячеслав.

— Да. Но лучше бы нет. Оно живое? — спросил я.

— Пошли, проверим, — рыкнул Вячик. Придирчиво осмотрел свой меч. Тот и правда уже почти выпрямился.

— Ага, ты иди, — хмыкнул я. — А я сразу, прямо за тобой, тут постою.

— Я серьезно, Серый. Нам придется идти. Или придется тут по очереди на меч кидаться, чтобы там от жажды не сдохнуть. Тебя, я так полагаю, в прошлый раз убили?

— Ты мне так толком про нейросеть эту не рассказал! — вдруг вспомнил я. — Давай сядем, не торопясь, побеседуем

— Дома расскажу. За чашкой кофе с коньяком, в уютном кресле у камина. А сейчас пора идти и качаться. Экспа сама себя не убьет, Сережа. Иди за мной, пока оружие тебе не налутаем.

Я прямо тут и сейчас, не переставая настороженно вертеть башкой по сторонам, могу начать перечислять занятия получше, чем красться по заброшенному городу в полной темноте. Начать можно с яхты набитой девками, пляжа у теплого моря, и продолжать бесконечно. Да хоть бы даже унитаза мыть. Но Вячеслав, похоже, был в абсолютном восторге. Он строил из себя спецназовца, идя впереди. С поправкой на его внешний вид, конечно. Шел на полусогнутых, держа обнаженный меч у плеча, как полицейские держат пистолеты в фильмах. Нет, Вячеслав честно старался соблюдать осторожность, даже изредка останавливаясь оглядываясь, прислушиваясь и присматриваясь. Просто получалось у него это забавно.

Я всего ничего побыл с настоящими авантюристами и видел, как себя ведет Хар. То, что делал Вячик, напоминало скорее пародию. Вслух я, конечно, ничего ему не сказал.

В любое другое время я бы не удержался и обстебал Вячика. Но сейчас было не до смеха. Меня беспокоило происходящее. Я хотел домой к такому уютному и опасному Кенни. Не то, чтобы я привык к теневику, но я просто очень не хотел опять шариться по подземельям. Может быть меня заставляло нервничать существо, которое мы заметили от самого входа. Оно напоминало здорового паука. В первый момент мне показалось, что этот паук размером с автобус. Но сейчас, первый шок прошел, я склонялся к мысли, что тварюшка максимум с легковой автомобиль. Чуть больше. И то, в основном, за счет лап.

Это, конечно, так себе успокоение. Куда больше успокаивала неподвижность жуткой твари. За все время ни единого движения — это дарило надежду на то, что чудовище мертво. Плюс, немало помогло моему успокоению расстояние до этого мега паука.

— Пауки же не могут вырастать такими большими! — вполголоса возмутился я, скорее, чтобы просто разбавить тишину.

— А из теней нельзя сделать лезвие для меча, — согласно проорчал Вячик. — Не верю. Это шиза, Серый, точно тебе говорю. Только заразная. Иначе почему я тут. Либо я твой глюк, который тебе приглючился три года назад. На самом деле ты сидишь один за столом, а тебе кажется, что ты играешь в настольную ролевку. Ты бегаешь от стула к стулу, говоришь разными голосами...

— Теперь понятно почему у меня такие рельсы в сюжете. Не хватает сил что-то

оригинальное придумать, — поддакнул я.

— Я тебе сейчас лицо откушу, — беззлобно прорычал Вячеслав. На самом деле он и не строил из себя великого данжен мастера. Предпочитая играть, а не управлять игрой. Просто был вынужден взяться за это дело от безысходности — с мастерами была беда.

Несмотря на неспешные разговоры, думать о деле мы не забывали. Не стали ломиться напрямую, через заваленную обломками площадь. Просто спустились на пару ярусов и сейчас осторожно крались вдоль стены. Осматривались. Все было занесено мелким щебнем и обломками камней покрупнее, под которыми угадывались какие-то архитектурные формы. Возможно, раньше тут был парк с клумбами и дорожками. До сих пор то тут, то там, росло что-то вроде кораллов, светящимся синими огоньками. Светилось довольно ярко, но ночное зрение нам не сбивало. Скорее добавляя красок в окружающий мир. Я засмотрелся и с размаху ткнулся в спину Вячеслава. Он неожиданно остановился, и я этого не заметил.

— Куда он делся? — прорычал он. Его рык стал на полтона выше. Я проследил за его взглядом и понял, что его испугало. Аномально большой паук пропал.

— Ты за ним следишь, вообще?! — взбешенно прорычал Вячеслав. — Я смотрю вперед, ты по сторонам. Что сложного?

Я молча повернулся и посмотрел вверх. Мы ушли чуть в сторону от широкой парадной лестницы, ведущей вниз на площадь. Тут вокруг было просто нагромождение разновысоких руин. Кузя, отправленный мной на разведку и снующий вокруг, только что заметил движение на один ярус выше нас. Вот на этой стене. Стена оканчивалась изъеденным временем краем, метрах в пяти над нами. Я сделал несколько шагов назад, чтобы получше посмотреть, что там выше. И тоже заметил движение.

— Шухер! — успел крикнуть я. Но Вячик и сам почуял неладное. Он резко отбежал от стены. И очень вовремя. Сверху, на наш уровень, начали прыгать пауки.

Они были куда меньше того, что мы заметили раньше. Тело не больше подушки, но за счет лап они казались огромными. При всем желании мелкими не назовешь. И обычным тапком не отобьешься.

Я, честно говоря, испытал такой ужас пополам с омерзением, что почти проблевался. С другой стороны, что я ожидал? Обстановочка с самого начала предполагала фильм ужасов. Я заорал, заметался. Вячеслав зарычал, попятился. И ловко рубанул прыгнувшее на него паукообразное. Я схватил с пола булыжник и метнул в другое. Тварь, в которую я попал камнем, дернулась и повернулась ко мне. Видимо, попал больно. А потом она оббежала гулко рычащего и размахивающего мечом Вячеслава и кинулась на меня.

Я встретил её своим коронным пинком в нос, но эта паучара оказалась мерзкой гадиной не только снаружи, но и как противник. Паук умудрился среагировать, увернуться от пинка, и воткнуть огромные жвалы в мою опорную ногу. Повалил меня на пол, и стал меня терзать. Снова и снова втыкая в меня жвалы с клыками и подбираясь к паху. Больно не было. Но я отчаянно, не стесняясь, визжал. Нащупал острый камень и начал нервно бить им по паучьей башке. Паучара был покрыт толстыми и твердыми волосами, больше похожими на колючки, которые смягчали удары. Потому я стал метиться в глаза. Две штуки почти человеческие и еще несколько поменьше. Один раз удачно попал, заставив паучару дернуться, но это было единственная заметная реакция.

Остановить пережёвывание моей ноги я не смог. Хуже того, паучья ногорезка уже почти добралась до моего паха. В отчаянном усилии я уперся в паука руками и даже второй ногой, сумев буквально отодрать его от себя. Примерно на метр. Нечестная борьба, у него восемь

конечностей, у меня только три.

— Да иди-ка ты на хуй! — орал я, смотря в реально человеческие паучьи буркала. Он, кажется, что-то шипел в ответ. И медленно передавливал меня, нацелившись ротовыми жвалами мне в живот. Именно в этот, очень эмоциональный момент моего общения с местной фауной, и появился Кузя. Он зашел со спины и с размаху воткнул свои кривые когти в основание головы паука.

Тот задергался, разбрызгивая яд из клыков на жвалах. Его напор не ослаб, но теперь лапы дергались вразнобой, действия паука потеряли осмысленность. Я, в последнем усилии, оттолкнул умирающее чудище от себя, и отполз подальше.

— Все, этот последний, — сообщил мне Вячеслав. Он, оказывается, тоже как раз полз в мою сторону. Позади него валялись два паука. Дохлые твари скрючивали лапы и напоминали огромные сухие цветы. Их было всего три штуки?

— А где остальные? — я испуганно приподнялся на локтях и завертел башкой, одновременно посылая поисковые запросы Кузе.

— Один сбежал, — глухо отозвался Вячеслав. Он уткнулся львиной мордой в камни и не делал попыток подняться.

— Их что, всего четыре было? — удивился я.

— Да, мне тоже показалось, что там до хрена. Но нет, не до хрена, — ответил Вячеслав. — Так, на пару ударов.

— Но это все равно пиздец, — пожаловался я. — Ты сюда посмотри. Он мне всю ногу сгрыз. Сука, она перфорированная теперь. Кости видно.

— Ага, меня тоже пару раз куснули, — отозвался Вячеслав и тяжело перевернулся на спину. Я заметил, что у него повреждена рука. И, похоже, бок. — Хорошо, что боли не чувствуем. И, похоже, яд на нас не действует. Просто вытекает из дырок, и всё. Иммуны к яду. Шикардос.

Вячик довольно хохотнул. Кузя на рядом со мной тянул из агонизирующего паука жизненные силы, наливаясь темнотой и становясь больше. Я чувствовал удовольствие теневика. Мой приказ на разведку теневик игнорировал.

— Ладно. Рестарт. Выйти из игры! — прорычал Вячеслав.

— Капец ты придурок, — прошипел я. Больно не было, но пережитое все равно несколько пошатнуло моё душевное равновесие. И я взорвался. — Я тебе, дебилу, говорил, что это не игра? Что, про попаданцев перечитал? Вот и лежи теперь, растворяйся. Это ты еще не сдох. Вот сдохнешь, увидишь, где самая херня! Ты не лев, ты баран! Думал это рпгэшечка твоя тупая, где всё вокруг тебя вращается? Придумал же блин, “выйти из игры” сказать!

И мы вышли. В этот раз мерзкого чувства умирания не было. Мне даже показалось, что нас просто затянуло обратно в тронный зал, в котором мы появились, и втянуло в “бассейн”. Не могу сказать уверенно, это было на уровне внутренних ощущений. Мы оказались в таверне. Вдвоем.

— Ага, понятно, — сказал Вячеслав. Он по-прежнему был в образе леонида. Только теперь целый. Повернулся к стойке, взял с неё огромную кружку и начал жадно пить. УКружка была странной формы, сужающаяся кверху и почему-то с двумя ручками по бокам.

Я некоторое время ошарашенно осматривался вокруг. Потом машинально повторил за Вячеславом. В кружке была янтарная жидкость. Я осторожно отхлебнул глоток. Никакого вкуса.

— Чот я не понял, — сказал я.

— Что непонятного? Это ты сервер создал. Ты и команды даешь, — "объяснил" Вячеслав.

— Нихера! — не согласился я. — Я в первый раз уже пробовал! Ничего не работало. Не "меню", не "выйти из игры".

— В первый раз меня не было. Пока ты где-то малумбу пинал, я тут в пустоте гостевую комнату создал. Ну и нейросеть твою обучил кое-чему. Кстати, надо будет "меню" еще раз попробовать. Скажи "меню".

— Да какую, нахрен нейросеть, — устало сказал я. — Меню.

На стойке появился листок. Он напоминал меню, но вместо букв были квадратики.

— Ты серьезно её не чуешь? — отставил кружку Вячеслав. Подождал пока я посмотрю на меню, забрал у меня листок и внимательно его изучил. Даже на зуб попробовал. Сплюнул и сказал: — Похоже на то, как рукой управлять. Если ты скажешь "взять кружку", то ничего не произойдет. Надо вот именно взять кружку. Дать команду мышцам. Но руку то ты все равно чувствуешь.

Я внимательно прислушался к себе. Покачал головой.

— Ну смотри, как я могу, — Вячеслав протянул лапу, щелкнул пальцами и превратился в себя.

— Так я тоже могу, — хмыкнул я и щелкнул пальцами. Вернее, попытался. Звука не последовало. Попробовал снова.

— Блин, надо будет посидеть еще. Пока звук лагает. А вкус я вообще не смог найти, — виновато развел руками Вячеслав. Странно, но именно в этот момент я прямо вот очень остро почувствовал, что вокруг творится какая-то дичь. Полный бред. Идиотизм. Как будто в комедию с английским юмором попал. Поэтому кивнул с важным видом. Как будто что-то понял.

— Это демка, пока. Но согласись, уже нормально работает. Не стыдно показать, — продолжал оправдываться Вячеслав.

— Превратиться в эльфа, — сказал я. Ничего не произошло.

— Не, это не так работает. Тебе персонажа создать надо сначала, — поучительным таким тоном, сказал Вячеслав. Сейчас, когда он говорит и выглядит как человек, он меня внезапно начал раздражать. Хотя, это наверно из-за стресса. Возможно, я скоро сорвусь.

— Мне надо выпить. Что-то со вкусом, — сказал я и сел. Прямо там где стоял. На пол. — Может, даже, водки.

— Подожди. Давай еще один заход, а потом уже в реальный мир! — законючил Вячеслав. Вот точно так же, как когда уговаривал еще на партию в настолки, а мне завтра на работу.

— Нет! — твердо сказал я. — Выйти из игры.

Вячеслав некоторое время настороженно оглядывался. Но ничего не произошло. Он хохотнул и сказал.

— Ну, значит выбора у тебя нет! Придется нам еще разок прошвырнуться по таинственным развали...

Но я его не стал слушать, и перебил на полуслове, затараторив:

— Выйти из сервера, закрыть сессию, отпусти меня чудо-трава, выпусти, сука, домой хочу, выход, стоп игра, флюгегенхаймен...

Все вокруг потемнело. И я открыл глаза, чувствуя уже знакомую боль в затекшем теле.

— Ох, ух... Бля... Я себе все отсидел... Спина затекла... Капец как жопа болит... А рожа у меня в чём? — застонал рядом Вячеслав.

Мне пришло на ум пару предположений. Но я не успел их высказать. На меня накатила волна облегчения. Настроение резко, рывком, повысилось. Одно дело когда тебя тащит куда-то, хрен знает куда. И другое дело, когда ты можешь стоп кран дернуть. Хотя как-то управляешь процессом. Я прислушался к возмущениям Вячеслава, не выдержал и засмеялся.

Глава 11. Темные секреты

Мы сидели в доме у Вячеслава. И пили хороший, дорогой, теплый виски. Вячик покраснелся и был слегка пьяненьким.

То, как мы выбрались из подвала и добрались до его квартиры не тянет на отдельное приключение. Хотя, случись мне раньше грязным и мокрым (оттирались минералкой от пыли) идти почти по центру города, я бы такое запомнил и всем рассказывал. А сейчас — ну пришли и пришли, что бухтеть. К тому же, Вячеслав, как оказалось, жил недалеко. Даже такси не стали брать. Берлога Вячика находилось внутри втиснутой среди старой, еще советской застройки новостройка с внутренним двориком. Впрочем, с берлогой я погорячился. Вместо однокомнатного холостяцкого логова старого задрота, я обнаружил просторную трехкомнатную квартиру. Хорошо обставленную, даже с камином, пусть и электрическим. И шкафом с полками в сеточку. Для винных бутылок. Я даже разглядел несколько пробок. То есть этот шкаф тут не просто так, он им и в самом деле пользуется.

— Как ни крути, а наш почин смазать надо. А то дальше туго пойдёт, — радостно потер руки Вячеслав с видом пьяницы, который нашел уважительный повод выпить. Он усадил меня в кресло у камина. Большое, кожаное. С претензией. А сам отправился на кухню.

— Классное кресло! — восхитился я искренне и громко. Тоже такое хочу.

— Не, говно полное! На коже только в смокинг одетым сидеть! — отозвался он из кухни, одновременно гремя стеклом. — не вздумай голой жопой сесть! Прилипнешь!

— А ты расскажешь мне, как именно ты это выяснил? — тут же заподозрил я его во всяком. — Только честно, и с подробностями!

— Да как отопление включили, стало в квартире жарко, так и выяснил, — и в самом деле искренне ответил этот наивный парень. Он принес виски и два громадных стакана. Один отдал мне, плеснув туда жидкого янтаря сантиметра на полтора. Повторил со своим стаканом и плюхнулся на диван. Я попросил запивон и закуску. Желательно, колу из холодильника. Обожаю виски с колой.

— Ты сначала попробуй, — ответил он мне непривычным, надменным голосом. Я попробовал. И действительно, этот виски не надо было запивать. Жидкое удовольствие, греющее изнутри и наполняющее ароматным счастьем саму душу.

— Дорогой? — задумчиво спросил я, разглядывая этикетку. Ни слова на русском.

— Да милый? — вскинул брови Вячеслав. Он сел поскромнее, словно спохватился. Сменил тон и начал паясничать в своей привычной манере. Поздно, для меня он теперь всегда останется немного сумасшедшим и абсолютно бесстрашным львом. Хоть сейчас он и притворяется обезьяной. Я отставил бутылку и его тупую шутку в сторону и начал рассказывать. Всё, с самого начала. Ну, не прямо с большого взрыва, а про мои приключения. То есть, с вечера прошлой пятницы.

Я давно заметил, стоит самый запутанный ком проблем вывалить на чужую голову, проговорить их вслух — становится легче. Но не только в смысле, что отпускает напряжение. Становится понятнее ситуация.словно ты расставляешь произошедшее перед собой на столе. И теперь можно как бы окинуть взглядом, как шахматную партию, прикинуть, куда надо двигаться и что делать.

Когда я закончил, Вячеслав начал задавать вопросы. И его вопросы показались мне странными. Он долго выспрашивал меня о моих родителях. О том, что предшествовало

случаю в офисе. Незаметно, мы потихоньку вылакали треть бутылки. Вячик встал, взял телефон и заказал еду. Потом включил электрический чайник с шикарным принтом. Достал маленький чугунный заварник, упаковку из желтой бумаги с блеклой печатью на боку и сделал нам крепкого чая. Я не стал просить сахар, подозревая что он тут будет лишним. Поставив чайничек и налив нам немного чая в крохотные чашечки, Вячеслав сказал:

— Давай пока притормозим с алкоголем. Надо серьезно поговорить.

С сожалением я отставил стакан с недопитым виски. Вячеслав немного помялся, уселся на диван. И заговорил:

— Моя очередь рассказать, как я докатился до того, что меня в подвале обмочили, а потом еще и пауки замочили. Мда... Короче, Сережа, ты меня прости, но я за тобой раньше склонности к веселым розыгрышам не замечал. Так, едкий сарказм, если только. И поэтому, после этих посиделок на твоей кухне, я долго и много думал. Вообще-то, я в чертовщину не верю. Но вот в тот вечер как-то даже засомневался. Погуглил в интернете про паранормальщину всякую. Начитался такой отборной дичи... Короче. Я только укрепился в своем мнении, что ничего сверхъестественного быть не может.

— Вот ты сейчас веско так сказал, — кивнул я. — Что я сразу успокоился. Пойду домой, Кенни расскажу, что нет его.

— Да нет, тут все интересней. Если смотреть на культуру, былины, сказки... Да даже средневековые юридические документы! Создается впечатление, что всякое странное существует рядом с человеком... Примерно всегда. Но вот прямо сейчас... Знаешь, почему ученые не верят, что НЛО это инопланетяне?

— Доказательств нет? — предположил я.

— Не в этом дело. Дело в том, что мы бы заметили их прибытие. Представь, что ты папуас на острове. Ты можешь на своем каноэ доплыть до другого острова и, в принципе, предполагаешь, что где-то есть неизвестные тебе заселенные острова. Где-то очень далеко. Так далеко, что на каноэ не доплыть. И тут рядом с тобой проплывает атлантический лайнер. Трудно не заметить. И сразу ясно, что такая штука может приплыть только издалека. А применительно к межзвездным перелетам, даже скорее это как если к папуасам на остров с соседней планеты челнок приземлился. Любая, настолько превосходящая нашу технология будет прям глаза выжигать необычностью. Как атомный взрыв японцам.

— Может прячутся, — предположил я.

— Много чести. Вот представь, что ты владелец пароходов, газет и космочелноков. Зачем тебе прятаться от папуасов, живущих в каменном веке? — помотал головой Вячик.

— Изучать, — хмыкнул я. — На опыты похищать, то одного, то другого.

— Будку с хотдогами поставь, они сами тебе кого надо на опыты сдадут. К тому же, если вспомнить теорию меж...

— Ближе к делу, — перебил я Вячика. Он любитель мыслями пораскинуть. Особенно по мозгам окружающих.

— А дело в том, что с твоим Кенни тоже самое. Пойми, если бы было что-то такое же... Да хоть немного похожее, люди это уже давно монетизировали. Например, радиоволны. Невидимая, непонятная сила. И что? Освоили. Так и с тем черным камнем в подвале. Если бы такое попадалось раньше хоть кому-то, уже бы научные институты давно выкатили разработки хитрые. Были телепорты вместо метро. А уж таких как твой Кенни сто процентов к станкам бы поставили. Еще веке в шестнадцатом. Ты понимаешь меня?

— Если бы вампиры существовали, то люди бы давно придумали кровь сдавать... Так,

постой, — съехидничал я.

— Нет, я пытаюсь сказать... — заволновался Вячеслав.

— Вячик, я инженер-электрик. Я понимаю, о чем ты. Всю историю в мире было электричество. Проявлялось молнией. Но вот сейчас высоколобики даже её поймали, изучили, может не до конца, но поставили деньги зарабатывать. Сейчас всё, — я обвел руками вокруг себя. — Либо работает на электричестве, либо сделано с его помощью. Если бы была в мире хоть какая-то энергия, которая... Ну, короче, магия. То у нас были бы как минимум профессеры по магии. А скорее всего, мы бы уже давно это масштабировали и на поток поставили. То есть, магии нет. Это логично. И Кенни нет. Это логически невозможно. Я ж не спорю. Но к чему ты ведёшь?

— К тому, что если этого нет, есть два варианта. Либо оно вдруг появилось, либо дело в тебе.

Я тяжело вздохнул. Встал и налил себе еще виски. Раздался звонок в дверь.

— Еду принесли, — сказал Вячик. — Забери пожалуйста.

Пока я ходил за едой, Вячеслав залипал в телефон. Я достал упаковки какой-то корейской снеди, сервировал стол. Вернулся и застал Вячика в той же позе.

— Ты что там, смешнявки смотришь? — не выдержал я. — Мне тоже покажи.

— Да не. Ищу любые странные события. Пятна на солнце, парады планет, магнитные бури. Ничего такого последнее время, вроде, не происходило, — отозвался он.

— Значит, ты думаешь, что это всё-таки я со странностями? — тяжело вздохнул я.

— То, что ты со странностями, я и так знаю. Мы тут все не без греха. Я подозреваю, что ты вообще уникальный. Ладно, пойдем поедим.

На кухне, за едой мы, будто сговорившись, избегали темы о странностях.

— Слушай, ты много так еды набрал. Дорого, наверно. Давай я тебе за жратву половину отдам, — засуетился я.

— Не надо, — отмахнулся Вячеслав.

— Да ну, что сразу не надо. Ты же не работаешь... — сказал я. И осёкся, посмотрев на буквально нафаршированную техникой кухню.

— Поэтому я никого не приглашаю домой и мы играем во всяких бомжатниках. А девкам говорю, что хата съемная, — сказал Вячеслав, заметив мой взгляд.

— А она твоя? — удивился я. У нас, конечно, не Москва. Но пятьсот тысяч населения есть. Такая хата в центре хорошо стоит.

— Я по образованию физик-ядерщик. По диплому. Но работал обычно с компами. В последний раз был сисадмином в одной конторе государственной... Числился электромонтером, если честно. По факту, сисадмин и спец по компбезопасности. За серваками, короче, смотрел и интернет настраивал.

— А я уж думал коллега почти, — хмыкнул я.

— Серега, ты знаешь, что такое крипто-валюта? — Вячик хлопнул по столу, словно решаясь. Дождался моего кивка.

— Пирамида такая, — сказал я.

— Может и да, не важно. Я майнеры на серваки поставил. Много тех серваков было. Меня через год уволили. Не из-за этого. Власть сменилась, новый директор везде своих понапихал. Те, которых он вместо меня посадил, оказались ламеры убогие. Пять лет прошло, с моего увольнения. И всё еще половина майнеров работает. — Вячик тяжело вздохнул. — Вот. Никому не говорил. Измаялся весь. И ты никому не говори. Хочу чтобы ты тоже

измаялся.

— А, это типо секрет за секрет? Но тогда маловато подробностей. Скажи хоть, много денег капает? — хмыкнул я. Тоже мне, доверительные отношения. “У меня портал в другой мир в подвале”, а я прогу на работе без разрешения поставил.

— Хватило на три квартиры в Москве, под сдачу. И на эту. А сейчас на Мальте ещё одна строится. Там тысяч триста надо вложить, чтобы гражданство получить. Не рублей, понятно. Я прикинул, у меня поднакопилось. Ещё годик, может два, и перееду, — ответил он, глядя в тарелку.

Я ошарашенно смотрел на Вячика. И мне на ум не пришло ничего умнее, как спросить:

— А зачем ты тогда по двести рублей за игровую сессию требуешь?

— Тогда люди серьезнее относятся. Задолбала эта текучка. Кстати, Алину помнишь? Которая тебя на игру привела? Знаешь, что она мне сказала, когда бросала?

— Нет. А вы встречались? — удивился я.

— Получается, нет. Не важно. Так вот, она сказала, что “не видит во мне перспектив”.

И он расхохотался. А вслед за ним и я.

Последнее что я знал о наших бывших, это то что они снимают комнату еще с двумя девушками. И полны энтузиазма добиваться всего сами... Мда...

Вячик расслабился. Может немного от виски, может от того что рассказал кому-то страшный секрет. Ему явно понравилось и он продолжил откровенничать:

— Вот, если за этот год не найду ту, что полюбит меня таким какой я есть, но не за деньги... То куплю себе суррогатную мать. Может даже две. А может... Детей просто хочу. И любви, конечно, но с любовью что-то не выходит. Короче, куплю себе детей. Няньку придется найти только хорошую...

— Кормилицу, — хмыкнул я. — Чтобы сиськи были минимум четвертый размер. Лучше даже три. Кормилиц, не сисек. Если за деньги, поиски полегче пойдут. Нутром чую.

Вячик снова расхохотался.

Я налил себе ещё виски. Отличная штука. Если потягивать его не спеша, крохотными глотками, то можно долго поддерживать в себе состояния легкого, веселого опьянения. Периодически мы хохотали. Особенно, когда я рассказывал, как уволился.

Хороший был вечер. Давно так не сидел.

Я даже не заметил, как за окном стемнело. Мне пришла в голову идея.

— Слушай, подожди секунду. Эксперимент! Нужна полная темнота!

Полной темноты мне удалось добиться, не только задернув шторы и выключив все лампы, но и заперевшись с Вячиком в ванне. Не обращая внимания на его похабные предположения, для чего мне это надо. В темноте ко мне быстро вернулось уже почти привычное ночное зрение. Я повернулся к Вячику. Тот на ощупь пытался отпить из стакана, смешно вытягивая губы трубочкой.

— Ты что, не видишь ничего? — удивился я, и поднес руку к его лицу. Он никак не среагировал. Похлопал глазами и ответил:

— Нет, вообще ничего. Даже нет разницы, глаза закрыты или нет.

— Странно, — удивился я. — А у меня ночное зрение включилось. Как там... Там, где ты лев. У меня оно сразу появилось, после первого раза.

Вячик уставился на меня слепым взглядом. Я увидел, как на его лице отражается тревога.

— Значит, Серый, дело точно в тебе.

— Тихо, замри, — сказал я и взял его за плечо. — Не дергайся, это моя рука. Пошли на выход.

— Что? Что такое? — еще сильнее заволновался он.

— Кенни. Прямо за твоей спиной, — ответил я, сам не спуская глаз с сгущающейся темноты.

Вячик взвизгнул, выпрыгнул из ванны, по дороге буквально забросив меня на стиральную машинку и чуть не выбив пузом дверь. Открыв дверь и вывалившись в слабоосвещенный коридор, он обернулся и как ковбой револьвер, выхватил смартфон. Включил фонарик и направил его внутрь ванной комнаты. Сходства с ковбоем добавлял стакан с виски в его руке. Собственно, на этом сходство и исчерпывалось. Вячик отхлебнул виски и хрипло сказал:

— Ну давай, вылазь на свет. Хочу посмотреть на тебя, Кенни.

В яркий луч света высунулась когтистая, проволочная лапа. И, против моего ожидания не развеялась.

— Убери, ему все равно больно, — попросил я.

Вячик направил фонарик себе под ноги. И отошел в комнату, где тусклым красным светом горело изображение дров в электрическом камине. И уже там выключил телефон. И сказал:

— Ладно. Сука. Хера ли делать. Пусть заходит. Жрать он хочет?

— Никогда не откажется, но ему это не сильно надо, — сказал я, прислушавшись к своим ощущениям. — Обойдется.

— Откуда он здесь? — спросил Вячик.

— Походу через вентиляцию с крыши пролез. Протек, точнее.

— А на крыше он откуда? Они же света боятся! — все никак не мог успокоиться Вячик. Может, это потому, что Кенни начал вылезать из ванны. Он вполне сформировался и был куда крупнее чем в первый раз, когда я его увидел. Выглядел он капец зловеще. Я поторопился занять место между ним и Вячиком. Я успокаивающе поднял руку по направлению к Кенни. Тот, царапая когтями по ламинат подошел ближе. И сложился рядом со мной темной кучей.

— Я же говорил, я его ночью у холодильника на работе застукал. Там свет от фонарей с окна был.

— Ультрафиолет. Он как вампир, только солнечного света боится. Не искусственного, — Вячик тяжело вздохнул, отпустил штору, которую видимо готовился распахнуть, если что пойдет не так. На подрагивающих ногах подошел поближе и плюхнулся в кресло у камина. Я тоже присел. Подальше, на диван. Кенни переполз ко мне.

— Я аж протрезвел, — обиженно сказал Вячик, не отрывая взгляда от Кенни.

— Я тоже, — сказал я. — Он, кстати, к тебе не агрессивен. Вообще.

— А вообще он агрессивен? — поднял брови Вячик. В конце фразы его голос сорвался и дал петуха.

— Обычно нет, только если мне угрожает опасность, — осторожно ответил я. Должны же у меня остаться хоть какие-то секреты. — Но тебя он вообще не воспринимает как чужого. При чужих он бы не показался.

— Он летать умеет? — вдруг спросил Вячик. — Как он сюда добрался с твоей хаты?!

— Не знаю, — ответил я.

— Подожди тут минуточку, — Вячеслав решительно выпил остатки виски, встал и ушел.

Впрочем, вернулся он довольно быстро. С большим туристическим чемоданом на колесиках. С твердым пластиковым кожухом. Раскрыл его и сказал. — Пусть сюда лезет. И вы Серж, извольте облачаться. Дело у меня для вас есть. Обоих.

Глава 12. Темные дворы

— И рухнул мир напололам, бежит разлом... Чо-та, чо-та, чо-та там... Осла с бобром! — напевал Вячеслав, бодро шагая впереди меня. Если бы мне надо было пытаться Гитлера, но при этом нельзя было к нему прикасаться, я бы попросил Вячика ему спеть. Вячеслав не то, чтобы перевирал мелодию. Перевирал он слова. Мелодию он цинично и жестоко извращал, убивая всю гармонию и превращая в чистый, отталкивающий хаос, противный всему обладающему способностью слышать.

— Вячик! — не выдержал я. Очень хотелось крикнуть “заткнись”, но не хотелось лишней раз обижать человека на ровном месте. — Не тяни интригу, Агата Кристи! Что ты там задумал учудить? Я сейчас домой пойду!

— Не сможешь. Ты только что сравнил меня с легендарной рок-группой. А я даже такт не начал отбивать. Добавим ритма, — Вячик неуклюже задёргался и начал хлопать себя по бедру. — Пица залепила турбину самолета, ту-ду-ту-ту... Блин, надо было пожрать нормально перед выходом. О, у меня шавуха же есть, которую я для тебя купил.

Он притормозил и начал копаться в рюкзаке.

— Я сравнил тебя с английской старушкой. Из-за склонности лить воду в тексте, вместо того чтобы перейти к делу. Ну еще ты похоже поешь и двигаешься, — Вячик протянул мне измятый кулек. Видимо, с шавухой. Оpoznать в этом комке конкретный вид фастфуда я затруднялся. — Нет, спасибо.

— Ну и ладно, сам съем. Сережа, но не на улице же мне тебе всё рассказывать? Сейчас. Ща только пивасик возьмем, в падик сядем, и я тебе все выложу. С прибором... — продолжал куражиться Вячик. Стоп. Пиво, падик... Что?

— Эм... — сказал я. “Эммм...” подумалось в моей голове. Ну не самое обычное времяпрепровождение в нашей компании, пиво в падиках пить. К тому же, на улице уже было темно. И холодно. Вячик почувал, что я действительно готов развернуться и пойти домой, прочь от его странных идей. Он остановился. Обернулся. Положил руку мне на плечо. И проникновенно сказал.

— Траст ми. Ай эм сисадмин! — и зашагал вперед, вполне уверенный, что этого достаточно. Самое странное, что он оказался прав. Я побрел за ним.

— Нет, это ты доверься мне. Это я же инженер. В оригинале было траст ми, айм инженер! — пробухтел я недовольно.

Впрочем, бухтел я ему в спину и негромко. Все же умеет он тянуть интригу, подлец.

Минут через десять, когда мы действительно купили пиво, все же мы, к счастью, не пошли в подъезд. Уселись на самодельную лавочку во дворе. Это был еще советский двор, лампочки над подъездами едва разгоняли густые тени заросшего старыми деревьями тесного пространства. Лавочка, зажатая с одной стороны глухой, без окон, стороной советской пятиэтажки, а с другой домиком подстанции, была дополнительно укрыта кустами и гаражами. Само по себе местечко было темное и не просматриваемое. Зато изнутри можно было видеть почти все подходы.

Вячик достал две банки пива, открыл, поставил на лавочку. полюбовался, поправил. Потом достал пластиковую бутылочку алоэ вера с клюквой. Это он себе. Мне досталась банка кваса. Мы выпили. Вячик показал на виднеющуюся через один дом бетонную коробку.

— "Падик", это подъезд, Вячеслав, — сказал я.

— Да? — отозвался он, с набитым ртом. Он лихорадочно дожевывал шаурму. — Ладно, тогда потусим на флете.

— Флет, это квартира. Вячеслав, вы вообще не в теме сеттинга реальной жизни, не так ли? А еще вы омерзительно обляпались, — я начал раздражаться. Давно заметил, что всегда начинаю на Вы говорить, когда злюсь. Не знаю почему.

— Да сейчас, сейчас! — замахал руками Вячик. И в самом деле, он запихал остатки еды в рот, капая себе на брюки, и проглотил... Однажды я видел в документалке, как змея яйцо глотает. Вот точно с таким же движением она проталкивала его в глотку. Только у Вячика ещё и звуковое сопровождение было. Такое "йыыыыы".

— Жесть какая. Seriously, Вячик, это худшее что я видел за последнюю неделю. А ты ведь соревнуешься с гигантскими пауками... — продолжал я его травить, пока он размахивал руками, запивал своим алоэ ком в горле и пытался отдышаться, хлопая заслезившимися глазами.

— И это только начало нашего вечера. Дальше будет только хуже, Сергей. отвернись от меня, поскольку моя красота делает этот мир терпимым и посмотри на это новое здание городской администрации. Просто омерзительно. Оскорбление эстетического вкуса и архитектуры. Позови Кенни, пусть он тоже посмотрит, — сказал Вячик все еще пытаясь отдышаться. — Ему нужно повышать свою страхолюдность. Пусть учится у великих.

На самом деле здание было вполне обычным. Архитекторы соорудили функциональную коробку, дизайнеры обшили её алюкобондом нейтрального, безжизненного цвета. Выглядит сносно. Безлико, скучно, убого, депрессивно... Но сносно. Поэтому я не проникся и начал раздражаться.

— Может ты уже объяснишь, за каким хером мы тут торчим? — Эта фраза у меня получилась злее, чем я планировал. Просто мне пришлось волочь за собой чемодан. Кенни в него не полез, несмотря на все мои пантомимы. Это не обескуражило Вячика, он просто сказал, что надо взять с собой пустой чемодан. Сам по себе он был не тяжелым, но большим и неудобным. И, почему-то, розовым. Вячик отказался мне помочь по предлогу того, что у него и так с собой большой и тяжелый рюкзак. И сейчас я запоздало понял, что это все могло быть напрасно.

— Есть у меня одна семейная история, — сказал Вячеслав тем самым бархатным голосом сказочника, которым вводил игроков в мир. Это меня заставило замолчать прислушаться внимательно. Видимо, уже на автомате. Захотелось даже взять в руку карандаш, чтобы записать важные для сюжета момента. Вячик, шумно прочистил горло и продолжил. — У меня есть тетя. Прекрасная была женщина, но сейчас не об этом. Моя тетя работала уборщицей в мэрии одного подмосковного района. Однажды, она убирала кабинет одного из замов... Два раза "одного сказал". Постоянно у меня повторы слов. Зато я почти избавился от слов-паразитов, заметил?

— Не отвлекайся! — сказал я. Вячик старался работать над подачей материала, но основная его проблема что он иногда был нудным. Поэтому иногда его приходилось мягко подталкивать, чтобы он не терял нить повествования.

— Да, хорошо. Этот зам... Я уже не помню, по чему. Может, даже не не зам, а замзама. Не суть. В общем, моя тетя по вечерам убирала кабинеты рядовых сотрудников. Но однажды пришлось подменить заболевшую уборщицу верхнего этажа. Там где были кабинеты высокого начальства. И вот, заходит она в очередной кабинет. И что она там делает? Ну, протирает она, значит, пыль. Моет пол. И натывается на заныканный между письменным

столом и подоконником, штабель денег. Просто пачки. Сложенные прямо на полу, как кирпичи. Хотя, кирпичи же на поддоне складывают? В общем, куча бабла. Пачки рассохлись от того, что рядом батарея. Страшные такие, пыльные. Моя тетя сдуру их взяла и протерла. А потом перепугалась страшно. Там же в одной пачке, больше чем она за год зарабатывает. Короче, суть в том, что она дождалась хозяина кабинета, чтобы сказать о деньгах. И сказать, что ничего не брала, пусть он сам проверит. Он очень удивился, когда она показала ему деньги. — Вячик отпил своей водички. Помолчал. И продолжил, с нервным смехом: — Он про них забыл.

— Ага. Я понял, — перехватил я инициативу разговора. А то Вячик, похоже, настроился на долгий монолог. Поэтому я сразу перешел к сути. — Ты хочешь отправить Кенни обшмонать администрацию на предмет толстых, пыльных, забытых пачек денег?

— Ну вот. Теперь, когда ты вслух таким тоном сказал, это уже не кажется такой классной идеей, — обиженно надул щеки Вячик. — Да ладно, давай попробуем, раз уж мы здесь. И тебе все равно надо исследовать пределы своих возможностей. Зови Кенни. Узнаем, сможет он вообще до тебя тут добраться, или нет.

Кенни смог. Я очень плохо его чувствовал, поэтому не мог с уверенностью сказать, как именно он пересекал освещенные пространства. Перед нами он появился, спустившись со здания прямо по стене, как паук.

— Блин, мы тут сидим, как три тополя на плющихе. Надо было найти местечко потемнее, — запоздало заволновался Вячик. Но уже было поздно. Я отошел в сторону, в клубящейся темноте в кустах и постарался донести до Кенни мысль о деньгах. Через минуту он сорвался с места.

— Ну всё, теперь остается только ждать, — довольно сказал наблюдавший за моим сеансом гипноза Вячеслав.

— Не уверен, — неуверенно сказал я. — Не факт, что он понял такие сложные концепции... Деньги... Но побежал он вроде туда, куда надо...

— Тебе нужно учиться делегировать! Доверять подчиненным! Ставишь задачу и пусть твой демон удивит тебя своей изобретательностью! — нравоучительно сказал Вячеслав и протянул мне мой квас. — Ну, за успех!

Мы чокнулись и выпили.

Следующие минут двадцать прошли в относительной тишине. Я попросил мне не мешать и сосредоточился на ощущениях от Кенни. Вячеслав старался не отвечивать и залип в телефон. Иногда он забывался и начинал говорить вслух всякую чепуху.

— Ого, в этом году рекордные продажи люксовых вещей. Серёжа, запомни мои слова, этот 2016 год будет самым плохим, за все время! Мы на пороге процветания. Мы, наконец, выбрались из кризиса и теперь нас ждет долгое, поступательное развитие...

— Кто мы? — недовольно пробурчал я.

— Мы, в смысле страна, — он удивленно посмотрел на меня.

— Говори за себя, — хмыкнул я. — И за тех, кому бала некуда девать.

— Слушай, ты не прав. Чем больше богатых, тем меньше бедных. К тому же, вокруг каждого человека с деньгами... Короче, деньги просачиваются вниз, — заволновался Вячеслав. не знал, что его волнует экономика. Впрочем, мы же с ним никогда не говорили на отвлеченные темы.

— Тссс, — зашипел я на него. И застыл с лицом акустика на подводной лодке Я не только “прислушивался” к Кенни, но и пытался как-то его направить и помочь. Кажется, это

у меня не получалось. На самом деле я только слабо ощущал его присутствие "примерно в той стороне". Я точно мог его отозвать в любую секунду. И на этом, в общем, все. У меня как будто была с собой тревожная кнопка, подающая сигнал опасности, однако на более тонкие взаимодействия приходилось тратить время и массу усилий. И я прямо сейчас учился использовать эту странную связь между мной и сотканным из теней сверхъестественным созданием.

— Извини, извини, — поднимал руки Вячик и снова замолкал. Но потом, когда проходило минут пять, он снова начинал говорить:

— Слушай, тут петиция есть, за то чтобы ДиКаприо дали Оскар. Я подписал! Нет реально же, это не справедливо, что у него нет Оскара! Я те ссылку ща кину...

— Тсссс!

— Извини, извини...

— Стоп... Да, похоже оно... — понял я.

Через десять минут я сидел у приоткрытого чемодана и светил зажигалкой внутрь. Внутри чемодана лежал пакет с деньгами. Самый дешевый пакет, прозрачная одноразовая "маечка". Внутри пачек семь, аккуратно разрезанной и красиво раскрашенной зеленоватой бумаги с цифрой сто и знаком доллара. На вид — самые настоящие деньги.

Вячик аж светился от самодовольства. Его прямо распирало, но он держался и пытался не испортить момент своим "Я же говорил".

— Просто не могу поверить, — наконец сказал я.

— Что на нас деньги с неба падают? Держись меня и не такое будет, — не выдержал Вячик

Технически, он был прав. Кенни перебрался тенями к дому, у которого мы сидели. Потом по стене спустился к нам поближе и скинул пакетик с высоты второго этажа. Тут же вернувшись обратно. Он еще не успел обыскать всё здание. Мешок с деньгами упал перед нами ровно в тот момент, когда недалеко шла женщина с ребенком. Я тут же расстегнул чемодан, Вячик ловко подхватил баблишко и закинул его внутрь чемодана. Женщина обернулась, когда я уже застегивал чемодан. Она посмотрела на нас с подозрением, но скорее всего ничего не заметила. Рассмотреть и посчитать добычу мы постеснялись при свидетелях. Сидели с каменными лицами, дожидаясь, пока рядом не будет прохожих. Но они как назло вдруг прямо потоком пошли. А ждать было почти физически больно. Поэтому я сейчас залез башкой в чемодан и нервно ощупывал купюры. Наконец, достал одну пачку. Закрыв чемодан. Пробежался подушечками пальцев по стопке купюр. Выдернул одну из середины и дал Вячику. Тот посмотрел купюру на свет, пошлякнул пальцы и потер стошку баксов между подушечками с видом опытного фальшивомонетчика.

— Настоящие, — заключил он. И спрятал стошку себе в карман. — Шухер, кто-то идет. Прямо к нам.

И действительно, в отдалении появилась фигура. Как я уже говорил, мы сидели в укромном уголке. С одной стороны, нас прикрывала стена дома, с другой здание электрощитовой и несколько гаражей. При этом, сам двор неплохо просматривался. Прохожие проходили по дорожке туда-сюда довольно часто, но эта фигура свернула и двинулась к нам. Подошедший съезжился от холода в своей легкой черной курточке. Он был в спортивных штанах и остроносых туфлях. Лицо было обычное, человеческое. Только с таким выражением... Привычной настороженности и оценки... Словно всегда, когда этому парнишке хотелось поесть, ему приходилось для этого сначала своровать вилку у случайного

человека рядом.

— Доброго вам вечера, — подошедший шмыгнул носом. — Извините за беспокойство. Не будет ли у вас сигареток угоститься?

— Мы не курим, — отозвался Вячик и добродушно улыбнулся. Парень посмотрел на него как-то... С осторожным презрением... А потом скользнул взглядом по зажигалке в моих руках. Потом по моему лицу. И отвел взгляд.

— А что вы тут сидите? Это обычно местных пацанов место, — сказал он в сторону.

— Сейчас уйдем, — жизнерадостно сказал Вячеслав — А хочешь пиво? Вот, возьми мое, я еще даже отпить не успел!

С этими словами Вячеслав встал и вручил свою банку пива парнишке. Тот машинально схватил пиво. С подозрением присмотрелся к банке, потом заглянул в глаза Вячику. Тот выдержал взгляд и сказал, по-прежнему улыбаясь:

— У нас тут дела с другом. Мы сейчас закончим и уйдем. Ты не против? — и Вячеслав выжидательно уставился на парня. Тот посмотрел на него. На меня. Вячик не сводил с него взгляда. Наконец тот допер, что это вежливое "отвали". Сказал что-то среднее между "ладно" и "пидары", но не агрессивно. И пошел в ту же сторону, откуда пришел.

Вячик поправил очки, победно посмотрел на меня. Поднял указательный палец к небу, поучительным тоном объявил:

— Доброжелательность в общении помогает избежать множества конфликтов! Но не всех, — после чего он снял свой рюкзак, достал оттуда баллончик со слезоточивым газом. Задумчиво повертел в руках и отдал мне. А себе в карман куртки положил четырехствольный травматический пистолет.

— Кенни возвращается, — доложил я.

В этот раз улов был поскромнее. Небольшой кожаный портфельчик всего с тремя тоненькими пачками долларов. При этом очень тяжелый. Возможно, из-за массивных бронзовых пряжек. Кенни поленился лезть ниже третьего и скинул портфельчик на середине стены. Зато, почти нам под ноги.

— Спасибо, Кенни! — громко сказал Вячеслав. И уже тише, добавил. — Серега, пока прячь целиком, но вообще-то надо бы портфельчик выкинуть. Приметный. Сто пудов сам по себе тысяч пятьдесят стоит.

Я согласно кивнул и закинул портфель в чемодан. Благо, оптимистичный по жизни Вячеслав выбрал чемодан, в который труп можно спрятать. И даже не все конечности придется отпиливать.

Следующие минут десять мы провели в азартном молчании.

— Слушай, надо на рыбалку сходить. Попробовать. Я кажется начинаю понимать, в чем там прикол. Рально, увлекательно. — задумчиво проговорил Вячеслав.

— Ключуло! — перебил я его. — Ух, что-то большое!

Глава 13. Дары тьмы

Я смотрел на дар тьмы, упавший с неба. Выглядело он как обычная картонная коробка с пачками офисной бумаги форматом А4. Я точно таких же, за время работы полгазельки перетаскал. Правда, не за один раз, а в несколько приемов. Приходила раз в месяц главбух и говорила мерзким голосом молодящейся старушки:

— Мальчики, кто тут молодой и сильный? Помогите канцтовары разгрузить! Ну, давайте, вы же мужчины!

Ну ты же молодой и сильный. И, как мальчик, идешь. Радует, что я не один такой. Грузчиками работали все мужчины, кроме шефа и ГИПа. Пачки бумаги тяжелые, да еще и переть на третий этаж. Работа реально трудная. Если бы я так деньги зарабатывал, я бы умер уже. Или спился, как вариант. Потом сидишь за компом, мокрый и загнанный, ручки дрожат. В общем, знакомая расцветка этой коробки, вызывала во мне глухое раздражение. И подозрительность. От обычной коробки с бумагой эта отличалась только тем, что была вся перемотана желтым канцелярским скотчем. Когда Кенни скинул эту фигню к нам прямо с крыши, я решил, что Кенни ошибся и принес тупо бумагу. О чем с досадой и сообщил Вячеславу. Тот подумал. И ответил:

— Нет. Тогда бы Кенни нам с каждого принтера листочки тащил.

Я подобрал очень кстати валяющийся рядом осколок бутылки. Длинный, удобный. Врезал им скотч как канцелярским ножом и открыл коробку. Она была доверху забита рублями. Плотно. Я залип. Вячик открыл чемодан, молча забрал коробку у меня из-под носа и положил в чемодан. С кряхтением и матерком. Тяжелая. Закрыв чемодан. Подтащил его поближе к лавочке. Мы уселись рядом с чемоданом.

— Наверно, можно домой идти, — задумчиво сказал Вячик. Снял очки, протер. И спохватился. — А где Кенни?

— За следующей пошел, — объяснил я.

— А... — кивнул Вячик. — Тогда подождем.

Он достал телефон, что-то погуглил в нем. Сказал:

— В интернете пишут, в такую коробку миллион долларов влазит.

— Это какими купюрами? — спросил я.

— Не знаю. — Он снова заглянул в телефон. Ответил, после долгой паузы. — Скорее всего, стодолларовыми.

— Сто пачек по сто купюр в пачке, — прикинул я. — А в этой рублевые. И пятитысячные. Если десять тысяч купюр... Пятьдесят миллионов рублей, вроде, получается...

— Да не может быть... — выдохнул Вячик.

— Ну да. Не может. Пятитысячная больше форматом, их должно меньше влезть, — согласился я.

— Да я не об этом... Хотя, я сам не знаю, о чем я... Капец, какая она тяжелая! У меня аж рука заболела, — Вячик заметно разволновался. И начал вращать туловищем и разминать руки. Прямо спортсмен.

— Килограмм десять должно быть. Ну, девять, — согласился я. — Спину надо беречь. Мы помолчали.

— Что-то жуть, как курить хочется. Странно, — сказал наконец Вячеслав.

— Ты ж не куришь? — удивился я. — И не курил никогда.

— Да. Вот я и говорю, странно, — согласился Вячик.

В следующий рейс Кенни приволок сразу две коробки. Одна упала на асфальт, и здорово помялась. Но, благодаря скотчу, не раскрылась. Я, уже с опытом, быстро открыл чемодан. Вячеслав, смешно отключившая зад, закинул в него коробки. Мне по прежнему не отпускали подозрения, поэтому я снова нашел осколок стекла, и взрезал скотч. Это опять были деньги. Как Кенни сквозь картон, видит, кстати? Как он вообще, кстати, видит? Глаз то у него нет. Почему я прямо сейчас об этом задумался. Мимо прошла семья с двумя детьми. Мы, явно с подозрительной поспешностью захлопнули чемодан, сминая раскрытые крышки коробок.

— Валить надо, — сказал бледный как свежепобеленный потолок Вячеслав, после того как прохожие, весело переговариваясь, прошли мимо. Кажется, на нас они даже не посмотрели.

— Последний рейс и отзову Кенни, — отрезал я. Раз уж начали, надо заканчивать. К тому же, в чемодане все еще оставалось много места. Коробки три точно влезут.

Вячеслав схватил мою открытую банку пива и жадно её ополовинил. Протянул мне. Я не стал отказываться. Но сделал всего пару глотков. Не следует в такой важный момент себе мозги затуманивать. Вкуса пива я даже не почувствовал. Зато то, как дрожат руки, заметил. После пива стало немного полегче.

В этот раз мы ждали Кенни невыносимо долго. Я не думаю, что он сильно задержался. Просто нам так показалось. Ведь для нас время тянулось очень уж медленно. Есть забавная иллюстрация теории относительности — время течет с разной скоростью, в зависимости от того, с какой стороны двери туалета вы находитесь. Ха. Попробовали вы сидеть в старом, темном районе среди пятиэтажек и ждать падающих с неба коробок с деньгами. При том, что у вас уже с собой полчемодана денег. Вот тут время растягивается как презерватив под струей воды из крана. С подспудным ощущением, что сейчас лопнет. Напряженное, такое, ожидание. К счастью, народа на улице было мало. Хоть какой-то плюс.

В следующий раз Кенни приволок сразу четыре коробки. И покидал их прямо с крыши. Одна всё-таки разорвалась от удара и такие вкусные на вид бумажные кирпичики в банковских ленточках рассыпались по заплеванному асфальту. Мы бросились их собирать. Вячеслав, используя смятую коробку как совок набирал в неё пачки и вытряхивал в раскрытый полностью чемодан. Я, не забыв позвать Кенни, закидывал туда же коробки.

— Как он притащил столько, — изумлялся, пыхтя, Вячеслав.

— Да он и... — я хотел сказать, “труп может унести”, но вовремя сдержался. — И больше может унести. Не думал только, что так далеко.

— Ладно грузоподъемность. У него же рук только две, — умно подметил Вячеслав.

— Старается, подлец. Жрать хочет, — машинально ответил я. И понял, что сказал чистую правду. Кенни настойчиво мне транслировал желание сожрать пару человек. А я демонстративно этого не замечал. Не хотел замечать. Это меня испугало. С другой стороны, это же очень хорошо, что он разрешения спрашивает. Ладно, подумаю об этом завтра.

Мы, наконец, собрали все. Посветили вокруг фонариком зажигалки. И, едва закрыли чемодан, как из-за угла появились четыре фигуры. Они подошли не со стороны дороги, а вынырнули именно из-за угла. Сразу оказавшись рядом.

Впереди шел уже знакомый нам парнишка. В руке у него была стеклянная бутылка дешевого пива. Видимо, одной банки пива, подарка Вячика, ему не хватило для настроения. А чемодан все еще закрыт не до конца. Я аккуратно, поправив выбившуюся пачку, застегнул

чемодан. Кажется, с их стороны её не было видно. Мне пришлось напрячься, чтобы поднять сильно потяжелевший баул и поставить его на колесики.

— А вы кто такие вообще? Откуда? — сразу выбрал агрессивный тон наш “знакомец”. Он был старшим из компании, остальные были явно подростками. С не по-детски злыми лицами. Все в легких, не по сезону коротких, черных кожаных куртках.

— Никто, и звать нас никак, — сказал я. И поволок чемодан в противоположную сторону. Надо было пересечь двор. Пройти мимо администрации и поймать машину на проспекте. И сделать это побыстрее. На границе моего сознания беспокойно заворочался Кенни. Беспокойно, но с некоторым гастрономическим интересом.

— Мы уже уходим, — зачем-то сообщил Вячик и двинулся в след за мной.

— Эээ, стоять. Сюда иди, — протянул одаренный пивом, но столь не благодарный, местный. Он явно играл больше на публику за спиной и мы могли бы просто уйти, хоть и подвергаясь насмешкам. Но Вячик остановился. Развернулся, лихорадочно сунул руку в карман куртки. В тот самый, куда он недавно положил травматический пистолет. Руки у него заметно тряслись. Остановиться было ошибкой. Гопота почувствовала слабость и резко ускорила, расходясь в стороны и охватывая нас полукругом.

Я тоже остановился. Осторожно отпустил чемодан, серьезно подозревая, что колесики не выдержат. Они выдержали. Я подошел поближе к Вячику и сказал:

— Их всех надо убить.

Кенни явно обрадовался. Он соскользнул с крыши электрощитовой, где прятался до этого, в кусты за спиной подошедших. Похоже, его не замечал никто, кроме меня.

Вячик наконец справился с тремором и выдернул свой ствол из кармана.

— Шухер, волына! — крикнул кто-то и трое молодых стартанули с места, в противоположную сторону от нас. Вот я никогда не понимал идиоматического оборота “пятки сверкали”. А сейчас сам увидел. Бежали они выкладываясь по полной, едва не пиная себя пятками по жопе. Только вот пивосос затупил. Видимо, бежать на глазах младших было запахло и он замешкался. Сориентироваться ему Вячик не дал. Подскочил к нему, схватил за куртку и начал тыкать своей четырехствольной ракетницей ему в лицо. Видать, в фильмах насмотрелся. И выдал длинный монолог. В котором, в основном, было только “Ты че?” и “Сука”. Бессодержательный, в общем, получился посыл.

— Тебя как зовут? — спросил я у пленного, когда пыхтящий и раскрасневшийся от пережитого ужаса Вячик слегка утих.

— Сёма, — осторожно ответил парнишка. Бутылку он так и не выпустил. И особо напуганным не выглядел.

— Иди ты нахер, Сема, понял? — сказал я. — И мы пойдем. Пошли!

Последнее относилось к Вячику. Я его даже за руку дернул. И отошел, показывая пример. А затем Вячеслав сделал сразу две глупости подряд.

Он еще несколько секунд постоял, тяжело дыша, перед этим Семей. Стоял вплотную, касаясь его грудью и нависая. Выглядело это не очень страшно. Ну не тот у Вячеслава экстерьер. Животик, куртка веселенького желтого цвета. Шапка с бумбончиком. Лицо, обычно мягкое мягкое и доброе, сейчас было скорее грустное и испуганное. Стоял Вячеслав как-то неагрессивно. Опустил руки, не зная куда деть свой пистолет. А вот Сёма вел себя куда грамотнее. Виден был немалый опыт. Защитник родных лавочек немного развернулся, прикрываясь от Вячика плечом, и незаметно отнес руку с бутылкой для удара. Теперь ему было бы очень удобно заехать Вячику в лицо бутылкой. И тут Вячеслав вдруг переложил

травмат из правой руки в левую. Словно подыгрывая ему. Сёма так удивился, что даже не успел среагировать. А потом мой друг достал из кармана купюру и сунул её в руку гопнику со словами:

— Ты нас не видел, понял?

— Пошли, мля, дебил! — сорвался я. Крепкое словцо, так редко мной употребляемое, заставило этого идиота поторопиться и догнать меня. Через несколько минут мы уже были на освещенной улице. Едва я поднял руку, как рядом остановилась машина. Ну, хоть в этом повезло. Я назвал адрес кинотеатра. Это было недалеко. Водитель, кивнув на чемодан, спросил:

— В багажник?

Честно говоря, очень хотелось сказать "Нет". Но это бы вызвало только больше внимания. Поэтому я нехотя кивнул. Вячик пребывал в какой-то прострации, все время нервно оглядываясь по сторонам.

Как это обычно и бывает, начались задержки. Оказалось что у водилы багажник забит всяким мусором. Пришлось там пару минут всё прикладывать, чтобы освободить место под чемодан. Водитель был мужик вежливый и интеллигентный. Поэтому полез помогать мне, когда я попытался поднять чемодан в багажник. Потому что Вячик уже уселся в салон.

— Ничего себе он тяжелый. У вас там труп что ли? — прокомментировал водитель. Я заполошно посмотрел на него. Он на меня. Я нервно улыбнулся. Перестал улыбаться. И только потом ответил:

— Нет.

Ответ получился неубедительный. Водитель смотрел настороженно. Похоже, начал что-то подозревать.

— Деньги там, — сказал я и через силу улыбнулся. — Банк мы ограбили.

Водитель сразу успокоился, даже хохотнул.

— На самом деле не знаю, знакомая попросила помочь перевести, — сказал я уже спокойнее.

— А... Тогда понятно, — окончательно успокоился водитель. За мою версию неммым свидетелем выступал и сам чемодан, очевидно девчачьего, розового цвета. — Бабы такие, ага. Мы для них мужики, только когда тяжелое надо таскать. Она туда могла гантели напихать.

Я сел в салон. Водила попался словоохотливый, поэтому мне пришлось поддерживать разговор. Вячик все никак не мог прийти в себя. Поэтому он молчал и смотрел в окно. Хотя обычно он любил потрепаться. Когда мы вышли из машины, его наконец прорвало:

— Круто мы их, да? Видал да! Я херак, ствол ему в рожу! Ннна, сука! Он такой опа! А ты... Ты тоже жестко так, я аж охерел... Как ты там сказал? "Валим козлов?" Я даже на секунду тебе поверил... — Вячик радостно улыбался. Весь растрепанный и снова добродушный. Я даже злиться на него чуть не перестал. — Думал ты сейчас Кенни на них спустишь. Уже даже начал думать, как трупы прятать, прикинь? Мозг такой, "вжжжж", как счетная машинка. Всегда бы так работал! Но ты по уму все сделал...

— А вот ты вел себя как дурак, — угомонил я его восторги. — Сначала ты встал и дождался, пока тебя в "коробочку" возьмут. Потом ты терся пузом об опасного типа, напрашиваясь на нож в бок, или бутылкой в лицо. Учитывая, что у тебя ствол, это было бы логично. А потом, ты, дебила кусок, дал ему деньги! Как бы говоря: "Смотри я лох, я тебе денег дам, чтобы ты запомнил что я лох", — высказал я это, не глядя на Вячеслава. И

продолжая идти. Чемодан жалобно скрипел колесиками но держался. Тащить его по покрытому снегом и льдом тротуару было трудно. Поэтому я всегда предпочитал сумки и рюкзаки. Но тащить чемодан на колесиках было куда легче, если бы у не было колесиков и его бы пришлось нести. Только теперь, когда мне надо перетащить шесть коробок с деньгами, я оказался по-настоящему способен оценить это изобретения человеческого гения.

Вячик остановился. Набычился. Открыл рот... Но закрыл его, так ничего и не ответив.

Мы молча пересекли небольшую площадь. Вышли на другую улицу. Поймали такси до вокзала. Там, почти сразу, не торгуясь, взяли такси до адреса, недалеко от меня. Рядом со мной было побольше жилых домов. Стараясь держаться освещенных улиц, мы пешком преодолели два квартала до моего дома.

Чемодан был реально тяжелым. Тащить его приходилось по очереди. Спустя полчаса мы, наконец, добрались до моей съемной квартирки. Затащив внутрь чемодан, запустив Вячеслава, я запер дверь и замер рядом с ней, почувствовав некоторое облегчение. Непривычно молчаливый Вячеслав разулся. Снял куртку. Зашел в туалет. Вернулся в коридор, нащупал, подсвечивая себе зажигалкой, выключатель, включил свет в туалете. Проссался, как корова. Умылся. И только после этого всего, присоединился ко мне в комнате, где я уже стоял и задумчиво рассматривал чемодан. Я даже не разулся. Вячик остановился в дверях и сдавленно сказал.

— Свет то хоть можно включить?

— Ну, включи, — кивнул я.

Он повернулся к стене, щелкнул выключателем и, не оборачиваясь, сказал:

— Согласен. Что-то я затупил. Извини, пожалуйста.

Я на него до сих пор немного злился. Но как только он попросил прощения, и эти остатки стали пропадать.

— Нет, ну ты ведь понимаешь, какой ты дурак? — попытался я схватить за хвост ускользящее чувство злости, делающее все проще.

— Да. Может, пока не полностью. Так, в общих чертах, — Вячик обернулся. На его лице снова была привычная для меня легкая полуулыбка. К нему возвращалась его обычная ироничность.

— Ну спасибо, что хоть извинился, — моя злость окончательно отступила.

— Я раньше хотел. Но не мог себя заставить. Адреналин, видимо, кипел, — вздохнул Вячик. — Ну прости меня, Сережа, я первый раз в людей пистолетам тыкаю, не привык еще. Ничего, вот с тобой еще недельку потусуюсь и научусь как надо.

— Ах, так теперь я во всем виноват? — снова начал злиться я. — Чья идея вообще была туда пойти? И в следующий раз, когда ты меня в воровские темы вписываешь, ты мне сначала проясни ситуацию. Понял? А то поставил, сука, перед фактом...

— Да я не думал, что сработает, — поднял руки в успокаивающем жесте Вячик. — Просто... Часто думал об этом. и тут Кенни. Это, типа, мечта детства. Влезть в кабинет с кучей бабла...

— С детства в форточки хочешь лазить, но комплекция не позволяет? — и я несильно шлепнул его по животу, давая выход раздражению. Впрочем, его уже практически не осталось.

— Ай! Но-но, без рук! — заулыбался Вяик и отскочил в сторону. Понял, гад пронизывающий, что буря миновала.

— Ладно. Может чаёк? — сказал я. И пошел в прихожую раздеваться. — С холода. У

меня твои шоколадки вроде еще остались.

— Мне кажется, мы просто оттягиваем момент, — Вячик кинул выразительный взгляд на чемодан. И закончил фразой, которой он часто оканчивал игровые сессии. — Пришло время подсчитать добычу.

Глава 14. Темные перспективы

Конечно, если со стороны посмотреть, то моё нытье будет верхом наглости. Но я скажу. Деньги считать — утомительное дело. Если у тебя действительно есть деньги, а не тощая пачечка зарплаты. Ха. Ладно, повыделывался и хватит. И все же надо купюры покрупнее достоинством делать, ну серьезно, это несерьезно такими кучами ворочать.

Сначала ничего не предвещало беды. Отсчитываешь пачки по десять штук и выставляешь столбиками в ряд. Долго пришлось привыкать что всего две не самых толстых пачек пятидесятичных, это миллион. Всего две. А тут их, пачек этих, с надписью "Хабаровск" и надменным мужиком... Много. Считать надо, сколько.

Ну разумеется, мы эти аккуратные столбики опрокинули и перемешали уже на середине первой коробки. Вроде ситуацию спасли, восстановили столбики, но на второй коробке я на них чемодан уронил. Я думаю, это потому что квартира у меня маленькая, просто ну куда деньги складывать. Пришлось всё заново начинать.

Придумали лайфхак. В угол выложили стопкой двадцать пачек. Нагребаешь пачки, строишь стопку такой же высоты — значит двадцать. Подравнял линейкой, ссыпал на матрас. Дело пошло веселее. В четыре руки быстренько пересчитали все заново. Открыли четвертую коробку и сбились уже на ней.

— Короче, это не вариант, — Вячик явно спекся. Красный, потный, дышит как после стометровки. На самом деле я не намного лучше его себя чувствовал — руки реально устали. Тяжелая эта цветная бумага, оказывается. Когда её много, понимаешь, насколько тяжелая.

Я рухнул прямо на пол, на спину, раскинув руки. Подо мной валялось несколько пачек и лежать было неудобно, но мне было плевать. Вячик дополз до матраса и завалился на него, поверх горы бабла.

— Может просто по коробкам посчитать? — предложил Вячик. — Примерно.

— В первой было 82 пачки, во второй 87, зато в пятую аж 108 пачек засунули, — ответил я, сверившись со своими записями. — Как в том анекдоте про спички.

— Каким анекдоте? — не понял Вячеслав. Ну да, это у меня поставщиком анекдотов был Семён Александрович. А Вячику то откуда их знать.

— Короче. Приходит письмо на спичечный завод. В нем написано: Я такой-то такойтович, считаю спички в ваших коробках уже десять лет. И у вас то пятьдесят две спички, то пятьдесят три, а один раз вообще пятьдесят пять было. Вы там сумасшедшие, что ли, все?!

Вячеслав тихонько застонал.

— Ладно, давай заново, вроде теперь уже быстрее выходит. Будем каждую сотню пачек отдельно складывать, — скомандовал я. Вячеслав застонал громко и надрывно.

— Соседей не пугай! — прикрикнул я.

Вячеслав застонал громко, надрывно и жалобно.

— Всё, заткнись. Помоги в чемодан обратно сложить.

За пересчетом бабла время летит незаметно. Оказалось, что уже полвторого ночи. Мы наскоро перекусили и вырубались вдвоем на матрасе. Видимо, сказались волнения сегодняшнего дня. Засыпая я, уже на автомате, отметил, что Кенни тусит поблизости, в ванной. Я мысленно пожелал ему спокойной ночи и тут же отключился. Разбудил меня омерзительный, жестокий и бескомпромиссный звонок телефона.

— Серега, Серега, выключи будильник, — хрипел Вячеслав и пытался заткнуть уши пачками пятитысячных. Откуда они у него, кстати? Сто пудов, вчера в карман засунул. Хотя ладно, мне не жалко. Я с трудом разлепив один глаз, нащупал свой телефон. Вроде бы я будильник отключил... Это был входящий звонок. ГИП. Я принял вызов, машинально подобрался, сев на матрасе и ответил, по возможности, бодрым голосом:

— Да?

— Ну все, Сергей. Характер показал, молодец. Уважаю. Но глупостей хватит. Выходи сегодня на работу. Я заеду сейчас за тобой. Спускайся.

Я озадаченно посмотрел на телефон. Семь часов. Утра.

— Я сплю, Семён... Александрово... вич.

— Полчаса у тебя есть еще, — довольно отозвалась трубка. И отключилась.

— Охереть. Я в последний раз так рано просыпался, когда ты был беден как крыса, — промямлил Вячеслав.

— Кто тут еще крыса! — толкнул я его в карман. Посильнее. Кулаком. Но пачка в кармане Вячика смягчила удар.

— Я хомяк! Это другое! — заворочался он. — Хомяк это не только тактика, но и стратегия! Хомяк звучит гордо!

— Да помолчи ты, — отмахнулся я от него и перезвонил ГИПу.

— Уже вышел? — бодро отозвался Семён Александрович. — Молодец, я через минут десять подъеду.

— Пусть Марат за забором себе ещё одного проектировщика возьмет. У него ж очередь, — процедил я.

— Не надо только сейчас на эмоциях говорить! — прикрикнул на меня ГИП. Я аж опешил. — Ты о себе думай. О будущем. Не переживай, нормально все будет. Извинишься перед всеми и спокойно будешь дальше работать.

— А вот ху... Нет, короче, — я едва сдержался, чтобы не за материться. В принципе, с ГИПом у меня нормальные были отношения. И похоже, он вот так, невзначай, дал мне понять, что мне еще и извиняться надо будет. Не удивлюсь, если там рядом Марат уши греет. — Передайте шефу, что у меня работа легкая. Пять линий прочертить. Сам пусть делает. И не звоните мне больше в такую срань!

Я сбросил звонок. Немного подумал, и выключил телефон.

— Про пять линий тебе шеф так сказал? — спросил Вячик.

— Ага.

— Нам похоже сказали, когда мы зарплату пришли просить. В смысле, повисить. Выдавали-то вовремя, режимный же объект. Вот они тоже почти так сказали, прямо очень похоже. Хрена ли вы, за кумпуктерами своими сидите, ничего не делаете. Скажите спасибо, что вовремя зарплату даем. Ну ахереть, одолжение. Вот тогда наши и начали увольняться. Я подзадержался на пару месяцев. Ты в курсе, почему. Жаль, я тогда не додумался так же сказать, — Говоря все это, Вячик поднялся, побряхтывая, и отправился на кухню. Загремел там чайником.

— Как сказать? — не понял я.

— Раз так просто, пусть сам делает! — крикнул Вячик с кухни. — Красиво! На месте прям ставит.

Я сходил в туалет. Естественно, Вячеслав тут же понял, что и ему нужно. Я пропустил его внутрь, прикрыл дверь.

— Свет то включи, раздался его недовольный голос. — Не все тут с инфракрасными зенками...

Я включил и самодовольно улыбнулся, услышав испуганный вскрик.

— Доброе утро, Кенни, — сказал я через дверь.

Вячик начал материться и писаться. Судя по звуку, писался он все же в унитаз.

— Слушай, он в ванне так и сидит. Это нормально, что он на свету?

Я прислушался. Теневику было сильно дискомфортно. Но терпимо.

— Вроде да, — отозвался я. — Хотя раньше он света сильно боялся.

Через минут десять мы уже завтракали. В холодильнике нашлась колбаса, сыр и забытая четвертушка черствого хлеба.

— Кофемашину купи, только не жмись. Нормальную возьми, — давал советы Вячик. Я рассеянно кивал, думая о своем.

— Так. Ладно. Ну давай Серега, вываливай прямо на стол свои тайны. Тут все свои, ничего не тай. Какой план? — сказал Вячик после того, как мы доели. Важность своего вопроса он подчеркнул, убрав со стола чашки и тарелки.

— Квартиру в Москве куплю. Может, даже, несколько. А сам путешествовать поеду, — сказал я. Сказал и аж удивился. А ведь я теперь могу. От этого, почему-то, стало страшно.

— Нет. Я про... — Вячеслав запнулся, подбирая слова. — Про наше диэнди. Ну, про подвальное диэнди. Понял?

— Про портал? — уточнил я. Уточнил не потому, что не понял, на что неуклюже намекает Вячик. А чтобы потянуть время. А потом решительно отрезал, даже рукой по столу провел, для наглядности. — А ничего с “нашим” подвальным диэнди, Вячик, не будет. Забуду, как страшный сон. И тебе советую.

Я выразительно посмотрел на него.

— А, ну понятно, конечно. Путешествовать же. Я тебе советую Италию. Говорят, она особенно хороша в это время года, — с этими словами Вячеслав поднялся, прошел в коридор, взял свой рюкзак у вешалки. Квартирка маленькая, так что считай и не уходил никуда. Поэтому говорил он спокойным голосом, и я его слышал. — Советую взять винный тур по знаменитым винодельням. А потом по французским, тоже. Надо же попробовать, чем так люди восхищаются. Хотя, если ты холоден к вину, то трансы Тайланда и малолетние девственницы Конго тоже ждут гостей.

Вячеслав, не переставая говорить, достал из рюкзака коробку со своей любимой игрой. Открыл её.

— Какие малолетние девственницы, что ты несешь? — нахмурился я.

— Ну, можно набрать тут фигуристых блондинок и переехать в виллу на Мальдивах. Штук пять возьми. Блондинок, не вилл. И периодически обновляй состав, если вдруг кто-то надоест. Как тебе такая идея?

Он достал из коробки игровое поле и отработанными движениями разложил его на столе. Потом достал фигурку. Эти фигурки для игры Вячик где-то заказывал, они были отлиты из металла, с кучей мелких деталек. Эта игра, пожалуй, была единственной вещью, по которой можно бы было заподозрить что у Вячеслава есть деньги. Если, конечно не знать про его квартиры. Меня напрягло выражение его лица. Злое такое. Я попытался его успокоить. И осадить.

— Вячик... Вячеслав. Ты что тут на говно-то исходишь? Нет, я понимаю, что у тебя мечта жизни сбылась. Наяву в сказочный мир попасть. Реалрпг, все дела. Без боли и зла. Но

меня реальный мир интересует. Это понятно? Я не люблю сказки, я к вам ходил ради общения.

— Нет, мне кажется это ты не понял, — неожиданно жестко сказал Вячик. Он поставил фигурку на стол. — Смотри, это ты. Чему учат настольные игры? Они учат тому, что если узнать правила и использовать их с умом, можно победить. Может, где-то можно даже смухлевать. Но и для этого надо хорошо знать правила. И ты, вот сейчас, думаешь, что нашел лазейку и всех наебал в этой игре.

Вячик высыпал жетончики денег на фигурку. Все жетоны, почти засыпав её с головой. Показал на них и сказал:

— Теперь у тебя есть куча денег. И ты уверен, что теперь ты в этой игре уже победил. Но теперь смотри внимательно, — Вячеслав резким движением смел со стола свою игру. Все улетело прочь, коробка перевернулась, любовно запакованные в органайзеры компоненты разлетелись по всей кухне. Вячеслав с остервенением стряхнул со стола несколько оставшихся игровых монеток. А потом выложил из карманов на пустой стол травматический пистолет и две пачки настоящих денег. И нервным жестом показав на них, продолжил:

— Но проблема в том, Сережа, что игра изменилась. И теперь правила в ней другие. Я люблю сказки без боли и зла, да. Но ты меня втянул в игру, где будет вонючее говно, кровь, боль и много зла. Что еще хуже, мы даже не знаем, какие тут правила! И ты думаешь, что перестать делать единственный доступный тебе сейчас ход, это хорошая идея? Ты думаешь ты такой умный, да? Что будет, когда в городе объявят план перехват, или большие дяди узнают о том, что из здания администрации пропало полсотни лямов? Ну?!

— Будут искать вора, — ответил я, удивившись собственному растерянному голосу. Вячик реально любил этот картон, валяющийся сейчас вокруг нас. — А если найдут нас... То у меня есть Кенни.

— Ну, ты умненький... Да, Серёжа, у тебя есть Кенни. А что будет, если они найдут Кенни? Кто тогда вступит в игру?

Я вдруг осознал.

— Подожди... Слушай, а ведь Кенни даже важнее денег...

В голове вертелись ассоциации с «людьми в черном» и что-то про двух братьев, охотников на нежить из древнего сериала. При всей безобидности сериалов, я похолодел.

— Я же как... Как Опенгеймер с атомной бомбой... Или нет... Как... Как...

— Ну, для начала ты не такой уж ты и тупой, как мне начало уж было казаться, — Вячик иногда начинал велеречиво изъясняться, когда злился. — У тебя есть что-то, чего нет ни у кого. И если бы сами понимали, что это такое. но мы не понимаем, что это такое. Ты как Колумб, только у тебя портал в новый мир. Или на Луну. А еще, у тебя новые технологии. Тут людей за чертежи механических узлов для танков убивают. Что с тобой сделают за доступ к идеальному шпиону и диверсанту, вроде Кенни? И не одному. И это только то, что мы можем сейчас придумать, с ходу... Так что же это значит?

Я подумал.

— Что я в любом случае, в опасности. Слушай, но не может быть, что мы одни такие. Шесть миллиардов людей на планете. Не верю, что ни у кого больше нет Кенни, — хорошо делать вид, что ты уникальный, когда ты как все, только чуть по другому. А вот когда в тебе действительно есть что-то уникальное, начинаешь хотеть стать как все.

Вячик молча развел руками. Я продолжил:

— Мы ведь узнаем, если есть еще один Кенни. Его обязательно кто-то на телефон снимет и в сеть выложит. Со временем. Однажды. Ты ничего похожего не видел?

— Нет. Я немного поискал и ничего похожего не нашел. Если и было, то все решили, что это же очевидный фейк. Ты его вообще видел? Дешевое сиджай, — пожал плечами Вячеслав.

— Значит, я могу оказать услугу стране. Воровать секретные данные... — продолжал я искать себе варианты встроиться в новую жизнь благодаря новоприобретенным талантам. Но я и сам понимал, как жалко это звучит. Я оружие. Как суперточная ракета. Суперточные ракеты не живут в красивых домах на теплых побережьях, в окружении веселых красоток. Нет, они спрятаны в темных, холодных, секретных шахтах в окружении угрюмой охраны.

— Скорее помогать хорошо охраняемым людям внезапно убить себя и свою семью в приступе шизофрении, — задумчиво протянул Вячеслав.

— И поэтому всем будет очень интересно со мной познакомиться. Не сразу всем, а сначала тем, у кого я увел бабло, например... Я могу попытаться сбежать и спрятаться, — я попытался найти способ, чтобы сбежать и спрятаться. В голове промелькнула масса идей, но землянка в Якутии сильно уступала вилле с пятью блондинками. Так менять свою жизнь не хотелось.

— Либо попытаться добиться субъектности, — развел руками Вячеслав. — Тебе надо продолжить изучение своих сил. Продолжить то, что ты уже начал.

— А почему бы тебе самому не пользоваться порталом? — спросил я. — Я-то тебе зачем?

— Давай говорить диэнди, серьезно. Минимальная конспирация. Потому, что я хочу уберечь тебя от ошибок, как друг. Ну, и еще, как я подозреваю, без тебя ничего не будет работать, — ответил Вячеслав.

— Хоть честно, — хмыкнул я.

— Кстати, о виллах. На самом деле ты не сможешь почивать на груди денег. Она кончится. Тебе надо либо создать капитал, — Вячик покрутил в воздухе рукой. — Постоянный доход. Смотри, вот есть у тебя куча денег. Ты купил машину, квартиру, хватило еще на холодильник. Но для машины нужен бензин, за квартиру надо платить комуслуги, а холодильник раз, и сломался. Так деньги и кончатся. Ты там говорил, про сдачу квартир в Москве? Я пробовал. Этим надо заниматься. Если квартир несколько, это уже работа. И неизвестно, насколько доходная. Одно дело сдавать доставшуюся в наследство от бабушки квартиру. Совсем другое купить хату за бешенные бабки. Ты просто вмуровываешь их в бетон. Это спасет деньги от обесценивания, но с аренды ты лет десять будешь возвращать эту сумму. Тебе нужен процесс получения бабла, в котором бабло делает само себя. Понимаешь, о чем я?

— Да понял я, — раздраженно рявкнул я. И задумался.

Вячеслав сидел и молчал. Даже не смотрел на меня. Ждал. Даже непривычно от него такое видеть. Я сходил за листом бумаги и ручкой. С института привык, все время же считаешь, записываешь. Без ручки думать не могу. И чем больше я думал, тем больше понимал, что Вячик, хоть и объяснил все очень рвано и эксцентрично, но полностью прав.

Я мог резко, скачкообразно, улучшить качество своей жизни. Сделать несколько крупных покупок. А потом будет как с теми, кто выиграл в лотерею и уволился с работы. А через год вернулся на неё. Деньги кончатся, а платить за комуслуги в новой хате все равно надо. В свое время я изучал рынок ценных бумаг. Я же инженер, я умею разбираться в

нудной херне. Надежные ценные бумаги могут сохранить деньги, давая два-четыре процента годовых после вычета инфляции. Но и для этого надо иметь кучу денег и не менее толстую пачку разрешительных документов, чтобы торговать на бирже. Мне нужен был капитал. Что-то такое, что регулярно бы производило мне бабло, будучи единожды запущено. Заводик, или, в моем случае, проектная компания. Но про последнее я точно знал, что там не так нужны деньги, как связи. Сначала у тебя есть заказчики и работа, а уже потом ты под это открываешь фирму. Думаю, везде так. Никто не будет разговаривать с каким-то хером с горы, без связей и бэкграунда.

Но дело даже не в деньгах. Вячеслав ухватил суть. Я как человек с пистолетом, оказавшийся в Римской Империи. Не думаю, что я стану Императором. А вот попасть в императорские пыточные, где меня будут тщательно расспрашивать, что это за штука такая убойная — шансов полно.

Или как белка в лесу. Пока я таскаю орешки и обустроиваю своё дупло, мало кому нужное, — все нормально. Меня могут убить только если будут бить по площадям. Вырубка леса или пожар. Или война. То есть, конкретно за мной, никто не охотится, я мог пострадать только случайно. Но сейчас я стал очень вкусный. И только вопрос времени, когда мной заинтересуется лиса или волк.

Ладно, согласен, метафора Вячеслава была изящнее.

— Ты пока подумай, а я домой пойду. Мне нужен хороший кофе и ванна, — сказал Вячик. Он встал и пошел в комнату. И уже оттуда крикнул:

— Так, я забираю долю консильери, десять процентов. Короче, будем считать по восемьдесят пять пачек в коробке. Восемьдесят пять на семь, это... Этооо...

— Это 595, — машинально подсчитал я. — Какая еще доля консильери? Кто это вообще?

Вячик выглянул в кухню.

— Консильери, это советник в итальянской мафии. Я мозг, ты мышцы. Хотя, Кенни мышцы. За что мы тебе вообще платим?

— Потому что я тут главный! — почти искренне возмутился я.

— Короче, я забираю десять процентов! Это одна коробка. Примерно.

— Пятьдесят девять с половиной пачек. Возьмешь больше, Вячесланте, — крикнул я. — И я отрежу такую же толщину от твоего члена.

Капец, я уже считаю деньги сантиметрами пачек.

— Я понял, босс, — отозвался Вячик. — Хотя никто даже не заметит, что мой хер стал на такую малость покороче.

— Это потому, что его никто не видит. И сходи к парикмахеру, ты зарос как бомж, что подумают люди!

— Ладно, босс! — отозвался он. Я встал и пошел в комнату, намереваясь потрясти перед Вячеславом сложенными в щепоть пальцами и дать еще пару важных указаний. Но по дороге наступил на что-то острое. Я нагнулся подобрал с пола металлическую фигурку, которую Вячеслав выставлял на стол.

— Слушай, — я зашел в комнату и показал фигурку Вячику. — А почему я полуголая девка в бронелифчике?

— Под руку попалась. Некогда было перебирать, момент бы испортил, — отозвался тот.

— Я её себе заберу, — задумчиво сказал я. Фигурка была не из мягкого олова, как обычно. А отлита из бронзы. Поэтому пережила и падение со стола, и моё давление. —

Будет талисман.

— Окей, босс, — отозвался Вячик, продолжая набивать рюкзак баблом.

— И купи себе костюм. Я серьезно. Оденься нормально. Если бы мы выглядели... дорого, к нам бы всякая гопота не лезла.

— Сделаю, босс, — легко согласился Вячик.

— Ты чего такой покладистый? — насторожился я.

— Всегда такой был. Меня только глупости раздражают, — хмыкнул он.

— Вячик, — я схватил его за плечо. — А где твои очки.

— Наконец-то заметил, — он улыбнулся. — Вчера снял, а утром надеть забыл. Прикинь. Я сейчас не сто процентов вижу. Но не хуже, чем в очках. У меня ж кератоконус. Операцию нельзя делать. Раньше я без очков слепой совсем был. Я думал, лет через десять реально ослепну... — Вячеслав весело рассмеялся. А потом резко оборвал смех. — Так что, мы еще не все поняли, про наше диэнди.

— Да хватит, тупое название! — не выдержал я.

— Как скажете, босс, — легко согласился он.

Уже на выходе он остановился, посмотрел на время и сказал:

— Серый, созвон в два часа и в девять вечера. Если звонок не в это время, или в это, но вместо звонка сообщение, значит что-то случилось. Если сообщение кто-то пришлет "У меня всё хорошо", значит все плохо, надо бежать и спасать. Запомнил?

— В два и в девять звонок, если сообщение, то сигнал тревоги. Если все хорошо, значит все очень плохо, — кивнул я улыбаясь.

— Я серьезно, Серёга, это важно, — нахмурился он.

— Хорошо, мой консульти, я буду выполнять твои рекомендации.

Он с подозрением посмотрел на меня, но я оставался серьезен. Вячик кивнул, попрощался и вышел за дверь.

Я запер за ним дверь, допил чай. Собрал игру вячика. Раскладывать прямо уж не стал, так засыпал все обратно в коробку и оставил на столе в кухне. Потом еще некоторое время посидел в комнате, глядя в раскрытый чемодан. Побрился, переоделся, взял несколько пачек денег, распихал их по карманам. Надо было пройтись по магазинам. А еще, я планировал переехать в тот же дом, где жил Вячеслав. Так будет удобнее. Потом его обрадую. И квартиру надо побольше, бабло негде разложить, что за жуть, как тут жить.

Я уже стоял у двери, когда кто-то злобно и нервно постучал в дверь.

— Откройте, полиция! — сказали за дверью. И голос совершенно точно не принадлежал Вячеславу.

Глава 15. Главное не привлечь внимание

— А что у вас окна полиэтиленом заклеены? По пьяни повыбивали? — такие вопросы сами по себе раздражают. А если их задает участковый, то такие вопросы начинают не только раздражать, но и напрягать. Расстраивать. Бесить.

— Штор нет, вот и заклеил, — ответил я. И опустил глаза. Участковый был в аккуратной, чистой, отглаженной форме. И черные туфли надраены, буквально до зеркального блеска. Серьезно, они отражали свет лампы в прихожей, как будто из черного стекла были отлиты. Что он с ними сделал, интересно? Тоже так хочу. Хоть деньги плати и проси себе туфли начистить. Но он же полицейский, он и бесплатно может что-нибудь мне начистить. Особенно, за такие предложения.

Я вернулся мыслями и взглядом к участковому. Этот наглаженный гад все же напросился зайти в прихожую, хотя я и пытался его спровадить максимально быстро. И сейчас полицейский задавал расплывчатые вопросы, в духе “Не видели ли вы чего?” а сам все больше палил по сторонам. Очень хорошо, что я потрудился запихать весь разбросанный Вячиком картон в коробку. В последний момент увидел на кухонном столе травмат и две пачки денег, сунул в карман пуховика. Чемодан с деньгами стоит в углу комнаты. Кенни клубится за закрытой дверью ванны. Ничего подозрительного. Все нормально. Обычная квартира холостяка.

— А что это у вас? — участковый был якут, или бурят, или ещё кто-то с севера. Лицо каменное, ничего не понятно. Я спокойно обернулся. Пошарил глазами. Повернулся к нему опять, вопросительно подняв бровь. Пробделся как следует, я еще до того, как открыл дверь. Но пока наводил порядок, успокоился. В глазок то я увидел, что это участковый. Он мне даже корочку сунул посмотреть. Я честно сказал, что не одет и попросил подождать минуту. Вот и отпустило, уже когда чемодан в угол катил — тяжелый физический труд успокаивает. Я ведь человек законопослушный, участковых не боюсь. Вот если бы это были следователи или группа захвата... Короче, я успокоился и был даже немного веселый. Как бывает, когда выходишь со страшного аттракциона.

— А что это у вас стол такой чистый. Даже чашка не стоит. Вы не живете здесь?

— А, — отмахнулся я. — Да нет, друг приходил, в настолки играли.

— Что за друг? — тут же заинтересовался участковый.

— Какая разница. Или компанию ищите? Давайте у нас весело! Хотите, я вам скину группу в мессенджере, где настольщики компанию на игру ищут?

Я достал телефон, нашел группу и начал показывать фотоотчеты с цветным картоном. Конечно же, такая группа у меня была. Лицо у полицейского вытянулось и впервые проявились эмоции. Недоумение и... Снисхождение, что-ли? Я продолжал напирать:

— Нет? Точно? Ну, как хотите. Слушайте, а что случилось? — невзначай спросил я, не забывая совать ему под нос телефон.

— В соседнем подвале два трупа нашли, — сказал он и цепко впился взглядом черных глаз мне в лицо поверх телефона. Я искренне ужаснулся. И предположил:

— Бомжи?

— Нет, — коротко ответил участковый. Блин он же назвал свое имя. Жанибек? Женибек? Нет, там вообще не было “бека”... — Не знаете об это ничего?

— Да нет, — хмыкнул я. — Откуда?

И тут я вспомнил, откуда я мог знать про два трупа. Та встреча, когда я “затененный” возвращался домой ночью. После первого путешествия в портал. Все как в тумане... Вернее, как в тенях. Мда. Вот же гад полированный, напомнил. А я уже почти забыл про тот случай. Хотя я тут не причем, это все Кенни. Кенни сука, кидается на всех, что я могу поделывать...

И именно в этот момент в санузле что-то ударило в ванну. Гулко. Громко.

— Что это? — спросил участковый. Фамилию я его не вспомню, даже если меня пытаться будут. И даже если он её повторит, все равно не смогу воспроизвести с первого раза. Лицо у участкового снова было спокойное и ничего не выражающее.

— А вот давайте и посмотрим! — решительно сказал я. И полез в сан узел. Предварительно дав могучего мысленно пинка Кенни, от которого тот вылетел в трубу. В вентиляционную. Я включил свет и распахнул дверь. Осторожно оглядел санузел. Зашел. Спрятаться в ванне было негде, все мои нехитрые банные принадлежности стояли на стиральной машинке. Кроме неё, ванны и унитаза, была еще раковина, на тонкой фарфоровой “ноге”. Я посторонился, давая участковому возможность заглянуть внутрь.

— Как будто ванну кто-то пнул, — сказал он.

— Ага, — согласился я.

— Может у соседей? — спросил он.

— Да нет, — я немного устало присел на унитаз и пожаловался. — Это еще что. Вот один раз сплю я... Я тогда как раз матрас купил, обертка полиэтиленовая в углу лежит, поленился выкинуть. Ночью просыпаюсь от жуткого шума. Как будто кто-то с размаху двумя ногами на полиэтилен прыгнул. Сплю теперь с включенным светом.

Участковый впервые посмотрел на меня с человеческим выражением лица. Спросил осторожно:

— Думаете, это...

— Я человек рациональный. Скорее всего, просто полиэтилен ночью распрявился, или упал там, я ж не помню, как его поставил. А ванна может, кривая. Вот и повело её. Но я все равно, наверное, перееду.

— А куда? — тут же снова окаменел лицом участковый.

— Не знаю еще. Искать квартиру ещё только собираюсь, — вздохнул я.

— С городом определились? — тут же уточнил он.

— Не, зачем с городом. Тут же, в этом районе поищу. У меня работа рядом, — возмутился я.

— А почему сейчас не на работе? — снова спросил участковый. Он надоел уже вопросы задавать.

— Отгулы взял, к матери в деревню надо съездить. И хотел еще мебель купить. Но сейчас вот решил, что лучше другую квартиру поищу, — ответил я, честно глядя ему в глаза. — Ладно, я как раз выходить собирался. У вас все?

Участковый помялся, толком ничего не ответив. Разве что попрощался членораздельно и вышел за дверь. Я захватил пакет с мусором, оделся, обулся, и вышел, старательно игнорируя его внимательный взгляд в спину. Участковый стоял у двери соседей и не торопился стучать. Данные он мои записал, но я не парился. Я человек честный, мне бояться нечего.

Мысленно велел Кенни сторожить квартиру, я отправился за покупками.

Против ожидания, я потратил на это не так уж много времени. Просто зашел в ближайший торговый центр, нашел там бутик с одеждой. Выбрал себе костюм. В нагрузку к

нему мне симпатичная продавщица накидала всякое барахло вроде перчаток, шарфов, ремней. Галстуки я напрочь отказался брать. Пусть вон, шеф, с ними мается. Он всегда в галстуках ходит. Посмотрев на себя в зеркало, я остался доволен. Не то, чтобы я почувствовал себя человеком. Нет, просто вырядился, как на праздник. Увидел бы знакомого в таком прикиде, спросил бы, куда он собрался — на свадьбу или поминки?

Вышло не так дорого. Мне еще и скидку сделали. Однажды я слышал выражение, “Богатым все достается дешевле”. Никогда не думал, что это не поговорка, а буквальное правило.

Чтобы не выглядеть совсем уж официально, сходил и купил джинсы. С кроссовками. Кроссовки и джинсы купил в бутике с претензией, и те и те стоили сравнимо с костюмом. Но я мог себе позволить. Переоделся прямо там, выкинув свои старые стоптанные ботинки.

А вот с квартирой оказалось все куда сложнее. В два часа дня раздался звонок от Вячика.

— Что делаешь? — спросил он.

— Квартиру ищу. Пока только одну съездил посмотреть, но мне не понравилось.

Вячик хохотнул:

— Ну удачи, — и отключился. И очень вовремя. Для него. Я планировал понять, что квартир нет нормальных.

Тем не менее, мои слова что готов “Сразу внести залог и готов платить чуть выше рынка”, привлекли ко мне риэлтеров. И к следующему созвону с Вячеславом, в девять часов вечера, я уже сидел в свежеснятой трехкомнатной квартире и разглядывал разновысокий потолок сложной формы с хитрой подсветкой. Квартира была в соседнем подъезде от Вячика. Мне впарили еще и парковочное место. Я не стал отказываться. Пусть будет.

На телефоне сработал будильник. Без минуты девять. Я набрал Вячика.

— А я квартиру снял, — поделился я с ним новостью. Странно, ведь квартира шикарная, а радости особой не было. — Шикарная хата, получше твоей.

— Молодец, — небрежно отозвался Вячик. — Подъезжай к своей старой работе.

— Зачем? — всполошился я. Даже голос у меня вдруг стал... Испуганный как будто.

— Я тут помещение купил. Подвальное. Под игротеку. Приезжай, посмотришь.

И отключился. Нет, с интригами на пустом месте он перегибает. Я вылез из удобного кожаного кресла, одернул пиджак. Пакет с покупками оставил в прихожей. Задумался, не переодеться ли в старые шмотки. Посмотрел на себя в ростовом зеркале на выходе из прихожей. Нет, хорошо выгляжу. Переодеваться не хотелось. Да ладно, если запачкаюсь, новое куплю.

Через пятнадцать минут я был на месте. Вячик встретил меня у главного входа. И вдохновенно вещал:

— Короче, название будет “Логово”. Игротека. Или нет, “Подемелье”! Блин точно. Вон там табличку повесим. Урвал, кстати, дешево. Там четыре помещения, под потолком трубы какие-то, воняет, капает.

— Тогда “Вонючее подземелье”, — предложил я.

— Сам себе купи, и называй хоть “Обосранной дырой”, — болезненно среагировал Вячик. — Короче, пошли покажу.

— Ну пошли, — вздохнул я. Возвращаться на работу не хотелось. Но мне и не пришлось. Достаточно было просто пройти через главный вход, мимо аквариума с охранником. И мимо широкой, парадной лестницы на верх. И дальше к маленькой лестнице в глубине, ведущий

вниз.

— Сергей! Подождите! — окликнул меня женский голос. Я обернулся. С парадной лестницы спускалась Полина в беленьком смешном пуховике и шапочке с кошачьими ушками.

Я замер.

— Кто это? — настороженно спросил Вячик.

— Коллега по работе, — ответил я.

— А ты говорил, все инженера страшные, — удивился он.

— Она архитектор, — машинально сказал я. И тут же возмутился. Не таки уж мы и страшные. Когда это я такое говорил? — Слушай ты иди, я тебя догоню.

— Дорогу не найдешь, — буркнул Вячеслав, но с неохотой пошел дальше по коридору.

— Здравствуйте, Сергей, — сказала Полина, когда наконец добралась до меня. Она реально торопилась, даже слегка запыхалась. — Извините, что я вас вот так дергаю. Я... Я просто... В общем, вы круто так себя повели вчера! Это было очень мужественно. Вот.

Вчера? Это было только вчера? Как будто три года прошло. Хотя, если по событиям считать... То и все пять лет.

— Я знаю, — сказал я, не подумав. И тут же смутился. Выглядело как-то слишком уж самоуверенно. Я понял, что опять смотрю на её брови. — Кстати, Полина, я давно хотел вам сказать. У вас красные брови! Охереть! Это смотрится странно, но мне очень нравится.

Она мило хихикнула. Как котенок. Ну, если бы котята умели хихикать, то наверняка вот так бы точно и хихикали.

— Да... Я знаю, — она еще и покраснела. — Это для фотосессии надо было, у меня подруга фотограф... Вы первый, кто вслух сказал. Кстати, Семен Александрович сказал, что обязательно вас вернет, потому что вы электрик хороший, каких поискать.

— Жаль подводить Семена Александровича, но я все же не вернусь, — мягко улыбнулся я.

— А почему вы тогда тут?

— У меня друг здесь офис арендовал. Или, даже купил. Хочет втянуть меня в свои сомнительные махинации, — честно сказал я.

Вдалеке раздался нетерпеливый кашель. Я глянул в ту сторону и увидел Вячеслава у поворота коридора, всем своим видом показывающим нетерпение. Разве что копытом не бил. Я повернулся обратно к Полине.

— Простите, обычно он куда тактичнее, но его можно понять. Дело всей жизни. Слушайте, давайте вы мне свой телефон дадите, я с вами созвонюсь. Сходим куда-нибудь, поедим вкусно и поболтаем?

— Да я не помню свой номер, — еще больше смутилась она. — Новый у меня.

— Тогда меня наберите, — я неторопливо продиктовал, пока она набирала в своем смартфоне. Дождались, пока прошел звонок. — Все, сейчас я вас запишу, как Полина. А почему номер новый?

— Сдуру выложила, куда не надо. Надоели звонить, — вздохнула она. — Пришлось менять. Зато, пока у меня красные брови, никто телефон не пытается выяснить. Удобно.

— Кроме меня, — хмыкнул я.

— Кроме тебя, — согласилась она. — Ой, ладно, мне пора уже!

И она сорвалась с места. Уже отбежав к самому выходу, она обернулась и крикнула:

— Сергей! Я же забыла сказать совсем! Я на ютуб выложила, как вы ругаетесь! Девять

тысяч просмотров! — она махнула рукой и скрылась за дверью. Вот сучка. Только хотел пожить спокойно. В тени.

— Серега, осторожно, не поскользнься, — прошипел Вячик из-за спины. Я недоуменно обернулся. Он объяснил: — Ты по колено в слюнях стоишь.

— Ты, главное, свои подбери! — разозлился я.

— Да я пытаюсь, пытаюсь! — замахал он руками. — Но ты видел, у неё шапочка с ушками! И брови красные! Сто пудов косплейерша!

— Пошли уже, — толкнул я его дальше по коридору. — Показывай, что ты там начудил.

Когда Вячеслав говорил про сырой подвал в котором трубы везде торчат, он не сильно сгустил краски. Недостаточно сильно.

— Слушай, это же какой-то бомжатник, — возмутился я.

— Ага. И находится хер знает где.

Тут он прав. Подвал был, по моим ощущениям, в середине здания, и в конце лабиринта из безликих коридоров с облупленными стенами и советскими деревянными дверьми.

— Зато урвал почти даром. Но пришлось купить. Нахрен надо, если вдруг аренду передумают брать. Я сказал, что беру сегодня, или у меня есть другой вариант.

— Да как до сюда добраться? Я заблудился, реально. Логово Минотавра, какое-то.

— Зато тут есть санузел! — Вячик гордо продемонстрировал угол в одной из комнат. Из стены торчал кран с жестяным ведром под ним. Рядом, на двух кирпичках, стоял советский унитаз, которым разбили не одну голову. Трещины и сколы фаянсового памятника брутальности вызывали уважение, как шрамы старого ветерана. Картину дополняла висящая лохмами изоляция и бетонные влажные стены.

— Ты купил не просто дыру, а анальный сфинктер, — «порадовался» я за друга.

Вячик, продолжая сиять от радости, схватил меня за плечо, приблизился к моему уху и горячо зашептал:

— Серега, ты не томи меня. Скажи, что я хочу услышать. Назови его в метрах.

Я брезгливо отодвинул его в сторону. Прошел по подвалу до самой дальней комнаты. Остановился перед стеной с ржавыми металлическими ящиками. Раздевалка тут была, видимо. И указал вперед.

— Двадцать метров. Может, чуть больше, — сказал я, закрыв глаза и прислушиваясь к своим ощущениям. — И на уровень ниже. Даже на два.

— Угадал я, значит, с местом, — выдохнул Вячик. — Ну вот. Осталось ремонт сделать.

— То есть, ты купил эту жесь, еще и ремонт собираешься сделать, чтобы было удобнее... В диэнди играть? — на всякий случай уточнил я.

— Не в моем возрасте в дома вламываться, чтобы по подвалам лазить. Еще проблем с ментами не хватало, — ответил Вячеслав. — А владельцы помещений могут приходить круглосуточно. Кстати. Деньжат на ремонт не подкинешь?

— Смету покажи сначала, — отмахнулся я и пошел к выходу.

— Подожди! Раз уж мы здесь... Может займемся... Темными делами? — и Вячеслав совершенно неприлично мне подмигнул.

— А давай! — сказал я. И начал раздеваться.

Снял я только верхнюю одежду.

— Стильно прикинулся, — похвалил Вячеслав мой новый look или как там это называется. — Но ты меня, кажется, не так понял. Я имел в виду пошли в диэнди поиграем. Нам же на улицу. Как ты через стену пройдешь?

— А вот как, — я кивнул на осторожно выползающего на свет Кенни. Вылез он из моего пуховика и выглядел, как всегда, кошмарно. Хорошая ткань, совсем свет не пропускает. Даже лучше, чем черный полиэтилен. Я знал, что он может как жидкость распластаться, но приклеиться к куртке изнутри, как вторая подкладка, это его идея. Что забавно, этот гад чернорожий, притаился так, что я даже его не заметил, когда куртку надевал. Я бы его заставил остаться и деньги сторожить. Кенни это понимал. Но он видать, как собака. Со мной гулять хотел. Я обнаружил его присутствие уже в такси, возвращаться было поздно. Ну, раз сам со мной увязался, пусть поработает.

Кенни медленно материализовался отлипая от курки и выпрастывая медленно формирующиеся конечности. А потом появилась раззявленная пасть, вокруг которой нарастала мерзкая рожа. Выглядело все максипально крипово, но я к его виду уже попривык. Вячик, кстати, тоже. Даже не взвизгнул. Так, всхлипнул сдавленно.

— Это плохо! А вдруг войдет кто? — возмутился он. Видимо, скрывая страх. — Я тут бабло рюкзаками выкидываю, чтобы не палиться! А ты своего чужого на людях гоняешь!

— Хорошо хоть не лысого, — хмыкнул я. — Ты же сам дверь запер. Прежде чем ко мне с пошлыми предложениями лезть. Извращенец.

— Не смешно, Серый! Ты что тупишь? Зачем вскрываться раньше времени? Ты бы его еще вместо шарфа носил!

Я поднял с пола пуховик и повесил в шкафчик. Внутри, вроде, шкафчик был не сильно ржавый. Схватил Вячика за руку, а второй ухватился за конечность Кенни. Кенни просочился в трещину на полу, потянув нас с собой.

— Ты что делаааааа...! — начал было возмущаться Вячеслав, но его возмущение плавно перешло в дикий, пронзительный, крик ужаса. Орать он не перестал и когда мы оказались этажом ниже. Кстати, нечего было так орать, я перехода почти не заметил.

— Не ори! — прикрикнул я. И Вячик послушно перестал орать, тут же, впрочем, начав материться. Я достал смартфон и включил фонарик. Вокруг были парты. Много парт. Мы стояли на свободном пятачке у стены. Видимо, тут был проход, оставленный теми, кто эти парты сюда приволок.

— Пошли, — сказал я и двинулся вперед, сверяясь со своим внутренним компасом. Впереди суетился Кенни, как будто в предвкушении.

— Ты не говорил, что так умеешь, — просипел Вячик за моей спиной. — Вот же срань...

— Говорил. Я же рассказывал, как первый раз в комнату для диэнди попал! — ответил я, повысив голос. Бесит, когда тебя не слушают.

— Да бля, хватит. Заладил диэнди, диэнди. Хуенди! Дебильное название! Другое придумай! — взорвался Вячик. А нервишки-то у него слабенские. Совсем не как когда он в образе леонида.

— Тебе надо, ты и придумывай. Так, сейчас направо, и там уже портал, — ровным голосом ответил я. Не хватало сейчас еще поссориться на ровном месте.

Нам все же пришлось убрать с дороги несколько парт, но дальше уже было все родное и знакомое. Дощечка, дыра в стене.

Мы вошли. Вползли, точнее. Вячик выудил из рюкзака зажигалки, но все свечи прогорели, пока нас не было. Хорошо еще, что пожара не было.

Вячеслав деловито подтащил поближе пару кресел. Проверил их на прочность. Одно подозрительно хрустнуло и он его забраковал. Своей нетерпеливой торопливостью он

напоминал наркомана. Я осторожно сел в кресло. Вроде держит. Я пошарился в кармане и поставил перед собой фигурку сиськастой воительницы.

— На удачу же, — объяснил я недоуменно посмотревшему на неё Вячику.

Мы уселись. Протянули руки и схватились за стол. Ничего не произошло.

— Ничего не про... — начал было говорить Вячик и все вокруг потемнело.

Глава 16. Что-то проясняется

Город горел. Высокие ступенчатые зиккураты были покрыты ухоженными садами. Сейчас они горели. Их подожгли сами защитники. Потому что захватчики использовали их как укрытие и оружие. Почему-то именно от вида пылающих садов, с таких трудом разбитых в темноте этих пещер, мне было особенно больно...

Или не мне? Я словно наблюдал со стороны. Нет, не со стороны. Изнутри. Это не было похоже на фильм. Действие раскалывалось на сотни и тысячи отдельных эпизодов. Решений. Движений. Я был одновременно в сотни мест и принимал десятки решений. Это сбивало с толку, дезориентировало. Моё, слишком человеческое, сознание отказывалось это обработать, поэтому мое внимание скакало с одного на другое.

Пылающая синим гиена, размером с трехэтажный дом крушит городские причалы. Вокруг неё множество человеко-гиен. Это не свита или охрана, это фанаты. Существо выбравшее себе образ гиены болезненно честолюбиво. И крайне кровожадно. По подводной реке от пылающих причалов отплыли последние корабли с беглецами и огромная гиена бросилась в воду с желанием догнать и убить всех.

И столкнулось с тем, что мир не может существовать без правил. И одно из правил — вода тушит огонь. Река кипит вокруг огромной огненной гиены, под своды пещеры бьет столб пара. Чудовище мечится, пытается повернуть к берегу, но поздно — на не нападают боевые корабли защитников города. Удары тяжелых метательных снарядов и жалобный вопль погибающего чудовища радуют мое сердце. Но эта победа на фоне многих поражений — на центральную площадь уже врываются черные фигуры тяжелой пехоты. Низкорослые солдаты с черным цветом кожи, с острыми каменными топорами и сделанными из костей доспехами и щитами...

Это странно. Почему у них доспехи из костей? Так, стоп. А что это за город? Кто защитники? И кто я?

Я будто начал просыпаться. Иногда бывает, снится тебе увлекательный сон. Просыпаешься весь в восторге. И уже через минуту забываешь о чем он был. И прямо сейчас у меня было очень похожее ощущение. Я старательно хватал и пытался удержать истаивающие воспоминания об увиденном. Потому что я знал, то что я видел — было не сном, а реальностью. Произошедшей очень давно.

Получалось плохо. Измученное сознание не справлялось. Я сдался и проснулся. Хотя, наоборот. Скорее уснул еще глубже. Открыл глаза и увидел вокруг помещение, которое просто не могло быть ничем иным, кроме как таверной. Я озадаченно осмотрелся. Озадаченно — потому что мне казалось, что я забыл что-то важное. Но я никак не мог вспомнить, что.

— А почему таверна?! — искренне удивился я. — В прошлый раз, вроде, нас сразу в подземелье швырнуло?

— Ну откуда я знаю? Сегодня вот так. И я тебя, кстати, тут уже очень долго жду. Куда ты отстаешь все время?! — не менее искренне возмущился Вячеслав. Он снова был львиноголовым воином. Но теперь на нем ярко блестела золотом бронза. Плоский, прямоугольный щиток на груди, на левом плече массивный наплечник, на руках вычурные наручи со сложным узором, на ногах, даже на вид тяжелые, высокие поножи с львиными мордами на щитках, прикрывающих колени. В руках длинный, двуручный топор. Топор

угловатый, утилитарный. Похожий на те, который рисуют в мультиках на пожарных щитах, даже топориче красное.

— Нифига себе, ты прикинул. Где взял обновку? — Снова удивился я.

— Пойдем покажу! — довольно ощерил он свои львиные клыки. Будем считать этот оскал улыбкой. Вот же у него здоровенные клыки, побольше моего указательного пальца. А у основания и потолще.

С прошлого раза таверна слегка изменилась. Чуть расширилась, появилось окно. Окно было большое, обзорное, но выходило на глухую стену из рваного, дикого камня. Ещё появились две массивные двери. Одна дверь, деревянная и обитая бронзовыми полосками, вела в подвал. А вторая, расположенная напротив барной стойки, украшенная затейливой резьбой, была из зеленого камня. Вячик повел меня в подвал. Мы спустились по лестнице, освещенной факелами. Факелы были зажаты в бронзовых держателях, выполненных в форме обнаженных дам. Просто удивительно уродливых дам. Треугольные бюсты и кирпичеподобные задницы еще можно было списать на стилизацию, но лица "красавиц" до жути напоминали Валуева. Очень злого Валуева. После трёхнедельной пьянки. Уснувшего лицом на решетке.

— Ручная работа, — постучал по бронзовой сиське держателя Вячик. — Сам делал. Ну, рисовал. Моделировал. Короче, моя работа. Каждый изгиб.

— То-то я думаю, что это они страшенькие такие, — покивал задумчиво я. В самом деле, угловатостью форм фигурки нагих факелоносих выбивались из общего простого, но изысканного стиля таверны. Вячик обиженно надулся. Засопел. Но промолчал. Мне стало стыдно. Человек старался, душу вкладывал, чтобы красиво было.

— Они прямо задают тон всему коридору, — попытался спасти ситуацию я.

Вячеслав промолчал. Я так и не придумал что еще сказать. Спустившись по лестнице, мы оказались на круглой площадке. Позади лестница, с трех сторон обрыв. И три рычага в рост человека. Похоже на старую изометрическую компьютерную РПГ. Концептуально похоже. Графон тут не хуже чем в реальной жизни. Вячеслав подошел к украшенным витыми бронзовыми элементами рычагам, показал на покрытое сложным орнаментом основание рычагов и сказал:

— Смотри, видишь финтифлюшки вон там? Вон сбоку, как будто бутончики? Ага, эти. Это деления. Попробуй перевести рычаг на одно из них, — приглашающе махнул когтистой лапой Вячик.

Я попробовал. Подошел к одному из рычагов. Не без труда разглядел деления в вычурной вязи сложного орнамента. "Финтифлюшки" представляли собой заключенные в хитрыми загогулины значки меча, топора, щита, доспеха, какой-то загогулины в загогулине и, кажется, корзины. Я с усилием перевел рычаг в положение "меч". Раздался грохот и гул, из темноты выехала платформа. Прилетела как самолет и резко остановилась у самого края площадки, напрочь игнорирую всякую мелочь вроде инерции. Сделала платформа все это быстро и страшно. Я аж подпрыгнул.

— Жесть какая-то. Я думал это поезд, — поделился я впечатлениями с Вячиком.

— Да у меня у самого шерсть встала. На посмотри! — Вячик протянул мне лапы, но он резко распушился сразу весь и целиком. — Это я что-то не продумал. Надо замедлить её.

— И инерции добавь. А то как нарисованная! — добавил я.

— Может, сам сделаешь? — начал терять терпение этот взъерошенный кот. — А то, раз у меня не получается, покажешь как надо?

— Ладно, ладно, — замахал я на него руками. — Намек понял, не дурак. Дурак бы не понял.

И я начал демонстративно рассматривать так напугавшую меня платформу. Не очень большая, но длинная. И вся заполненная стойками для оружия. Вячик довольно выпятил бронзовый щиток на груди. И сказал:

— Вообще-то, я в матрице идею подсмотрел. Но также круто не получилось. Получилось только вот так. Но тоже же круто?

— Круто, — согласился я. И шагнул на платформу. — А что полки пустые?

— Так надо создать, чем их заполнить. А я и так тут 3D моделистом скоро стану. Это ты ещё сегодня быстро, сравнительно. Я успел только арсенал к таверне пристроить. И светильники развесить.

— А топор? — подозрительно прищурился я на грубый колун в его руках.

— Местный. Сам посмотри. Тут по умолчанию кое-что есть.

На длинных, уходящих в бесконечность стойках, сиротливо висели два меча. Один точно такой же как тот, с которым появился Вячеслав в первый раз.

— Мой меч не бери. Я его неумеючи делал. Видишь, он примерно одинаковый по всей длине, только к концу острие сужатся. Им жёсть, как неудобно махать. Хорошо у меня в этом скине силы километр.

Я все же попробовал. Ну да, меч был неудобный. Рукоять неудобная, центр тяжести сильно смещен к середине клинка. Как будто арматуру за самый конец держишь. Ещё и махать им? Нет, спасибо. Я поставил меч обратно. И взял второй. Вячеслав с недоумением сказал:

— А вот этот уже тут был. Нейросеть как будто поняла, для чего это все. Доспехов она вообще много сама нагенерила. И этот вот меченок, тоже уже был, странный правда.

— Не нагенерила, — сказал я. — Это цвергский меч. Они меня им пару раз проткнули.

"Меч" по размером больше на кинжал похож. Однако, как я хорошо помню, на меня его длинны хватило. Я взмахнул на пробу этой опасной финкой. Рубить было почти так же неудобно, как и мечом Вячеслава, а вот колоть... Колоть получалось легко и приятно. Вячеслав тем временем проникся историей этого занимательного экспоната.

— А, да, ты же рассказывал. Вот прямо им? Точб в точь таким же? И что, прям совсем проткнули? Спереди и сзади? Фууу... Сочувствую. Слушай, что реально насквозь или приврал. Ладно, ладно... Так, стоп. А как он сюда попал? Нейросетка, значит, скопировала? — вокруг нас происходило... Какой-то диснеевский мультфильм. А Вячеслав отчаянно ищет причинно-следственные связи.

Защитная реакция. Кажется, что если понять, то можно использовать. Иллюзия контроля.

— Скорее всего, — подыграл я ему. — даже наверняка. А где ножны? Мне его что, в руках таскать?

— Это другое деление на рычаге, — засуетился Вячик. — Вот эту штуку видишь?

— Все херня, переделывай! — отчего-то разозлился я. — Как ты себе представляешь, ножны в одном месте, меч в другом? Я им махать буду, может секунд пятнадцать перед смертью! А таскать его надо будет для этого года три! Там же целая сбруя, для удобства ношения должна быть! Вот что важно примерить!

— Хм... Выйди, — сказал Вячеслав. Я сошел с платформы обратно на площадку с рычагами. Он дернул рычаг и приехала платформа с обмундированием. Рюкзаки, фляги,

огниво — эта платформа даже пугала своим многообразием. Многоярусные стеллажи уходили вдаль и, насколько мне хватало взгляда, все были заполнены.

Я вышел на платформу. Посмотрел на львиные клыки Вячика. И не стал материться. А спокойным тоном уточнил у львиного рожего:

— Как в матрице, говоришь? — Вячик довольно кивнул. Либо я сказал это слишком спокойным тоном, либо надо потренироваться в сарказме.

Тем не менее, надо было что-то решать. Идти несколько километров вдоль полок, как в мегаогромном торговом центре, за одними конкретными ножнами. схватился за шкаф и с силой крутанул его. По идее, ничего не должно было произойти, но я кажется уже начинал понимать, как тут все работает. Шкаф поехал как карусель, полки мелькали мимо меня, пока не показали ножны.

— Надо платформы круглые сделать, точно же. Чтобы крутить можно было! — восторженно сказал Вячик. — Но я тут все менять могу, только когда тебя нет.

— Да хватит уже оправдываться. Я уже понял, что я во всем виноват, — отмахнулся я, подбирая ножны. Остановился на португее, перехватывающей грудь. Меч в ней висел почти на груди, как фотоаппарат у папарацци. Но мне так было удобно.

— Ты скажи, почему в тавняке позже меня появляешься, — угрюмо пробурчал Вячик.

— Тавняке? — не сразу понял я, занятый выбором ремней.

— Таверне, — поправился львиноголовый.

— Я не помню, Вячь. Как только появляюсь, смутные обрывки еще есть в голове, но не могу их запомнить. Вроде бы я был в городе. Это был мой город. В смысле принадлежал мне, полностью. Как в компьютерной стратегии. И на него напали. Я отбивался, но проиграл. Что-то такое, — сбивчиво попытался объяснить я свои обрывки воспоминаний.

Вячеслав начал задавать вопросы. Я честно пытался отвечать. Но не смог. Каша в голове. Ни одного стройного образа.

— Ты в таверне ничего странного не заметил? — вдруг спросил Вячик, через пару минут бесполезных расспросов о моем местопребывании до таверны. Я всё ещё снаряжался. Доставал заплечные мешки, огниво, веревки с кошкой, фляги. Сразу на двоих. И бросал их к ногам львиноголового друга. Все они были узнаваемы — точно такими я пользовался в походе с Ликастой, Харом и Гульнуном. По каким-то причинам их идеально точными копиями полки были забиты на десятки метров. Я остановился немного подумал.

— Пиво безвкусное. И не пьянит, — задумчиво сказал я. Сошел с платформы и перевел рычаг на броню. — Ну дверь каменная еще появилась. Одна деревянная, мы через неё сюда пришли. Что за второй, я думаю, ты мне и сам покажешь.

— Покажу, конечно, — не стал отпираться львиноголовый Вячислав. — Но я не об этом. Двери, стойка барная, это всё то, что я сам придумал. Я в первый раз, когда перенёсся, то сначала просто попал в пустоту. Обосрался знатно. В ментальном смысле. Кажется, начал сходить с ума. Темно, без звуков, без цвета...

Вячик замолк и замер, смотря в сторону. Потом с рычанием встряхнулся, передернул могучими плечами. И продолжил:

— И тут вдруг я понял, что если сосредоточенно что-то представить, оно появится. Вообще все с унитаза началось, но не суть. А потом я замаялся, каждый сантиметр всего этого представлять.

— Сколько же ты там был один, в первый раз? — ужаснулся я.

— Я же говорю, вечность! Так вот, я замаялся. Ну и сказал, типа, а дальше сделай, как

сам хочешь, — и Вячик снова замолчал.

— И? — не выдержал я.

— И ты не заметил, что тавняк вообще ни на что человеческое не похож? Лежанки низкие, на уровне щиколотки. Столы из бревнышек. Там где доски — древесина рваная, как будто стволы раскололи, тупой подравняли и воском натерли, чтобы заноз не было. Рубанка нейросеть не знает. Зато много камня. И камни в стенах слишком здоровые. Как такие ворочать? Кладка полигональная, как в Мачу-Пикчу или где там. А кружки вообще с такой ручкой, что я никак взять их не мог. А ты, когда пришел, хапнул ловко, как будто всю жизнь из таких только и пил.

— И ты думаешь, что... — протянул я вслух и потянул рычаг, переставляя его на доспехи. На доспехах тоже был богатый выбор. Помимо той красоты, в которую оделся Вячеслав, тут я нашел броню, которую мне дал Хар. Даже следы от зубов на месте.

— Я не знаю, что и думать, — вздохнул Вячик. — Это меня раздражает. Ненавижу, когда правил не понимаешь.

— Тут есть копии вещей, которые контактировали со мной. Если что-то поерзало как следует о нашу теневую форму, становится доступно тут, — “объяснил” я.

Шлема не было. Я одел, уже почти родную, кожаную недопрокушенную броню. Поверх неё нацепил меч и почувствовал себя увереннее. И продолжил сою мысль:

— Дело не в нейросети. Просто тут есть что-то похожее. Отдаленно. Тоже не вполне разумное. Мне оно пытается что-то рассказать, но я туплю. А с тобой играет. Но ты смог это нам на пользу обратить. Надо еще добавить булавы и топоры, кстати, — раздал ценные указания я.

— В следующий раз сделаю, — кивнул Вячик. — Но что оно хочет?

“Не знаю” хотел было ответить я, и вдруг понял, что это неправда.

— Чтобы мы вернули его к жизни, — удивленно сказал я. И продолжил рассказывать, сам себе не переставая удивляться, откуда я это знаю. — Нам надо найти его тело и переместить в золотой саркофаг. Потом найти семь недостающих частей, положить туда же. И он оживет. Не сразу. Но однажды оживет. И щедро нас вознаградит. Он уже вознаграждает, делясь своей... Кусками себя? Кровью? Короче, мы там, за порталом, из него сделаны.

— Фууу... — Отшатнулся Вячеслав, обнажив клыки в гримасе отвращения. Но это была секундная слабость. Гримасу отвращения немедленно сменила любопытная мордаха. — А хотя... Слушай, а ведь все начало проясняться. Фууух... Наконец-то простой, понятный, основной сюжетный квест. Как же мне его не хватало! Где взять золото? Ладно, хрен с ним, с золотом, в общем понятно. Где запчасти? Ну, от этого, которого в саркофаг надо!

На львиной роже реально проступила уверенность. Вячик снова вернулся в понятный ему мир.

— Тело найдем, на остальное оно нам укажет. А где тело? А тело тут. В смысле там, где мы появляемся, в разрушенном городе. Спрятано где-то вверху. Я на месте ориентируюсь.

— Все тогда, погнались! — заторопился Вячеслав.

Ну, погнать то мы, погнались. Но не прям сразу. Пришлось для этого вернуться обратно в таверну и выйти в другую дверь. За ней была короткая аллея с огромными статуями меня и Вячика по бокам. Причем, несмотря на пафосные позы и одинаковые солидные размеры метров в пять высоты, статуи производили сильно разное впечатление. Я был в своем потертом пуховике, кроссовках и с ручкой в руке, а Вячик в виде леонида и с огромным

топором в руках. Между статуй лежали покрытые узорами каменные плиты, вместе составляющие дорожку к виднеющемуся впереди сияющему эллипсу портала.

— Это просто штукавина красивая, для антуража, — пояснил Вячик и заторопился к portalу. — Ща как к нему подойдем, тогда нас и запускай. Будет как будто мы через портал ушли.

— Ну ты затейник... — сказал я. И зашагал к portalу вслед за ним.

Глава 17. Ролевые игры

Мне казалось я представляю как двигаться по потенциально опасной и даже враждебной территории. Ведь я не один раз видел, как это делается в фильмах. Пару раз случалось и самому пробираться поздно вечером по опасным районам. У нас в городе с такими районами, которые не в порядке, было все все в порядке. Конечно, пьяные и агрессивные граждане с ножами и битами не сравнятся с выводком пауков переростков. Существа в спортинках куда страшнее всяких членистоногих. Да и я тут ведь не просто так, а в бронежилете и с собой у меня меч. И чуток льва. Чувствовал себя довольно спокойно. И уверенно. И это было немного странно.

У меня было пара неприятных моментов в биографии и я знал — в отличии от фильмов, в жизни страшные и полные напряжения моменты выглядят совсем не пафосно. Только внутри напряжение и страх просто зашкаливают, никакому экранному саспенсу не сравниться. Аж тупеешь. Я не склонен к преувеличению собственных способностей. Поэтому понимал — моя спокойная уверенность явно не моя. Похоже, это прямо таки глубинное психологическое изменение. Подозрительная побочка от переноса в этот мир.

Итак, пройдя декорацию созданную скупающим Вячиком, мы вернулись тронный зал. Ну а что это еще могло быть? Вот трон, он в зале. Уже почти привычным построением — львиномордый Вячеслав впереди, я позади, мы двинулись на выход. Мы настолько освоились, что даже дружески помахали клубящимся по углам теневикам. У входа Вячик притормозил:

— Страхолюдину свою вперед пошли, пусть осмотрится. Как там её? Ксения?

— Кузя! — обиженно позвал я. Обиженно, потому что обиделся за Кузю. Как его можно было перепутать с Ксенией? Впрочем, я и сам не был уверен, что он точно Кузя.

Кузя или не Кузя, но чудище бывшее с нами в первый раз, явилось из каких-то дальних, черных дыр на мой зов. Оно стало заметно гуще и крупнее насосавшись у пауков (как бы это не звучало) но особой радости по поводу моего появления не показало. Впрочем, на разведку отправилось беспрекословно.

Первое, что мы сделали, это осмотрели место своей прошлой гибели. С удивлением обнаружив там... Свои кости.

Несколько, как кислотой истонченных, обломков крупных костей и два черепа. Один, на вид обычный человеческий — мой. Один, с зубищами — Вячика. Кости, не считая зубов, были непроглядно черного цвета.

— У тебя череп, как у мопса, — поделился я своими ценными наблюдениями с Вячиком.

— А у тебя, как у обезьяны, — не остался он в долгу и схватил мою черепушку в свою лапу. В смысле не тот, который сейчас во мне, а тот, который на полу подземелья валялся. Череп казался в его когтистой лапе маленьким, почти игрушечным. Вячик задумчиво сморщил морду, топорща усы, начал демонстративно сравнивать в своей руке череп с моим лицом. Я хмыкнул. Сейчас начнутся тупые шутки. Ставлю сто рублей на монолог из Шекспира, про бедного Юрика.

— Сергей, — драматическим, дрожащим от напряжения голосом начал говорить Вячеслав. Львиные пустые глаза испуганно расширены, клыки обнажены в оскале.

— Ты знал этого парня? — перебил его я. Я не помню, как там у Шекспира было, но

вроде так.

— А? Что? Серега! — растерянно и испуганно зарычал Вячеслав. Именно зарычал. И именно, что испуганно.

— Да что ты орешь? — я тоже заволновался, сейчас на этот рык сюда сбегутся... Даже думать не хочу, кто сюда может сбежаться.

— Серега! — совсем уж неподобающе зверюге его вида заорал Вячик. Почти завизжал. — Эта херь ко мне прилипла!

И он начал остервенело трясти ластой. Лапой в смысле. В которой череп. Череп держался как влитой.

— Обожди, дай сюда, я дерну! — я тоже схватился за “свой череп”. Очень зря. Секунда, другая, и я намертво влип. Всю третью секунду мы испуганно смотрели друг на друга. Выглядели, наверно, как экозоошизы, решившие приклеить себя к произведению искусства, но приклеившиеся к тюбику с клеем. Потом синхронно заорали, попытались разорвать контакт с черной костью. Я дергал в одну сторону, Вячеслав, тряся гривой и рыча, в другую. Он реально массой больше, поэтому со стороны происходящее, должно быть выглядело, как будто леонид размахивает человеком. Как флажком. По крайней мере, судя по моим самоощущениям, я трепыхался как футболка на ветру.

— Стой, стоять! Не дергайся! — заорал я, когда Вячеслав в порыве страсти едва не скинул меня с обрыва. Технически, он и скинул — подошвы моих ботинок мелькнули над пропастью. — Успокойся!

Вячик затих. Я присмотрелся к черепу. Он оплыл, истаял, уменьшился в размерах, как будто был сделан из снега.

— Он тает?! — поразился Вячеслав.

— Нет, он втягивается. В нас, — ответил я.

Следующую минуту мы пораженно наблюдали, как медленно, но верно, черная субстанция перетекает внутрь наших рук. Становясь частью тела и одежды. Это бы могло напомнить жидкого терминатора из одноименных фильмов, если бы не было так медленно. Зато, через минуту я смог отлипнуть. И немедленно подхватил с пола череп Вячеслава. И сунул его за пазуху, пока не успел прилипнуть к нему руками.

Пусть там впитывается. Мне показалось важным, чтобы его вернуть внутрь себя. А в последнее время я старался прислушиваться к своим ощущениям.

— А, ну логично. Ты же говорил, что нас из божественной сущности ваяют. Нехер ей разбрасываться. Слушай, тогда выходит, нам бы потом обратно к порталу возвращаться. А не разбазаривать ценный ресурс, — немедленно включился хомяк во льве.

— Пошли логово поищем, — перебил я его.

— Чье логово? — насторожился Вячеслав.

— Пауков, чье еще? — махнул я рукой вверх. Где-то там, на уровень выше нас, уже шарился Кузя, ища подъем.

— Зачем это? Ты не забыл, в прошлый раз наша с ними встреча кончилась респаном, — засомневался львиномордый Вячик. Но я знал что у него сердце льва и душа хомяка. Поэтому обратился на прямую к последней.

— Надо обшмонать. Это ж стайные животные, хоть и пауки. У них инстинкты, все унести к себе и паутиной обмотать. Может у них там что-то ценное в коконах. Да наверняка. Лут, Вячик, лут надо собрать! — сказал я, едва сдержавшись, чтобы не добавить "Взять, взять!".

— Откуда такая уверенность? — всё же засомневался в моих словах Вячеслав. — Передачу про них с Дроздовым в детстве смотрел, или что?

— Где их трупы? Мы ведь их много накромсали? — обвёл я руками пространство вокруг себя.

— А где наши? — резонно ответил Вячеслав.

— Мы несъедобные, а они да. И вообще, критикуешь, предлагай! Тем более, нам все равно на верх.

Вячеслав еще недовольно порычал для вида, но уже через пару минут мы поднимались вверх по слегка осыпавшейся насыпи за углом. Похоже, кусок потолка упал сверху и покатился вниз, слегка кромсая каждый уровень пирамиды. То, что мы находимся в пирамиде, я начал понимать только сейчас. Она была слишком большая, и находясь на ней, воспринималась как кусок ландшафта.

— Нам туда, — уверенно показал я нужное направление.

— Откуда ты знаешь? — возмутился Вячеслав. — Тут кругом щебенка. А где не щебенка, камень.

— Смотри, — я присел на корточки. — Вот видишь, тут явный след. Что-то протащили. Вот там ямки и царапины на камне. Почти не видно, но если вот так, под углом посмотреть... Это могут быть только лапки паука. По меньшей мере один, протащил что-то в ту сторону. Ещё вопросы?

— Веди нас Сусанин, веди нас герой, — вздохнул Вячеслав. Снял свой топор с крюка на спине и взял его в руки.

Следующие пять минут мы крались, вздрагивая от каждого шороха осыпавшихся камней, и подозрительных отдаленных шумов на грани слышимости. По дороге нам попала свечящаяся фиолетовым мохнатая моль, с размахом крыльев сантиметров в двадцать.

— Эх, такого бы мотыля, и на рыбалку... — задумчиво проводил её взглядом Вячеслав. — Ух ты, зыр какие мухоморы.

Нам начала попадаться местная флора. В основном представленная огромными грибами, издающим зеленоватое сияние мхом и похожими на водоросли наростами на камнях. Склизкое и тинной воняет. Вячик пялился на все это раскрыв пасть. Изредка останавливался, и тыкал топором в нечто особенно любопытное. Мне было не до этого. В отличие от львиноголового, я либо был внимательнее, либо лучше видел в темноте. И поэтому от меня не укрылись тонкие сигнальные нити паутины, протянутые по земле. И их становилось все больше и больше. С одной стороны, это было хорошо, ведь значило что мы идем в нужном направлении. С другой — не хотелось давать о себе знать раньше времени.

— Осторожно, тут паутина, — начал говорить я, и демонстративно переступал едва заметную, полупрозрачную нить. Она была не толще волоса, но в моём зрении она была очень яркой, белой полосой. Вячеслав послушно и без вопросов повторял за мной. Скорость движения снизилась. Мы были уже рядом с нашей целью. Чуть впереди показалось то, что я вначале принял за каменный завал. Но сейчас, подойдя поближе, я понял, что это руины. Руины поверх руин. Когда-то давно, тут кто-то пытался построить крепость. А кто-то потом, с куда большим успехом, её разрушил. Не оставив целой не одной стены выше пояса. Мы взобрались на остатки внешней стены, сложенный из некрупных, плохо обработанных камней. И увидели впереди нору. В земле. С горкой камней вокруг. Вся оплетенная паутиной. Точь в точь нора тарантула. Ели бы тарантул был размером с легковушку.

— Что-то она большая чересчур. Я не чувствую в себе достаточно мужества... — начал было бляеть лев, но я его тут же оборвал:

— Не ссы! Главное не размер, а умение!

— Да какое умение? Ты посмотри на диаметр! Да я туда могу целиком впрыгнуть! — не сдавался Вячеслав.

— Ты же сам хотел приключений? — ехидно ответил я. — Ладно, есть у меня одна задумка. Прикрой меня.

— В смысле "прикрой"? Я что тебе, зонтик? Или мне топор как автомат взять и вот так "пах-пах", делать? — продолжал недовольно рычать за спиной Вячеслав, но я уже не обращал внимания. Спекся лёва. Может, немного устал от нервного напряжения — в прошлый раз его сильно пауки покусали. Да и вообще, сами по себе пауки — отвратный противник. Бррр, фууу, гадость же...

Я подобрался поближе к зеву норы, снял с пояса огниво и несколько раз ударил им по мечу, высекая искру. Уже после первого глухого "бумк" вместо звонкого и веселого "дзинг", я понял, что ничего не получится. Огниво было сделано из той же теневой субстанции, что и мы сами. И, несмотря на всю волшебность, искру не давало. Я прилежно попробовал еще пару раз, просто чтобы убедиться. Кузя, тем временем бесстрашно влезший в нору, зафиксировал в ней движение — разумеется, сейчас я уже и не пытался обойти сигнальные нити.

Я с досадой отбросил огниво, и едва успел выхватить меч, прежде чем в норе показался паук. Он не кинулся сразу, присматриваясь к тому, что там сидит рядом с его домиком. Он был один. Зато здоровый. Не как машина, но, думаю, размером с письменный стол, точно.

Я сделал осторожный шаг назад. Не выходя из позы "в полуприседе". В мозгу пронеслась холодная мысль "завтра икры будут болеть, как после ста приседаний". Всякая дичь в такие моменты в голову лезет. Страх был, но он был не такой оглушающий, заставляющий раздуваться ноздри, биться сердце и сужающий зрение, как в жизни. Тут страх был яркий, но не путающий мысли. Как будто в настольной игре ты увидел, как противник может тебя победить. И теперь надо успеть защититься, до того, как он тоже поймет, что ему надо делать. Больше похоже на азарт.

Я сделал еще один шагок назад. И тут же еще один. Хотелось немного отступить от норы, но мне мешал бруствер из камней вокруг. Неудобно. Это было ошибка. Паук почуял, что я удаляюсь и у него сработал инстинкт на то, чтобы схватить удирающую добычу. И тогда он вылез из норы, на секунду застыл, растопырив лапища. И кинулся прямо на меня.

Глава 18. Для взрослых

Хладнокровие, расчет, внимание к деталям, ловкость ног — вот три моих вторых имени. То есть четыре. Словосочетания за имя считаются? Эммм... Неважно. Помню, однажды, с коллегой выпили после работы пару бутылок пива. Это ещё летом было. Сидели на лавочке, поздно вечером. У него на районе, слегка на окраине города. И до нас докопались какие-то местные мужики. Колоритные такие типажи. Еще помнящие былую славу, но уже увереннодвигающиеся навстречу дну. Может уже алкаши, может ещё на пути к этой ачивке. А может, просто, пребывали в недельном запое. Позже мы вычислили, что они просто хотели попросить денег на опохмел.

Но начали они выдвигать свои пожелание в громкой, резкой и нецензурной форме. А мы и сами не очень трезвые. Короче, драться мы начали еще до того, как я успел испугаться. И иногда с восторгом вспоминал ту драку. Четкость мыслей и движений, уверенные действия. Ух, аж подраться захотелось. Раскидал я тогда двоих, пока коллега мурыжил третьего. Жалко, в Москву уехал, классный был парень. Коллега, не алкаш.

Я позже для себя так решил, что это у меня от компьютерных игр. Привычка к быстрому анализу опасности и хладнокровной реакции на неё. Ну, знаете, испуг геймера: “Ай, мля!” и очередь на весь рожок в страшную сторону, перезарядился, еще одна очередь, осветил фонариком.

Вот и сейчас, я хладнокровно смотрю в глаза сучары-паучары. Морда его напоминает мне лося. Только без рог. И ещё массивные жвалы с кривыми ядовитыми клыками на концах. Короче, прямо перепутать можно. Со спины. В темноте. Мельком если увидеть. Спереди не спутать — шесть здоровенных, как кофейные блюда, глаз-плошек немигающие пырились прямо в душу, как у проклятой куклы в фильме ужасов.

И тут как оно кинется на меня! Паук, не кукла. Если бы кукла, как в том ужастике, я бы обосрался. Паук, конечно, тоже мерзкий. И воняет от него, как из сломавшейся и разморозившейся холодильной камеры холодильника. Но все равно, не хватает ему хтони потусторонней. Слишком на живого похож, сейчас дизайнеры в играх куда круче монстров рисуют.

Ну кинулся, и кинулся, чего бухтеть. Я даже не буду говорить, что он кинулся быстро. Однажды мы как-то с борцом дурачились, так он проход в ноги куда быстрее делал. И то я успевал среагировать. Так что я успел выставить меч, для верности схватив его рукоять двумя руками, и принять паукана на самое острие. Согнул ноги, гася инерцию и опуская центр тяжести. Очень похоже, как в американском футболе ловят мяч на уровне живота. Я даже хекнул от натуги.

К моему удивлению, меч голову паукана не пробил. Ну как, не пробил. Не насквозь, как я, почему-то, ожидал. Так, вошел на пол шишечки. Вернее, сантиметров на пять. Паукана это только раззадорило. Он пер на меня, царапая землю шестью лапами с когтями, а две передних поднял. Я навалился всем телом на меч, одновременно наклоняясь вперед. Почти прижимаясь лицом к мерзко воняющей шкуре. Серой в моем ночном зрении. Длинные и твердые волоски царапали щеку. Зато передние лапы паука бестолково молотили мне по плечам, не задевая длинными когтями.

Меч начал гнуться.

— Аaaa, кууурва! — раздался низкий рык рядом и на хребет паукана опустился топор.

Мне в лицо брызнуло чем-то гадким. Паукана это проняло. Он дал заднюю, явно желая вернуться обратно в нору.

— Да ещё раз! — содрогнул горы басовитый рык Вячеслава и он царственно, размахнувшись от жопы, ударил топором снова. Почему царственно? Наверно, из-за львиной рожи. С ней все выглядит куда презентабельней.

Паукан, от такого жизненного поворота, рухнул на землю и засучил лапками. Подпрыгнул. Я думал это последний бросок, и ловко отскочил в сторону, выпустив меч из рук. Но паукан просто перевернулся на спину. Еще минутку мы с Вячиком потратили на тяжелое дыхание в стиле Дарта Вейдера и наблюдением за агонией восьмилапого бедолаги. В конце он сложил лапки, став похож на сухой бутон огромного цветка. Теперь я видел, что он сильно меньше, чем мне показалось вначале. Но все ещё заметно крупнее тех, которые встретились нам в прошлый раз

— Я уже думал, что ты обосрался и убежал, — прошипел я Вячику. — А ты просто тупил стоял?

— Да я почти сразу подскочил! — возмутился львиноморый. Учитывая, что он басовито рычал, его возмущение можно было спутать с угрозой. Но я тоже был на взводе.

— Да он меня полфутбольного поля протащил! — показал я обоими руками на взрыленный грунт. И потряс ими, подчеркивая претензии. На самом деле метра полтора. Но это, знаете ли, относительно. Вы на жвалы его посмотрите.

— Да ты нормально и так справлялся, — отмахнулся Вячик. — Я же видел, насадил его и кряхтел. Выглядело так, что ты и сам уже вот-вот кончишь.

Я сощурился. И демонстративно, осуждающе покачал головой. Сказал, подчеркнуто холодным тоном:

— Вы гривастый извращенец, Вячеслав.

— В смысле, его кончишь! — засуетился оправдываться он.

— Хватит двусмысленностей! — перебил я его. — Сунь свою палку в дыру и пошеруди там!

— Хватит так хватит, — Вячик послушно сунул топориче в нору и постучал по стенкам. Мы замерли. На границе моего сознания объявился Кузя и доложил, что впереди больше нет никого крупного.

Я сообщил об этом Вячику, попутно пытаюсь вырвать из паукана свой меч. Тот застрял сильно, пришлось расшатывать. Не помогло. Тогда я начал его проворачивать. Не сразу, но я вернул себе оружие. Теперь мой меч был хитро изогнут.

— Если ещё немного повернуть, это будет штопор. Штопоромеч, — хмыкнул Вячик, разглядывая вместе со мной последствия схватки для моего оружия.

— Чему ты радуешься? Ведь это тебе теперь вперед идти, — стер я улыбку с его морды.

— У меня тоже все погнулось! — Вячик продемонстрировал топор. И в самом деле, топориче стало изогнутым. Но терпимо изогнутым.

— На вид даже эргономично. Иди вперед! Seriously, пока на твой рык сюда не прибежал кто-то большой и любопытный, поторопил я Вячика.

Мы полезли в нору. Оставалось надеяться, что мой меч скоро вернет свою форму. Остаться совсем без оружия, в этом странном месте, мне очень не хотелось.

Нора оказалась узкой и неудобной. Зато приятной — из-за толстой паутины, шелковой на ощупь. Все мелкие и мерзкие клочки собирал себе на гриву ползущий впереди Вячеслав, поэтому мне оставалось только наслаждаться путешествием. Видно было, что нора древняя

и, изначально, совершенно точно, выкопана не пауками. Я видел характерные следы кирки. Мы ползли не долго — каменная терраса оказалась не монолитной. Метров через пять мы вывалились в пустое пространство. Похоже на закуток, куда сбрасывали строительный мусор, а потом сверху застроили.

— Коконь! — обрадовался Вячик, найдя искомое. И кинулся к ним. Я не стал торопиться, остался у входа, осмотрелся. Тут тоже были буквально заросли фосфоресцирующих мхов и грибов. Это плохо для ночного зрения. Мне казалось, что тут темно, как при свечах в большой в комнате. Но я заметил забившихся по щелям маленьких паучков. Не больше ладошки. Зато целые десятки. Вячеслав их не замечал, увлеченно потроша мешок из паутины, с торчащими из него обломками костей. Похоже, Вячеслав видел даже немного хуже меня. А вот Кузя ловил паучат, ловко насаживая их на коготь и хрумкал их. Одного за другим. Вот почему он не соизволил выйти и помочь мне наверху. Впрочем, насчет хрумкал — я поторопился. Он просто протыкал паука когтем, осторожно поднимал к своей жуткой харе и жадно втягивал эссенцию жизни, вытекающую из умирающего существа. Со стороны он казался этаким гурманом. От созерцания этой жутковатой картины меня отвлек Вячеслав:

— Не кажется ли вам, Ватсон, что все украдено до нас? — драматично взрыкнул он и упер руки в бока.

Я подошел поближе. Всего в норе было три относительно свежих кокона. Трупы были черные и очень сморщенные. Я, конечно, предположил, что это были цверги... Но, если честно, они были больше похожи на чернослив, чем на цвергов. Еще десяток коконов совсем старых и растрепанных. Пол покрывали буквально залежи костей, делаю его относительно ровным. Кстати, трупы издавали не такой уж ужасный запах, как я боялся. Пахло резко, немного как будто химией и, совсем чуть-чуть, батиным супом.

— Смотри, у него явно было что-то при себе. Видишь, срезали одежду. Вон следы от надрезов, — продолжал проявлять чудеса дедукции Вячеслав. — Вон у того осталась броня. Местами. На твою похожа, только порченная. А вот это, ставлю пять тысяч рублей, ремень от шлема. А где шлем?

Я осмотрелся вокруг внимательнее. Со второго раза заметил низкую нишу, с глухой каменной стеной. Подошел поближе. И убедился в своих подозрениях — это была цвергская дверь. Немного закомуфлированная, но я её узнал.

Я подозвал Вячика и Кузю. Вячик подобрался и приблизился взяв на изготовку топор. Кузю пришлось долго уговаривать — он явно был слишком занят едой. Пришлось приманить его обещанием целого ведра вкусных паучат. Потом я сунул свой штопоромеч под мышку, схватился одной рукой за Вячика, второй за Кузю, и потребовал его повторить фокус с прохождением сквозь стены. Тот выполнил моё требование немедленно, протаскив нас через щель между каменной дверью и косяком. И тут же скрылся обратно, видимо, надеясь таким образом от нас избавиться.

— Ох ты ж, — охнул и тыжнулся Вячик. — Предупреждать же надо!

— Сорян, — покаялся я. — Слушай, это цвергский тоннель.

Стены были такие же неровные, как раньше. Но теперь стало куда меньше паутины. И пол был немного лучше выровнен. Но самое главное — характерная круглая дверь с каменным камнем-запором. Изнутри её не пытались замаскировать и её можно было рассмотреть во всех деталях.

— Цверги? Ненавижу, млять, цвергов! — немедленно отозвался Вячеслав. Перехватил

топор поудобнее, он двинулся по низкому тоннелю вперед.

— Ты же не видел их никогда? — удивился я.

— Зато наслышан. А еще, они украли мой лут! — резонно прорычал гривастый Вячик. Обида и злость в его рыке звучали вовсе не наиграно. Тут он внезапно остановился. Осмотрел неровные стены тоннеля. Прижался спиной к одной из них, и махнул рукой, приглашая меня протиснуться мимо него.

— Иди вперед! — командным рыком велел он мне.

— Почему это? — заподозрил неладное я.

— Тут могут быть ловушки, — простодушно прорычал Вячик.

— А, тогда конечно, тогда ладно, — легко согласился я и сделал шаг назад.

— Я жду. Ну? — рыкнул гривастый шкуролоб.

— Хер на гриву, — остроумно ответил я, сделав ударение на последнем слоге. Вот такой вот я рифмоплет. — Сам иди впереди!

— Почему это? — кажется, искренне, удивился Вячик.

— Ходят слухи, что тут могут быть ловушки, — объяснил я.

— Так ты же плут! — возмутился Вячик. — У тебя бонус на обнаружение ловушек!

— Да с хера ли я плут?! — я тоже возмутился. Возмущение прям припекло и забурлило. Где-то в районе ягодиц припекло, в районе пищеварительного тракта забурлило. — Кто тебе эту дичь сказал? Ты же сам только что себе придумал, да? Ну так я тебе...

— А кто сигнальную паутину сходу различил? — неожиданно спокойным рычанием ответил гривастый блоховоз. — Тебе кто-то показывал, как паутину различать? Я, вот, видел просто кучу паутины. И потайную дверь тоже ты сходу обнаружил.

— А... А ты! — я, некоторое время постоял, подбирая слова. Потом захлопнул рот и полез мимо него, занимать место впереди. Постаравшись побольнее ткнуть его в живот локтем. Там оказалось столько мышц, что мне, кажется, досталось сильнее.

— Что с цвергами? Сразу валим, или говорить пытаемся? — пыхтел в спину Вячеслав.

— По ситуации. Мне кажется, они к разговорам не очень склонны, — недовольно бурчал я. И все сильнее злился. Почему я послушался и полез вперед? Seriously, ну что за дебилские идеи с классами... Я резко остановился, подняв руку и шепотом скомандовал. — Стоять! Ловушка!

Вячеслав послушно остановился. Я осторожно присел, внимательно разглядывая участок тоннеля перед собой. Надолго послушания у Вячика не хватило — он высунул свою львиную морду вперед, рядом со мной, и спросил:

— Да где?

— Вот смотри, — начал я. — Тоннель проделан в диком камне. А потолок из каменных плит. Такое ощущение, что как будто кто-то прокопал ход, как крыса, под полом. Сэкономил на крепи. И пол поэтому такой, наскоро поровняли и всё. Но прямо перед нами, Watson, лежит идеально подогнанная под ширину прохода, странно ровная плита. Это подозрейте...

— Эта? — рыкнул Вячик и ткнул в подозрительную плиту пяткой своего топора. Плита легко провернулась, как крышка офисного мусорного ведра. Она удерживалась над глубокой трещиной в земле на двух небольших каменных выступах, легко скользящих в специальных пазах. Как на шарнирах, плита резко провернулась, и немедленно вернулась в горизонтальное положение.

— А, увидел, — проорчал Вячик. — Ну вот. Я ж говорил, у тебя бонус...

— Да помолчи ты, — взвизгнул я.

Немного подумал, как перебраться. Хотя, это было очевидно — с одной стороны тоннеля шел небольшой, отлогий выступ. Падая, за такой не уцепишься. А вот встать на него ногами, упершись руками в противоположную стенку, и так перебраться — даже удобно. Я бросил свой, по-прежнему скукоженный меч, за ловушку. Подспудно ожидая, что там будет ещё одна. Но нет, ничего не произошло. Вслед за мечом перебрался сам. Вячик повторил мой маневр До топора включительно. Тоже его перебросив, едва не поранив меня. Дальше мы шли в молчании. Я в сосредоточенном, Вячик в уважительном.

Неожиданно я услышал ментальное недовольство Кузи. Мы ушли уже довольно далеко от него. Я заметил, еще с Кенни в цвергском городе, что теневик с крайней неохотой удаляется от меня больше, чем метров на сорок. В реальном мире теневикам было на расстояние до меня было насрать. В реальном мире так часто бывает. Всем на тебя насрать.

Но сейчас Кузя явно испытывал дискомфорт, от того, что я ухожу прочь, а он еще не доел всех пауков. Я не стал обращать внимания и двинулся дальше. Пусть знает, тень мутная, кто тут главный.

Мы прошли еще пару десятков шагов, когда я услышал ментальный вопль и остановился, подняв руку.

— Ловушка? — тут же высунулась из-за спины любопытная львиная морда. — Где? Не вижу!

— Кузю развеяли, — грустно сказал я. — Он заторопился, осторожность потерял, и его паучок куснул.

— Какой паучок? — расширил львиные зенки Вячик.

— Там, в логове пауков, еще маленькие паучата были. Ты их не заметил, — объяснил я.

— А ты чего не сказал? — отодвинулся от меня Вячик.

— Я же говорю, маленькие, — я показал размер ладонями.

— Действительно, не крупные паучата. С кошку, — иронично рыкнул Вячик.

Я немедленно исправился и уменьшил их до котенка.

— И что, один укус и нет Кузи? — засомневался Вячик. Я пожал плечами. Вячик возмутился:

— У него что, один хэпэ?

— Да нету тут хэпэ, — снова начал злиться я и покрался дальше.

Вячик еще немного недовольно поворчал про дисбаланс. Как будто пес за спиной ворчит. Отвлекает. Я цыкнул на него:

— Сосредоточиться мешаешь!

Вячик послушно замолчал. На этом панихида по Кузе закончилась. Тоннель оказался довольно длинным. Он то поднимался, то опускался. Иногда, резко сворачивал. По моим ощущениям, мы прошли по нему не меньше километра. Ловушек больше не было. Учитывая, что двигались мы хоть и медленно, но шли мы по нему уже примерно минут двадцать. Я снова остановился и поднял руку.

— Опять ловушка? — даже обрадовался явно заскучавший Вячик. Он опять высунулся вперед и начал остервенело тыкать топорищем в пол передо мной.

— Нет, — прошептал я и положил ладонь ему на лапу. — Я слышу впереди голоса.

Дальше мы крались в два раза медленней и процентов на десять осторожней. Тоннель подвел нас к резкому повороту, за которым была небольшая каменная комната, с вырубленной из камня лежанкой, кожаным цвергским ранцем в нише, небольшой закрытой дверью и скрытой от глаз щелью в стене. Скрытой от глаз тщательно подогнанным камнем.

Я бы мог её не заметить, если бы кое-где не пробивались слишком уж хорошо видимые для моего ночного зрения, лучики света. Я немедленно вскочил на каменную кровать, вытащил каменную заглушку и выглянул в щель. Вячеслав последовал моему примеру. Похоже, это была специальная, смотровая щель. Мы вполне смогли смотреть в неё вдвоем, хотя и пришлось пригнуться. Сделана она была на уровне глаз цвергов.

— Ну наконец-то, годный контент, — как огромный довольный кот проурчал Вячеслав. — Что за фентези, без голых баб? С них и надо было начинать!

Глава 19. Темное фентези

Узкая щель пронизывала полтора метра камня. В неё было мало что видно, но того, что было видно, подтверждало слова Вячеслава. Там было и фентези, и голые бабы. Ничего лишнего.

Но меня поразило не это. Меня поразили лица голых баб.

— Лакоста? — удивленно прошептал я. То есть Ликаста, пришло запоздалое понимание. Поправлять себя я не стал. И без меня найдется, кому меня поправить, пусть хоть я буду, который просто поддержит.

— Что? — не расслышал Вячик.

— Нет, ничего. Так, показалось, — прошептал я ему. — Подожди, дай послушать.

Справа от щели, в которую мы выглядывали, стоял отряд. Никаких минотавров и цвергов, одни только гигару. Это был крупный отряд. Несколько дулей-носильщиков, судя по поведению, в знакомом мне состоянии зомби. И, разумеется, сами гигару. Они были очень похожи на Ликасту. Да и на друг друга, если уж на то пошло. Как сестры — все же некоторые отличия мне удалось уловить, хотя до них было метров тридцать. Шипастая броня, плащи с глубокими капюшонами, и головокругительной высоты разрезы на одежде, открывающиеся полосы бледной кожи, когда они двигались.

— Ух какие, — заурчал Вячеслав над ухом и подозрительно заворочался.

— В руках себя держи! — зашипел я на него.

— Слушай, — схватил меня за плечо Вячик. — Да это же работорговцы! Смотри, они тех вон сторожат!

Хоть Вячик и выразился как-то неуклюже, я его понял. Группа гигару явно делилась на две неравные части. Около десятка были в броне и с оружием. Все с живыми хлыстами, у некоторых вдобавок щит и копьё, у пары в руках нечто...

— Это у них что, биовинтовки там? — сам того не подозревая, подсказал мне Вячеслав.

Вторая группа, столпившееся в центре, была безоружна. И почти раздета, если не считать сильно потрепанных тканевых накидок. Этих было не меньше двадцати и они жались друг к другу. Но не испуганно. Они смотрели на свою охрану с безразличием, без особого страха. Изредка обмениваясь короткими ударами, когда одна из тех гигару, что оказались с краю группы пленниц, пыталась забраться глубже внутрь.

Это из-за того, что вооруженные гигару изредка хлестали крайних. И смеялись. Я знал на что способны их живые змеи и понимал, что так охрана скорее пугала своих пленниц. Но те не особенно боялись. Так, досадливо морщились. Поэтому даже несмотря на удары хлыстов, мы с Вячиком не сразу поняли, что часть гигару пленена.

Очень не по человечески они себя вели, хотя и были так похожи на людей.

— Ты как хочешь, а я их попробую освободить! — проворчал Вячеслав, поудобнее перехватил топор и... И ничего. Перед мордой стена, куда он денется.

— Да подожди ты, — все же решил я поумерить его прыть. — Давай послушаем.

До этого снаружи была небольшая пауза. Но тут как раз вновь заговорили. В говорившем я сразу заподозрил цверга. Хотя говорил он не на цвергском.

— Я не понимаю! — возмутился Вячеслав. — Ты же говорил, что все понимал!

— Да заткнись! — вполголоса прикрикнул я на него. — Он говорит... Отказываемся от вашего щедрого предложения... Пять пленных гигару это дорого, но зачем они им, если они

не смогут их продать... Что-то про ворота... Ага, понял. Он требует у них плату за проход едой, а у гигару лишней нет...

— Кто такой гигару? — тяжело вздохнув, спросил Вячик.

— Да ты заткнешься, или тебя тапком отхучить?! — зашипел я на него. Его рык забивал и без того едва различимые слова. Мне еще повезло, что говоривший был недалеко. Орать в этом подземелье явно никто не любил. — Поэтому он предлагает прежний вариант. Что-то про то, что гигару все равно любит убивать, а так и польза... Ага...

Невидимая мне предводительница отряда что-то прошипела, как змея. На том же языке, но с такой злобой, что я не понял почти не слова. Похоже на поток угроз. Владелец голоса спокойно переждал этот комментарий и продолжил говорить. Я снова начал переводить. Мда, синхронный переводчик это вам не просто так. Это уметь надо.

— Тут есть тайное... Заброшенное... Короче убежище. Он говорит где. На запад и вниз... Блин, у них тут для направлений свои названия... Трехмерная роза ветров, охереть. Туда короче, — я показал рукой в сторону и вниз. Новое открытие подняло цвергов в моих глазах. Люди не все могут право-лево запомнить, а они трехмерными системами координат оперируют. — Там есть вода и дня три можно рабов подержать. Пока воины будут охотиться. Могут и себе оставить, цвергам... Так я и знал, что это цверги условия ставят! Цвергам надо всего одиннадцать туш.

Гигару опять вызверилась. В этот я разобрал чуть больше слов. Но в основном там было про то, как она расленит цверга. Цверг дождался конца этого спича и продолжил:

— Двенадцать туш.

Наступила тишина. Невидимая мне гигару, которая столь недипломатично вела переговоры, молчала. Молчал и цверг. Наконец, в поле нашего зрения появилась парочка гигару. Которые, видимо, и вели переговоры. Эти были в бронзовой броне, отдаленно напоминавшей доспехи гоплитов, но куда более странной. Одна, вся в каких-то лентах, шла не оглядываясь. Вторая прикрывала её со спины здоровенным восьмеркообразным щитом. Подойдя к своим, предводительница резко махнула рукой. И отряд снялся с места, направившись в ту сторону, в которой по мнению моего встроенного переводчика, находился запад.

— Так, давай за ними. Надо проследить и узнать где это убежище! — тут же сориентировался Вячик. Секунду поразмыслив, я с ним согласился. Насчет нападения на целую орду гигару я был не уверен, но вот узнать где поблизости есть безопасная лежка, было в любом случае полезно. Я заметался по отнорку. Обнаружил еще две скрытые двери. Но не обычные, цвергские, в форме мельничного жернова, а нечто вроде пробок от шампанского. Только таким размером, что ими можно люк в колодце закупорить. Собственно, примерно таким диаметром ходы они и закупоривали. Одна вела наружу, в ту же сторону, что и смотровая щель. А другая дальше.

— Это потайной ход, — пояснял я Вячику, по ходу исследования. — На случай непредвиденных ситуаций. Чтобы сбежать, короче. Вот эта дверь, скорее всего, ведет в самую крепость. А вот эта, наружу. Но я не могу найти как их открыть. Они там заклинены как-то, даже не дергаются...

— Серый, успокойся. Ты что тупишь? — положил мне на плечо когтистую лапу Вячеслав. — Ксюху зови, через щель просочимся.

Точно же.

— Кузя он, задолбал, — огрызнулся я и закрыл глаза. Потянулся сознанием к тенивику и

обнаружил себя в одиночестве. Без незримого присутствия чужого сознания на периферии чувств было даже как-то... Одиноко.

— А, точно же, — хлопнул себя по носу Вячик. Хотел по лбу, но не рассчитал и задел морду. Потер нос и продолжил. — Развеели же её.

Мы тупо постояли еще немного, вглядываясь в смотровую щель.

— Придется возвращаться, — вздохнул Вячик. — Без твоих демонов, Сережа, как без рук.

Постаравшись запомнить местность на случай если увидим её с другого ракурса, мы вернулись тем же путем. Вошли в тронный зал, присели на бортик бассейна.

— Вот странное дело, я усталости почти не чувствую, — удивился львиномордый. Я коротко кивнул. Мне было не до разговоров, я проводил короткие “собеседования” с теневиками. Кажется, судьба Кузи им стала известна, потому как ни один подчиняться мне желанием не горел. Стоило мне только к одному потянуться, так он улепетывал сквозь крохотные тоннели, пронизывающие толщу стен, пока я не терял контакт.

— Слушай, — продолжал отвлекать меня гривастый Вячик. — А как долго мы тут уже? Час, два? А то в прошлый раз я еле расхохотился. И спина до сих пор побаливает.

— Больше, — сказал я. — Ты же сам заметил, мы не устаем. Но двигаемся медленно и осторожно.

— И километров пять уже на шагомере накрутили, не меньше, — согласился Вячик. — Ну, я же говорю, часа два. Ладно, вношу предложение. Давай выйдем наружу, и все таки сориентируемся, где маркер главного квеста. Чтобы примерно знать, куда идти. А потом выйдем из игры. А в следующий раз захватим подушки, или кресла там... Воды, а то сушняк после давит. Короче, подготовимся. Согласен?

— Хорошо, — кивнул я. — Тем более что-то теневики все разбежались, а без них как без рук.

— Как без разведки, — хохотнул Вячик. — И не на все локации попасть можно!

И мы второй раз за день вышли из тронного зала. В этот раз сразу же повернули, чтобы обойти кубическое строение, в котором мы появились.

— Нифига себе, кирпичики, — прокомментировал я огромные глыбы, из которых оно было сложено. Каждая размером с микроавтобус.

— Циклопическая кладка, — с умным видом сообщил мне Вячеслав.

Перебравшись через кучи битого камня и свернув за угол, мы остановились. Оказывается, пирамида на которой мы находились, буквально выростала из скалы. И была соединена со стеной пещерой огромным мостом. Мост начинался двумя ярусами ниже, прямо с того самого яруса, где находилось логово пауков. Сам мост мало напоминал что-то виденое мной ранее. Точно не мост в Мории из фильма “Властелин Колец”. Больше похоже на огромную стену. Постепенно сужающийся кверху.

— Нам туда, — показал я на противоположный конец моста, теряющийся во тьме. И мы двинулись. Красться во тьме по грудам битого камня занятие дурацкое. Мы гремели рваной галькой, роняли большие камни, которые тянули за собой целые миниоползны, падали сами. И каждый раз после этого замирали и настороженно прислушивались. Иногда до нас доносились подозрительные звуки. Одни были похожи на крики животных, другие на глухие отдаленные удары. К таким звукам мы прислушивались особенно долго.

Так что путь, который бы занял в моем мире и при свете дня, максимум минут пять, тут занял не меньше четверти часа. К счастью, рядом с мостом обнаружилась сносно утоптанная

тропка.

На мост мы выйти не решались довольно долго. Вблизи он оказался вовсе не такой уж и узкий. Вполне на машине можно проехать. Вдоль краев остались следы ограждения, но сейчас его не было. Мы осторожно глянули вниз. До следующего яруса было метров десять. Но потом высота ступенчато увеличивалась. Еще ниже ярус едва угадывался. Слишком мало на нем было светящейся живности. И, если мое темнозрение меня не обманывает, до него метров тридцать. Как с девятиэтажки вниз посмотреть. Я постарался припомнить, сколько в этой пирамиде ярусов. Не меньше семи. Может, даже девять. Мы на втором, если считать сверху. Метров пятьдесят внизу точно есть.

Мост уходил в темноту и пропадал. Все же, у темнозрения есть свои минусы, видел я максимум метров на триста. И то, с подсветкой.

— Точно туда? — на всякий случай уточнил Вячик. Я уверенно кивнул. И мы двинулись.

Шли мы довольно долго.

— Серега, слушай! — вдруг рыкнул Вячик, заставив меня едва слегка подпрыгнуть от испуга. — На плиты посмотри!

Я глянул. Плиты были не очень большие. Сравнительно. Метра два в длину. Вырезаны из серого камня. Хотя, для меня сейчас почти все серое.

— Ну, смотрю. И? — недовольно буркнул я.

— Ничего не напоминают? — оскалил в улыбке клыки львиноголовый.

“Сиськи твоей мамки” — подумал я. Но вслух сказал:

— А должны?

— Да мы же под ними сегодня ползли! — зарычал Вячеслав. — Сам вспомни. Подземный ход от логова пауков. Точно же, эти плиты на потолке лежали!

Я задумчиво осмотрел дорожно покрытие еще раз. Хорошее покрытие, нам бы такое. Не считая выбоинов и сколов, от упавших сверху камней, сохранилось хорошо. Пожалуй, Вячик прав. Очень похоже, что один раз мы этот мост уже пересекли. Только внутри.

— За антураж пять, за дизайн уровней два с минусом! — продолжал радоваться Вячик.

Я осторожно подошел к краю моста и глянул вниз. Справа уступами угадывались ярусы пирамиды, но внизу была сплошная темень. Непонятно, там так глубоко, или просто даже темнозрению нужно хоть какой-то источник света, и тут просто нет местной флуоресцентной флоры?

— Не подглядывай за тьмой, а то она ментам позвонит и сдаст тебя, — посоветовал Вячеслав.

Я отошел от края и мы продолжили путь. Когда я высматривал ловушки, идти было веселее.

— Скучно, как в реальной жизни, — прокомментировал Вячеслав.

— Да не гони! — возмутился я. — Зацени панораму. Я в Турции двести рублей отдал, чтобы на засранного деревянного коня посмотреть. А тут посмотри, какие виды. Да мы можем на туризме озолотиться!

— Слушай, а ведь точно! — Вячик довольно взрыкнул. — Это идея!

— Да успокойся, я пошутил! — попытался осадить я его.

— Да не, ты чо! Это же гениально! Можно такую квест комнату замутить! — львиноголовый аж подпрыгивать при ходьбе начал.

Следующие минут пять я пытался его уговорить, а он продолжал настаивать, что за

туризмом будущее этого подземелья. Я до конца не уверен, насколько он был серьезен. А потом нам попались обломки статуи. Кто бы не потрудились на мосту, надо отдать должное его основательности — все остальные следы архитектурных украшений с него были сметены. Но этот невысокий постамент и обломок статуи на нем, уцелел.

— Он один тут был, или его не доломали? — озвучил мое недоумение Вячеслав.

— Не помню, — ответил я.

— Не помнишь? — удивленно переспросил Вячик и приотстал.

Но мне было не до него. Я подошел к обломку статуи. Ноги. Пять штук. Одна, похоже, мужская. Остальные женские. Самая длинная сохранилась до колена. На вид, насколько я мог судить, вполне человеческие. Мне отчего-то стало грустно, и я решительно затопал дальше. Привыкнув к высоте и окружающему виду, я почти бежал. За мной торопился Вячик. Вдруг я резко остановился.

Мост нес на себе следы времени. Был занесен каким-то песком, обломками камней. Видимо, за столетия это понемногу сыпалось сверху. Но вот участок прямо передо мной был подозрительно чистым. Не то, чтобы его как веником вымели. Как будто чем-то большим поелозили. Эти странные следы шли пятнами, на протяжении довольно длинного участка. Я поднял руку, приложил палец к губам. И мы прошли странный участок тихо и молча, настороженно поглядывая по сторонам.

И потом снова прибавили ход. Почему-то это место будило во мне беспокойство. За всем этим я не заметил, как мы почти пересекли мост. Просто в какой-то момент я поднял голову и увидел высеченный в скале город.

— Ёбушки воробушки, красота-то какая! — пораженно взрыкнул за моей спиной Вячеслав.

Высеченный в почти отвесной стене гигантской каверны город поражал воображение. Он был огромен. И красив. Сплошные, практически полностью покрытые сложным узором барельефы, имитирующие дворцы. Выступающие над пропастью балконы, террасы и даже башенки. Красиво. И печально.

— На Петру похоже! — сказал Вячеслав. — Только больше в сто пятьсот раз.

— На кого? — машинально переспросил я.

— Петра. Город такой. У нас, на земле, тоже в скале вырублен, — проворчал недовольный моей дремучестью Вячеслав. — Погугли. Ну, погуглишь. Когда домой вернемся. Слушай... Да сколько же тут народу жило?

— Много. Очень много. И почти все они мертвы, — выдавил я. На меня вдруг нахлынуло. Я будто вспоминал это же место, ярко освещенное огромными, похожими на подсолнечники цветами. И множество людей в ярких одеждах. Которые буквально заполняли балконы, пешеходные мостки, которые сейчас обрушились... Все обрушилось... Я тяжело опустился на плиты моста. И вытер покотившиеся из глаз слезы. Я знал, мои слезы сейчас черные. — Жители этой стены считались самыми счастливыми, ведь они были совсем рядом с Храмом Япета. Каждый год проводился великий праздник в честь их главного защитника, каждый месяц праздник в честь одного из пантеона. Они жили и верили им, что их уберегут от всего. Они ошиблись. Почти все они были убиты после страшного предательства.

— Оппа! — обрадованно взрыкнул Вячик. — Сюжетная вставка! Обожаю такое!

Прости, молчу, молчу. Давай, не тяни, рассказывай!

Глава 20. Темные откровения

Я стоял на коленях посередине источенного временем исполинского моста и пытался упорядочить хаос в своих мыслях. Вернее, в воспоминаниях. Чужих. Бардак в голове был такой, что происходящее под моей черепной коробкой напоминало погоню за стадом диких мустангов. Я ловил каждую лошадь за хвост и, пока она брыкалась и вырывалась, находил ей место и ставил на место. Выстраивая строгую последовательность. Утомительное мероприятие, но я справлялся.

— Ну же, не тяни душу! Выкладывай уже! — поторопил меня Вячеслав. Он аж приплясывал от нетерпения. Скоро топор грызть начнет. — Чо-куда, зачем, откуда?

— Они пришли снизу-запада, — начал было я на цвергском. Но тут же перешел на русский. — Короче, вон оттуда пришли. Какая-то тварь, похожая на огромную гиену, только огненную... Вообще все началось еще у нас, на Земле. Там была война. Проигравших скидывали сюда. В этот мир. Тут большая каверна... А там были горы...

— Не перескакивай. Начни с одного и говори последовательно, — перебил меня Вячеслав. — По уму тебя бы на диктофон записать.

— Так подожди. Сначала. И не сбивай меня, я сам собьюсь! — поднял я руку, призывая этим жестом Вячика помолчать. — Как бы назвать, существ... Они бессмертные, правда их можно убить. И суперсилы всякие у каждого еще. И могут менять реальность.

— Боги? — осторожно подсказал Вячик.

— Не совсем то. Хотя, ладно. Пусть пока так. Короче, это город богов. Был. Не просто богов, а богов которых выперли с Земли. Они обосновались тут, поселились на этих... Ну, как их... Они ещё в пещерах сверху и снизу растут!

— Сталагмиты и сталактиты! — проницательно угадал Вячеслав. — В душе не знаю, кто из них снизу, кто сверху.

— Да, они. Здоровые были, как горы. Их тут много было. Потом появился наш. И людей с собой привел.

— Много было сталагмитов, а появился бог? — уточнил Вячик.

— Да! Ты чо тупишь? Не перебивай! Так... Короче, он тут стал главным. Захапал себе самый здоровый сталагмит. Из него потом эту пирамиду сделали. И очень долго люди и эти существа тут жили. Люди им поклонялись, боги их защищали, — выпалил я и замолчал, чтобы слегка передохнуть. И встать на ноги, а то как-то нелепо себя чувствую.

— Прямо как супергерои Марвел, — кивнул Вячик. — Дай догадаюсь. А потом пришли другие супергерои, типа из ДиСи, и всех поубивали.

— Нет, ну раз ты и сам все знаешь, я ничего рассказывать больше не буду! — фыркнул я. И неспешно пошел дальше по мосту. — На самом деле да. Но не совсем. Люди тут не как в Марвел, а покруче. В общем, тех из богов, кто прибыл с земли но фейсконтроль в силу злобности или просто мерзкой рожи не прошел, из города выгоняли. Со временем, на морозе сложилась своя тусовочка. И однажды они объединились и напали на город.

— Кинематографическую драку в приходе видел? — тут же уточнил Вячик. Я отрицательно помотал головой. — Жаль. Самое интересное вырезали. На спецэффектах жопятся, суки.

— Короче, это была ловушка. Часть из тех богов, что жили в городе, предали нашего и

ударили в спину. Короче, все умерли. Но не суть. Главное тут то, почему город никому не достался, — я обвел руками вокруг. — Смысл же был именно в нем. Его делили.

— Всех людей убили в процессе дележки? — предположил Вячик.

— Кстати, нет. Очень многие сбежали. Кто-то на кораблях. Вон в той стороне река подземная есть. Кто-то прямо пешочком. Но большинство через порталы. А порталы им открыл он, — говоря это, я ткнул вперед. Мы уже подходили к концу моста. Тут было нечто вроде вычурного портика. Массивное сооружение. Было когда-то. Теперь половина раскрошена в гору битого камня, как будто ударом гигантской кувалды. Я продолжил. — Нам туда. На чем ты меня опять перебил? А, порталы. Как я понял, это была его фишка. Это и вытягивание магии. Кажется у него был план, что он вытянет из своих убийц магию и воскреснет.

— Но что-то пошло не так, — логично предположил Вячеслав.

— Да. Его убийцы оттяпали ему несколько важных запчастей и выбросили их на землю. Из другого мира он их обратно сам телепортировать не может. А новые отрастить не получается. Поэтому он тут так и валяется, вытягивая магию из окружающей местности. Даже из богов. А город только за счет магии и жил вообще. В общем они его засыпали и ушли.

— Кто засыпал? Кто расчленил? — рыкнул Вячеслав. — Имена, клички, где скрываются. Найдем и ноги переломаем.

— Там не у всех ноги есть, — задумчиво почесал я тыковку.

— Что есть, то и переломаем, — не смутился Вячик.

— Слушай, вот этого не знаю. Знаешь, это похоже на то, как будто ты сон увидел. Бывало у тебя? Яркий такой. С переживаниями. И во сне ты все знаешь. Но когда просыпаешься, можешь вспомнить только часть, — мы дошли до конца моста. Тут он был частично засыпан обломками, но угадывалась расчищенная тропа, ведущая в глубину скалы. Однако я повернул в сторону. — Нам туда. Придется лезть. Я помню только одно существо. Из нападавших. Потому что из-за него все началось. Выглядит как гиена, только здоровая и горит.

— Да ты говорил же уже, — Вячик ловко полез вверх по довольно крутому склону. — Я помню. Тут не у меня провалы в памяти.

— Не перебивай старших! — огрызнулся я. — И вообще, у меня не склероз, а посттравматическая амнезия!

— Спасибо за вашу службу, — отозвался Вячик. Протянул лапу и помог мне преодолеть особенно трудный участок. Мне бы такие когти. — Жаль из мирных жителей никто не выжил, они бы вам тоже были благодарны.

— Кто-то выжил, — не согласился я. — Ох уж эти люди. Как их не спасай, кто-то да выживет.

Некоторое время мы молчали, преодолевая подъем из битого камня. Это требовало внимания и сосредоточенности.

— Так вот, гиена, — сказал я, когда мы наконец добрались до самой вершины. Даже нашим магически созданным телам иногда был нужен отдых. Поэтому мы не сговариваясь, притормозили. — Её ранили в реке. Она потонула. И, по идее, так там и валяется. Отрегениться не может, магию же из неё вытягивает. Скорее всего, она тут не одна такая. По углам много всяких валяется.

— Удивительный факт и достопримечательности которые делают этот город по

настоящему привлекательным, — покивал Вячик. Одновременно разглядывая ему впереди. В центре воронки из битого камня что-то темнело. — Предлагаешь сходить, позырить? На гигиену твою?

— Вообще нет. У неё там охрана. Я не совсем понял, какая, — я попытался ухватить ускользающий образ, но он истаял как сигаретный дым в воздухе.

— Что ты еще не понял? — недовольно рыкнул Вячеслав.

— Это ты не понял, — я начал спускаться вниз. — Мы же с тобой, по сути, антимагическое оружие. Вот в чем фишка.

— Никогда не любил за антимага играть, — фыркнул как большая кошка Вячик. — Вообще не люблю специализации.

Он, пафосно трясая гривой, перескочил с одного громадного блока на другой. И снова вопросительно рыкнул, оглянувшись на меня:

— Ну и где эта грязная бомба?

— Прямо под тобой, — ткнул я пальцем. И подошел поближе сам.

— Ты говорил они больше людей, — задумчиво сказал Вячеслав, медленно поворачиваясь вокруг своей оси и осматривая то, на чем он стоит. — А надо было сказать, что он здоровенный, как вагон. Это там что, рука? Оно точно живое было? Выглядит, как будто очень хреновое поделие из камня.

— Каменный век, что ты хочешь, — не смутился я. — Дикие боги. Вон видишь зеленую плитку. Это его доспех. Из нефрита, на золотой проволоке. Проволоку поворовали, заметь. ничего нельзя без присмотра оставить, даже в жопе мира. Еще у него нефритовый меч был. Типа весла такой. Сломали и уволокли, гады.

— И голову оторвали. Серега! Что ты там топчешься? Давай, залезь сюда и посмотри, у него тут в груди дырка, как будто лазером прожгли, — Вячик присел и сунул внутрь трупа руку. И передернулся. — Фууу... Каменный на ощупь.

Вдруг Вячеслав резко выпрямился.

— А я не прилипну к нему? Еще впитаюсь, — заволновался он.

— Не полезу я на верх. Надо же уважение иметь, — отозвался я проигнорировав его тупой вопрос. Уже не впитался. Я, даже с некоторым почтением, обошел божественный труп сбоку. У тела вдобавок не хватало руки и туловища ниже пупка. — Кстати, после смерти они все в камень превращаются. Забавно, он внутри однородный.

Выглядело это как черный камень, с золотыми искорками внутри.

— Ага. Как черный авантюрин, — отозвался Вячик. — Красиво.

Он наконец прыгнул рядом со мной. Проехался на камнях и шмякнулся. Под моё сдержанное гыгыканье поднялся. Отряхнул верхние лапы и сказал:

— А тут его как будто молотком по кусочку отбивали. Слушай, золотой саркофаг становится проблемой. Где стока золота взять? Он же капец здоровый! Как его вообще ворочать, тут кран нужен и белаз! — Вячик задумчиво почесал себя когтями снизу морды, там где у людей людей подбородок. — О, приятно!

Он прислонил свой топор к поверженному богу и принялся чесать себя сразу двумя руками. Аж урча от удовольствия. Я некоторое время наблюдал за ним, потом покачал головой, нашел рядом увесистую каменюку и врезал со всей дури. По каменному божеству, не по Вячику. Глухой удар, казалось, пронесся по всей каверне.

— Э, потише, — возмутился Вячик и схватился за топор.

Не слушая его, я ударил еще пару раз. И с хрустом отломил от тела здоровенный кусок,

ярко полыхнувший на сколах золотыми искрами.

— А вот так мы его будем таскать, — показал я добытую божественную плоть. И упрятал её в котомку. Буянил я зря, наклонившись подобрать отколотый камень, нашел внизу множество кусочков уже отбитых до меня. Как раз хватило забить мешки и мне, и Вячику.

— А мы тут не первые, — прокомментировал это мой пронцательный клыкастый друг. — А что стало с прошлыми богостарателями?

— Наверняка не первые, — я распряился. — Давно он тут лежит. Тысячи три лет, точно. Наверно он и до этого пытался подсуетиться.

— Слушай, Серега. Меня вот что вдруг резко заинтересовало. А мозги у него работают? — спросил Вячик. — В смысле, я вижу, что у него башки нет. Но он вообще думает? Осознает, так сказать, свое положение? А то мы его тут на куски разбираем.

— Сейчас точно нет. А ещё, мне кажется, он и с башкой не особенно умный был, — осторожно сказал я. — Я, конечно, не эксперт. Но в моих приходах у него что-то странное в голове творится. Может поэтому я и понимаю все урывками.

— Как это? — заинтересовался Вячик.

— Даже не знаю как объяснить, — вздохнул я. Чуть подумал. — Чувства есть, мыслей не зафиксировано.

— В принципе, логично, — кивнул Вячик. — Если он такой волшебный до хера, зачем ему думать? Пальцами щелкнул и все само появилось.

— А что именно появилось, ему люди подсказут, — добавил я.

— То есть мы творческое начало? — Вячик задумчиво колупнул когтем каменную плоть. — А он точно бог, не наоборот? Может его люди создали?

— Не уверен, — сказал я. — Но мы ему нравимся, это точно. Так, теперь надо его в черный колодец рядом с троном высыпать. Не спрашивай зачем. Не знаю я.

— А я все равно спрошу. Вот только дождусь, когда тебя опять накроет, — хмыкнул Вячеслав. — Ты такой смешной становишься. Глаза стеклянные, губы трясутся. Хотя... С одной стороны смешно, но хочется молитву для экзорцизма нагуглить.

Я обеспокоенно посмотрел на него.

— Что прям так плохо все? — спросил я.

— Да нет, шучу я. Ладно, что тут торчать, — засуетился Вячик. — Давай назад. Домой хочу! Чай пить, с шарлотками. Я такую кулинарию нашел!

Мы нагрузились божественной породой и двинулись обратно. Разговор, как-то сам собой сместился на дела в том мире. Мы довольно быстро дошли до участка на мосту, который со странными следами. Этот участок меня напугал в ещё первый раз. В этот раз я уже был поспокойнее, но все же ускорил шаг. А потом на меня сверху что-то упало. Мягкое, но очень тяжелое. И склизкое. Это-то что-то протащило меня по мосту, успев напугать близким краем, а потом резким рывком вздернуло меня вверх, прежде чем я успел среагировать. В последний момент меня за руку успел схватить Вячик. И его потащило вверх вместе со мной.

В этот момент я понял, что ору как дурак и заткнулся. Не успел я спросить у Вячика, что это меня вверх тащит, как увидел, как его нечеловеческие глаза раскрываются в нечеловеческом ужасе. А потом его хватка разжимается и он летит вниз. Мост уже очень далеко. Да и не попадает на него львиномордый. Но упасть Вячик не смог — мимо меня, в его сторону выстреливают покрытые бахромой гибкие щупальца, толщиной в полметра. Как трубы теплотрассы. Только с белой бахромой. И бахрома эта шевелится. На конце каждого

щупальца — здоровенная треугольная лапа. Одна из этих штуковин ловит Вячика в воздухе и тянет его тоже на верх. В этот момент меня разворачивают лицом к потолку. Но вместо камня я вижу сплошь покрытую зубами воронкообразную пасть. Как у миноги. Только здоровенная, как тоннель в метро. А потом она смыкается вокруг меня и...

— Ух ты ж бля! — я дергаюсь и поднимаю голову от черной столешницы. Все тело затекло, ноги отсидел. Скула, на которой я лежал дико болит. Наверное, синяк будет. Но это все мелочи. Я еще долгие десятки секунд сижу в темноте и хлопаю глазами, пытаюсь не задохнуться от ужаса. Сердце бьется так сильно, что кажется будто у меня в груди маленькая птичка рвется наружу. Я как раз вспоминаю, что надо дышать, когда рядом просыпается Вячик.

— Бляя! — орет он и отталкивается руками от темного камня столешницы. Он приходит в себя быстрее, — начинает лихорадочно себя ощупывать.

— Да не бойся, тут оно нас не достанет, — пытаюсь успокоить я его.

— Ой, бляяя, — жалобно орет он. И роняет зажигалку. Точно, он же в темноте не видит.

— Это я, Сергей. Успокойся, — пытаюсь успокоить я его.

— Да я знаю что это ты! — орет он. — Страшный ты, сука! Глаза в темноте красным горят!

Пока Вячеслав тяжело дышит, я поднимаю с пола зажигалку включаю её, сразу становясь почти слепым. Отдаю зажигалку Вячеславу. Мы некоторое время молчим.

— Это пиздец, Сережа, — наконец говорит Вячик.

— Да ладно, после пауков можно было ожидать чего-то такого... Противоестественно большого, — начал было оправдываться я. Может я еще не отошел от пережитого ужаса, но мне сильно не понравилось начало речи Вячика. Только что-то стало проясняться. И делать это все в одно рыло будет очень грустно.

— Да я не про это! — перебил меня Вячеслав. Голосок жалобный и дрожит. Совсем не похож на рык в темноте, к которому я уже начал привыкать. — Я про мост этот! Он же километра километра полтора! Мы затрахаемся туда-сюда по нему с кусками бога шустрить. Ничего не знаю, Сережа, нам нужно расширять штат.

Я открыл рот, чтобы поспорить. Но потом закрыл его. Потому как не нашел аргументов против, кроме одного — нас кто-нибудь сдаст. Куда-нибудь, да заложит.

— Подумать надо, — наконец сказал я.

— Есть у меня вариант... — тут же отозвался Вячик, до этого терпеливо ожидавшей моей реакции. И вскочил. — Ладно, что в темноте сидеть. Вставай, пошли в кулинарии, шарлоток накупим!

Когда мы вышли из моего бывшего офиса, еще не было и шести часов. Пока мы ждали такси, Вячик вдруг спросил:

— Сереж, а тебе не кажется, что тобой манипулируют?

Я серьезно задумался. По всему выходило, что манипулируют. Как ни крути, а меня прямо таки в хвост и в гриву эксплуатировать пытаются некие подозрительные сучности не от мира сего. Однако об этом Вячик был в курсе. Он еще спросил так...

— А почему ты спросил? — вышел из положения я, вернув ему вопрос.

— Просто ты как из транса вышел, только про гиену и говорил. Посмотрите налево, там гиена, посмотрите направо, там нет гиены, она слева... Типа того. Все время к ней мыслями возвращался. Я уж думал, что ты меня заставишь прямо вот сразу к ней бежать.

— Да нет. Просто впечатлился, — ответил я.

— Ладно тогда, — легко согласился Вячик. — О, вон наше такси!

И мы отправились навстречу выпечке, виски и планам по воскрешению бога.

Глава 21. Дороже золота

Смешные случаи буквально окружают нас. Главное, это уметь их видеть. Вот сейчас, мы идем мы, значит по узкой, низкой, паучьей норе. И Вячик такой, между делом, спрашивает:

— Серёж, ты к психотерапевту-то ходил?

— Да. Вчера забежал, — отвечаю я.

— Ну, и как? — урчит Вячик. В этот раз он идет первым, но не торопится, шерудит впереди топором. Гриву от паутины бережёт. Идем спокойно. Потому как я отслеживаю проход впереди с помощью теневика, похожего на череп с рожками. Этот умненький попался, и послушненький. Я был практически уверен, что ничего страшного нас впереди не ждет.

— Как всегда. Начала вопросы задавать. Расскажите о своих родителя. Работе. А почему то, а почему сё, — вспомнил я.

— Не понравилось, значит? — полуобернулся ко мне Вячик.

— Да ты знаешь... Нет, не понравилось. Вопросы некоторые, меня в тупик ставили. Все время спрашивала, “А как вы к этому относитесь?”, “А что вы хотите?”. Типо того. И я каждый раз зависал. А я не знаю, я себя о таком никогда не спрашивал, оказывается. Никогда не думал, что я хочу, прикинь?

— Прикол, — проурчал Вячик.

— Странный момент был, — мне захотелось выговориться. — Начала она о работе расспрашивать. И я вдруг вспомнил, что у нас месяца два назад, коллега из окна вышел. Лет под сорок ему, я сильно не общался. Не у нас, из дома выкинулся. Жена, двое детей. Вообще ничего не предвещало. Ходил, улыбался. Что-то шутил даже. А потом, он не пришел день, два, три. Сказали, в общем, умер. И только вот с месяц назад выяснилось, что самоубился.

— Жесть какая, — проворчал Вячик.

Иронично говорить о психотерапевтах в таком месте. Вдвойне иронично, что Вячик так прокомментировал мир, где нет никаких гигантских пауков.

Вячик посторонился, пропуская меня вперед:

— Выходим в логово, Серый, давай, смотри.

Я протиснулся мимо него в паучье логово. Все тихо. Те же потрошенные коконы, те же мелкие паучата. Все знакомо, и также отвратительно.

— Давайте немного паучат половим, надо теневика подкормить, — скомандовал я остальным. И мы с Вячиком начали деловито давить паучков в щелях. Мой новый теневик, с клыкастой пастью, злобными провалами глаз, короткими, хищными рожками на лбу и без всего остального, метался от трупика к трупика, на глазах наливаясь темнотой. Трупики поставлял, в основном, я. Вячик так, для виду, пошерудил топором по углам. Потом встал, оперся на свой дрын. Задумчиво потрогал кончик клыка подушечкой когтистого пальца.

— Слушай, а что ты мне не рассказал про такое? Про суицид коллеги? — спросил он.

— В том то и дело! — повернулся я к нему. — Я ведь охерел мрачно, когда узнал. И потом сам же забыл про это. Прикинь? То есть она спрашивает, “Что у вас в последнее время происходило на работе?”. Я начинаю вспоминать. Объект проблемный, никак не сдать... Смежники с заданием тянут... Ну что там еще? Шеф из дома старую кофемашину свою приволок, кофе шикардосный пьем, только скинуться надо на молотый... И тут, вдруг, вспомнил. У нас же коллега из окна выбросился! — я аж захлебнулся. — А я забыл! И не

говорил никому, потому как забыл!

— Это психологическое что-то, — с умным видом покивал Вячик. — Нащупали, значит, проблемы.

— Нет, психотерапевт говорит, это пока в норме. Такое часто бывает...

Дикий вопль прервал нашу беседу. Мы испуганно ушли в стойку, заноса оружие. Но ничего страшного не случилось. Просто один из напуганных паучков, размером не больше котёнка, прыгнул на лицо Настеньки и вцепился, как кот в клубок. Ух она завизжала. Рома тут среагировал очень быстро — тут же отодрал. Паука. От Настеньки. Перед этим изрядно погромсав его своим тупым кинжалом. Это не в плохом смысле, ну что поделатъ, ну тупое у нас оружие. Топор Вячика, мой меч, кинжалы — все тупые. Не режут нихрена толком. Столовый нож и то был бы поострее. Хотя ладно, насчет последнего это я уже преувеличиваю.

Но увы — после пары экспериментов, выяснилось, что портал не пропускает ничего железного или стального. А весь мир вокруг, буквально, сделан из металла. Пока единственное, что хоть немного могло сойти за оружие, и что мы протащили с нашего света в этот, перцовый баллончик. Оказывается он из всякой хитрой пластмассы сделан, а если и есть металл внутри, то медь или бронза. Кстати, бронза...

— Чо вы встали? Спасайте её! — заорала дурниной Эделина, и от души, широко размахнувшись, залепила мне пощечину. Попыталась. Я легко отклонился, сделав шагок назад. И могучая длань Эделины с размаху врезалась в массивный наплечник Вячика. Сила удара была такова, что его слегка покачнуло. Если Эделина даже и сломала руку, то виду не подала. А схватив Вячеслава за нагрудный щиток, начала его трясти:

— Нашли время херню всякую обсуждать! Вы дебилы, блядь! Что делать теперь?! — орала она, некрасиво брызгая слюной и скаля клыки. Она и в жизни та еще бой баба. Разряд по тяжелой атлетике и двое детей, пять лет работала на стройке, разведена. Трижды. А сейчас работает флористом и дизайнером интерьеров. Так что, даже ожидаемо, что её персонаж полуорк-варвар. Полуорчиха. Общие черты лица даже остались. Правда, полуорчиха у неё тут выглядит намного более мускулистой и стройной, с квадратиками пресса на плоском животе. А еще, у неё меховое бикини вместо одежды. Эделина этого явно смущается, хотя её никто ни о чём не спрашивал.

— Тихааа! — оглушительный, львиный рев в замкнутом помещении оказал на меня эффект как от близкого выстрела над головой. Аж уши заболели. Вернее, я стал хуже слышать и почувствовал дискомфорт в ушах. Тут это вместо боли.

Новички ступевались, затихли.

— Ничего! Страшного! Не! Случилось! — прорычал Вячеслав, наступая на Эделину. Та аж присела от такого напора. Вячеслав, пафосно колыхнув гривой, отвернулся от полуорчихи и склонился над нашим магом. Да, транспол в настольных РПГ это норма. Но сейчас мне было слегка некомфортно. Мне было очень трудно определиться, как относиться к Насте. Сначала я увидел очень женственную Настеньку, появившейся на нашей сессии в короткой шубке, под которой скрывалось веселое разноцветное платьице. И, оказывается, тут же сформировал своё к ней отношение. Но сейчас, когда она тут в виде тощего лысого старикана с таким фундаментально огромным носом, что ему бы позавидовали все виденные мной цверги, я постоянно тупил.

Вячик, похоже, тоже. Он приобнял старикана за плечи, и сказал:

— Эммм... Насть. Все нормально. Боли же нет. А чтобы нас убить, нужно много

повреждений нанести. Мечом, например, проткнуть. У нас есть внутри что-то типа органов. Короче. Он тебя своими зубками не убьёт. А яд на нас не действует. Ты просто голову вниз наклони, яд из дырочек-то, и вытечет.

— Да все, я поняла уже. Не больно! — прокаркал старикан, ошеломленно трясая редкой порослью на подбородке. Все же, его выдавал слишком высокий голос. Или её? Мляяя...

— Тут дверь! — доложил плут. Его звали Роман и на одной из сессий, он украл у меня золото. Он любил отыгрывать плута, но Вячику пришлось выдержать невероятный скандал, чтобы заставить его играть именно человеком. Сил на борьбу с Эделиной, изъясившей желание играть полуорком и последнего, четвертого человека из нашего пополнения, очень хотевшим играть дварфом, у Вячеслава не хватило.

— Да, мы в курсе, — кивнул Вячик. — Так, Серый, ты пока покорми свою Хему, а я с Настей посижу. Рома, ты на стреме. Эля, рядом постой.

— Я у входа буду, — буркнул дварф. В жизни он был тощий и высокий. В очках. Звали его так же, как и меня, Сергей. Работал в компании интернет-провайдера, я толком не понял кем. Что-то связанное больше с железом, чем с программным обеспечением.

Пройдя портал, он проявился... точно таким же, только с нелепой, огромной, заплетенной в четыре косы, бородой. Даже одежда осталась той же, какая была на нем. Прямо как у меня. Вот только эти его косы, толстые как корабельные канаты, и свисающие до ремня брюк, выглядели просто максимально неестественно. В руках он держал щит и каменную булаву.

На самом деле, мы с Вячиком больше всего переживали, как завлечь потенциальное подкрепление в подвал старой администрации. И совсем не продумали, что делать, когда протащим их через портал. С первым нам повезло. На второй день, подрядчики делавшие ремонт в купленном Вячиком помещении, сами сделали ему подарок.

— Пол у вас прогнил. По хорошему, менять надо, — сказал бригадир рабочих и выжидающе зыркнул на Вячика. — Ну, или можно стяжко...

— Разбирайте! — рявкнул Вячик. — Весь пол разбирайте. Перекладывать будем! Деньги еще надо на это? Сегодня не уходите, пока не разберете! Менять будем! Все менять будем!

Действительно, здание то древнее. Полы деревянные. Под слоями линолеума и краски, скрывались гнилые доски. Запасливо закупившись стремянками, мы получили вполне естественную дыру прямо в помещение с партами. Идеально.

Уговаривать пришедших на сессию в “стильном новом клубе” игроков, тоже не пришлось долго. А вот после того, как они попали в потайную комнату с черным круглым столом, то усадить их за него, оказалось очень трудно.

Они буквально устроили там мозговой штурм на тему “Что это за место?” с параллельным поиском сокровищ. Последнее, в основном, силами Романа — он немедленно приступил к простукиванию стен. И, что удивительно, кажется нашел ещё одну замурованную дверь.

Прошло не меньше часа, с момента нашего появления в комнате с черным столом, до того момента, когда мы в свете переносных фонарей, наконец, сели за него. Все сели, а я из осторожности встал за своим стулом. Чтобы не коснуться раньше времени столешницы и не испортить сюрприз, так сказать.

После ритуального представления персонажей (я дварф-археолог, знаю руны и древние языки. А я полуорк, люблю крошить черепа), “игроки”, по требованию Вячика взялись за

руки. Вот тут я и подсел.

— Подождите, Сергей же ещё про своего персонажа ничего не рассказал! — засуетилась трогательно внимательная к другим Настенька.

— А я... Сергей.

— Опускаем руки на столешницу! — рявкнул Вячик. Мы послушно опустили.

— В смысле Сергей? — не понял мой тезка, который дварф. — Нет же в дэенддэ такого име...

И нас выбросило в таверну. Вернее, к моему появлению, все уже были в сборе. И даже успели сходить в арсенал, подобрать оружие.

Забавно, но наиболее подробно персонаж был проработан именно у тезки. Его дварф имел связи, место жительства в конкретном городе, подробную предысторию. И именно он единственный, кто практически не изменился. Если не считать бороды.

С одеждой, кстати, тоже только мы с ним были белыми воронами. Или нормальными людьми, тут как посмотреть. Появились в своем.

Эделина, как я уже говорил, щеголяла в меховом бикини и высоких, кожаных, с ремнями вместо шнурков, сапогах на толстых подошвах.

Её полуорчихе это шло, я лично не был против.

Страннее всего изменился Рома. Он по прежнему был собой. Вот только его лицо стало как будто лет на десять старше. И если в жизни у него была добродушная улыбка и прямой взгляд, теперь его физиономия была очень подозрительное на вид. Этакая крысиная мордочка, бегающие глазки, настороженный взгляд. На одежде добавилось карманов, на куртке появились кожаные накладки. Он и сам нашел и с удивлением продемонстрировал появившийся нож в ножнах, спрятанных под рукавом.

Но сильнее всех, конечно, изменилась Настенька. Дело не только в смене пола. Помимо орлиного профиля и взгляда черных глаз, она щеголяла в сложно сшитой одежде, похожей на прикид графа Дракулы. С настолько широкополой шляпой, что под ней можно было спрятаться от дождя втроем. А ещё, если все остальные говорили теми же голосами и с теми же интонациями, голос у Настеньки стал суше, ниже, и резче.

Короче, именно об это я думал, когда сказал:

— Жуткий видок, — глядя на стоящего на коленях старика, который сдавленно матерился, и выдавливал одной рукой из своей щеки яд на пол.

— Твоя пожутее будет! — огрызнулся на меня Настенька. — Смотри, как жрет!

Я обернулся. Сегодня я опять не дозволялся Кузи. Пришлось перебирать другие варианты. Теперь, будучи опытным теневиководом, я щупал их сознания, оценивая насколько они настроены на сотрудничество и достаточно ли сообразительны. Увы, по-настоящему вдумчиво этим заняться мне не дали.

Мы замечательно провели время в таверне. Пошустрили по Арсеналу, где добавились разделы с булавами, топорами и появились щиты в доспехах. Вооружились, одели кое-какие доспехи. Пили безвкусное пиво и много смеялись. И то, как нам хорошо было там, так же плохо всё пошло когда мы, наконец, пошли на дело.

Наши новички спеклись, едва увидев теневигов. Вячик честно пытался поддержать боевой дух нашего пополнения, но все было тщетно — ребята быстро потонули в унынии и искали только люк, через который можно впасть в панику.

Поэтому я и схватил первого попавшегося теневика, который показался мне достаточно исполнительным. Уже выйдя из храма, я обнаружил, что это просто рогатый череп.

Впрочем, как ни странно, это даже немного помогло. Общими усилиями теневику дали имя “Хемчик”. Свободное прочтение аббревиатуры Хеви Метал. Но труп здорового паука на входе в затянутую паутиной нору, заставил разговоры стихнуть. А потом еще эта неприятность с Настенькой.

— Я вообще не понимаю, как он смог до тебя добраться, — вдруг сказал Рома. — Насть, он же должен был на носу у тебя повиснуть!

Полуорчиха Эделины прыснула, прикрыв рот с клыками ладошкой.

Старикан злобно посмотрел на нашего плута. Нахлобучил на лысую башку шляпу, встал и сказал:

— Прокляну!

Тут уже захихикали все.

— Как ты? — спросил Вячик, помогая Насте встать.

— Сначала испугалась. Прямо сильно. Аж заорала. А потом поняла, что не больно. И успокоилась. А потом чернота вместо крови потекла, немного напрягло. Но вроде нормально все, — старикан говорил сухо, отрывисто. У меня аж голова заболела, в попытках совместить этого угрюмого хмыря и Настеньку в одно целое.

— Да это понятно. Смотри, как это работает. Серый, скинь пиджак в сторону, — опросил меня Вячик.

Для этого мне пришлось сначала снять броню — всю ту же, кожаную, прикушенную. В такой же щеголяли сейчас тетка и Роман. На полуорчиху Эделину она не налезла. А из-за внушительных буферов, не удалось приладить и бронешиток, как у Вячика. Так что она как настоящий варвар, шла в бой практически нагой.

Я снял пиджак, бросил в сторону.

— Пока привал, минуты три. Следим за пиджаком.

Я продолжил охоту на пауков. Их было мало, но я находил то одного, то второго. Хемчик, несмотря на явный голод, послушно приближался и “ел” трупы паучков только после того, как я убеждался, что те точно трупы. Надо было его беречь. Теневик на глазах наливался чернотой, рога заострились, пасть слегка выдвинулась, клыки удлинились. И, кажется, даже наметился позвонок шеи. Может, я его, однажды, до полной комплектности так выкормлю?

— Он, что, растворяется? — изумился тетка и дернул себя за косы на подбородке. Они ему явно мешали. Говорил он про пиджак.

— Типа того, — подтвердил Вячик. — Внимание, фокус с исчезновением!

Он подошел к моему пиджаку, протянул лапу, и ткань, распадаясь на дымные нити, стала втягиваться в него.

— Это то, из чего мы состоим. Мы просто имитация, понятно? Кстати, если нас убьют, то от нас остаются кости. Их надо будет потом найти...

— Да ты говорил! — перебил его нетерпеливо переминающийся у ведущей в цвергский коридор круглой двери Рома. — Может, дальше уже пойдём?

— Подожди, Ром. Серый, как охота? — спросил у меня Вячик.

— Походу всех крупных я переловил, — доложил я. — Осталась либо совсем мелочь, либо хорошо попрятались.

— Тогда двинули! — скомандовал Вячик.

Мы прошли к круглой двери, вызвавшей молчаливое любопытство у остальных. И в два приема перетащили всех за неё. Истерик никто не устраивал — мы с Вячиком вели себя

спокойно и тем самым задавали тон. Люди инстинктивно перенимают правила поведения. Поэтому новички так, поматерились немного. Но минут пять пришлось подождать, пока они пришли в себя. Рома сидел, обняв себя за колени и тихонько поскуливал. Эделина, бугрилась мышцами в попытках сдержать рвоту. Кстати, меня тут никогда не мутило. Явно что-то психологическое. Тёзка тяжело и шумно дышал, торча столбом. Лучше всех справилась Настенька. Видимо, паук на лице помогает душевному равновесию. Или настолько его рушит, что потом уже не заметно.

Осторожно перебрались через плиту-ловушку, добрались до комнаты со смотровой щелью. И вот тут Ромыч меня удивил. Пока мы откупорили щель и всматривались в темноту, он нашел замаскированный глазок рядом с дверью, ведущей дальше. Отверстие, в которое можно просунуть разве что палец (наш, не цвергский), было аккуратно замазано смесью мха и каменной крошки так, что полностью сливалось с поверхностью стены.

— Шшш! — зашипел он на нас. И подозвал поближе.

За дверью, была... Пожалуй, это можно назвать стрелковой галереей. Метрах в тридцати, у шгуки, похожей на стационарный рупор, сделанной из кожи и толстого рога, сидела парочка цвергов. Один кемарил, второй зорко поглядывал в темноту за бойницами.

Мы, не сговариваясь, перешли на шепот. Хотя и до этого старались не шуметь. План дальнейших действий был уже пять раз обсужден еще в таверне, но Вячик проговорил его ещё раз.

Для любого плана нужны были исходные данные. Мозговой штурм, в котором, внезапно, вела Настенька, дал нам примерно следующую диспозицию. Цверги, в коридоры которых мы попали, торгуют безопасным проходом к тронному залу. Бассейн, из которого выныриваем мы, для остальных является универсальным порталом. По всей видимости, руины, которые его окружают, довольно опасны. Поэтому цверги прорыли тоннели прямо через мост, который относительно безопасен и выходит недалеко от цели. И берут плату за проход по нему.

Этакие паромщики местного разлива.

Мы решили, что было бы неплохо наладить с ними контакт. Может, выполнить пару квестов. Освободить голых девок рвался только Вячик, остальные отнеслись к этой идее крайне сдержанно. Решив, для начала, прояснить обстановочку. И я их понимал, обстановочка и в самом деле была мутная. А главное, никто не горел желанием становиться шахтером. Это было вдвойне обидно, ведь только ради этого мы и привлекли новых людей. Однако, мы с Вячиком оказались в меньшинстве. Мы с ним решили, что, в принципе, поговорить с местными цвергами, не самая плохая идея. А дальше посмотрим.

Под угрожающее рычание Вячика, который пообещал лично отгрызть ногти каждому, кто заорет, мы взялись за руки, и мой теневик протащил всю вереницу через щель.

Они не орали.

Нам помогло, что умняша Хемчик вытащил нас чуть в стороне от сторожки цвергов. Вокруг все было завалено здоровенными каменными обломками, превращая местность чуть ли не в лабиринт. Одна глыба надежно скрывала нас от взора цвергов. Как только остальные отдышались, мы сделали небольшой крюк, отошли подальше от смотровой щели, подойдя к сторожке с другой стороны.

Пока шли, мы активно вертели по сторонам головами, пытаясь понять, где мы. Из смотровой щели просматривалась только небольшая расчищенная площадка. А сейчас мы увидели, перед чем она расположена.

— Дворец? — предположил Вячик. — Большой.

— Был бы целый, потянул бы на чудо света. Хотя, они же тоже все разрушены. Так что вписывается, — ехидно добавила Настя. Или добавил? Да твою мать, задрали с этим кроссполом!

Да, когда-то тут был город. И хотя он был вырублен прямо в скале, он не производил впечатления замкнутости. Широкие и большие проходы, высокие потолки. Тонкие колонны вместо сплошны стен как те, что я видел в цвергском городе, Сорнокте. Руины бывшего величия. Могучие прямоугольные блоки и обломки гигантских статуй. Залы были высотой не меньше двадцати метров. Когда-то внутри были дома. И то, какие мы видели обломки говорило об их красоте. Мы фактически брели по руинам, как по дюнам в пустыне.

Даже частично разрушенный, этот город отличался от Сорнокта как коттеджный городок от бункера. Хотя дома и превратились в груды битого камня, в этих грудях было полно барельефов и прочих всяких украшений. И, походу, вокруг них были небольшие сады.

— Сюда что, атомную бомбу скинули, — вполголоса спросил наш “дварф”, нервно сжимая топор. Он выразил общую мысль. Масштаб разрушений впечатлял.

— Оплавления нету, — отозвался Роман. — И от взрывной волны по-другому бы легло. Нет, это все ручками натворили. Кто-то вот прямо не поленился.

Мы с Вячиком осторожно взобрались на высоко выступающую из руин стену и посмотрели туда, где по нашим расчетам должно было находиться убежище с пленницами. И обнаружили, что там стоит целый лагерь. Вместо костров были какие-то тусклые светильники, на фоне которых мелькали изломанные силуэты. До лагеря было километра два. В темноте свет виден очень далеко. Как-то через чур нагло. Или тут место куда спокойнее, чем в большой каверне? Странно. Еще одной загадкой больше. Надо было продолжать путь и мы спустились к остальным.

Вскоре наша группа вышла к тропе. Она заметно выделялась среди остальных развалин. Когда-то, надо думать, тут была центральная улица. Все еще высились по сторонам остатки чего-то большого и пафосного. Может ЦУМы всякие, а может триумфальные арки.

— Подождите, надо свет зажечь! — вспомнил Вячик, когда до цвергской сторожки оставалось шагов сто. Мы сгрудились за толстой полигональной стеной и достали свечи из заплечных мешков. Их Вячик предусмотрительно положил на стол перед отправкой. И они перенеслись с нами. Как и спички.

Дальше мы двинулись, со свечами в руках. Вернее, только с двумя. Приходилось прикрывать их ладошками пока идешь. Хорошо, что в подземелье ветра нет. Я взять хоть одну отказался наотрез — она меня напрочь слепила. Рома и Вячик тоже отказались — свечи несли “дварф” и Настенька. Которая по-стариковски скрипела, что теперь она самая лучшая мишень. Подойдя к расчищенной площадке, мы с трудом рассмотрели бойницы, за которыми скрывались цверги. Наша щель оказалась ловко вписана в сколы камня, и я не смог её найти взглядом, даже зная, где она. Вячик вышел вперед, и поднял руки, будто сдаваясь.

— Мы путники из дальних мест, — прокаркал он на цвергском. То, что он его теперь знает, в свое время повергло Вячика в шок. Даже то, что он лев, его почти не удивило. А вот новый язык в арсенале потряс его до глубины души. — Мы при...

“Пришли с миром” — универсальная формула. С этим все согласились. Отличная формулировка. Не допускает разночтений. Но договорить её Вячик не успел.

— Потушите свет, придурки! — сдавленно рявкнули из стены. — Быстрее, чтоб вас дуль

в дупу...

После секундного замешательства мы выполнили приказ. В принципе, так нам было даже лучше — в темноте мы видели, как я подозревал, даже лучше цвергов. А они, в свою очередь, были местными чемпионами по экономии на освещении.

— У нас осада! Как вы пробрались мимо гноллов? Встаньте ближе! И кто ты вообще такой, я таких никогда не видел! Ты гнолл?!

— Нет, я не гнолл! — немедленно прорычал Вячик и тут же перевел разговор — Кто вас осаждает?

— Да гноллы же. Не, я вижу, что ты не гнолл. Но похож. А кто ты? — судя по голосу, цверг был очень молод. Может, даже подросток. Угрожающие интонации еще не стали второй натурой, то и дело их перекрывало удивление или любопытство.

— Я леонид, мы... Мой народ великие войны! А почему гноллы вас осаждают? И где они? — Вячик тоже понял, что этот цверг может оказаться хорошим источником информации. И торопился задать вопросы.

— Да тут такое дело... Перехода три назад, пришли тупые гигару. И решили перед тем, как дальше идти, сходить к гноллам. Либо едой разжиться, либо пару туш взять на мясо, в дорогу. Видать, не срослось у них, — хихикнул цверг. Технически, он сказал “камень раскололся не так, как ожидалось”, но это у цвергов одно слово, а мой перевод не отражает полностью глубину иронии. — Вернулось парочка. А мы им перед тем убежище дали. И эти дуры, вместо того, чтобы помереть нормально, привели гноллов прямо к нашему убежищу. Сейчас гноллы их у выхода караулят, ждут когда у гигару запасы кончатся. А откуда вы пришли? И как мимо них прошли?

— Мы с того берега моря... — ответил Вячик и запнулся.

— Моря?! — ахнул цверг из темноты. Я тоже удивился. В языке цвергов, оказывается, есть понятие моря. И неба. И они... Это как если бы Вячик сказал что из рая, человеку который твердо знает, что рай существует.

— Шучу, — рыкнул Вячеслав, пытаюсь выкрутиться. — Это такое выражение из моего языка. Означает, что очень издалека.

— Что тебе надо, путешествующий за стенами? — Это был другой голос. Уверенный бас человека, то есть цверга, привыкшего к подчинению. Кажется, именно этот голос вел переговоры в прошлый раз. Похоже, на переговоры прибыло начальство.

— Мы бы хотели пройти к черному portalу, — ответил Вячеслав, после секундной заминки.

— Тогда тебе придется убить гноллов, что осаждают нас, — немедленно ответил басистый цверг.

— Это, — Вячеслав подумал, подбирая слова. — Слишком дорого.

— Это не плата. Вы зажигали свет и говорили слишком громко. И сейчас они идут сюда. Теперь вам придется драться за то, чтобы мясо осталось на ваших костях.

Вячик обернулся ко мне. Я взобрался на ближайшие руины и посмотрел в сторону далекого лагеря. Как теперь стало понятно, лагеря гноллов. Светильники двигались к нам. Очень быстро.

Глава 22. Схватка

Если вам вдруг случится драться рядом с цвергской крепостью — имейте ввиду, они замучают вас советами.

— Встаньте поближе к стене. Не так близко! По левую руку у нас ловушки! — гремел бас через рупор.

— Доставайте щиты! Вам нужны щиты, без щитов гноллы вас порвут! — визжал баском первый говоривший.

— Да бегите! Их много! — говорил третий голос.

— Мы отсюда их всех постреляем, вы главное продержитесь! — орал другой.

— Аррргх! — громогласно прорычал Вячик, запрокинув голову назад. Рык был впечатляющий, заткнулись даже гноллы, мерзко хихикающие вдалеке.

— Серега, который дварф, у тебя щит, встань вперед. Серый, ты справа от него. Эля ты за ним, на шаг назад! — командовал Вячик. — Настя, Рома, держитесь сзади. Будете помогать из глубины!

Несмотря на всю простоту построения, мы едва успели. Не то, чтобы гноллы бежали так уж быстро, просто мы бестолково толкались, пока Вячик прямо лапами не начал нас строить.

Первыми мы увидели светильники. Бесформенные мешки, очень похоже на высушенные мочевые пузыри или что-то такое, в которых были напиханы светящиеся личинки. Эта жуткая дрянь висела на кривых палках за спинами четверки самых здоровых гноллов, появившихся первыми. Выглядели они как гиены, которых поставили на задние лапы и лишь слегка придали сходство с человеком. Кажется, у них даже пальцы были не противостоящие на лапах. Зато с массивными когтями. А на теле броня из кусков кожи и костей. Видно было, что гноллы не очень умеют во всякие рукоделия. Похоже, они буквально приматывали к себе веревками то, что смогли от кого-то отодрать. Но даже если это из-за строения лап, им это не мешало сжимать в руках дубины и каменные топоры. Грубые, уродливые, и неприятно острые на сколах булыжники попросту примотанные к кривым палкам. То, что броня у “светоносцев”, явно была трофеем, подсказывал и её знакомый внешний вид. Я даже знал с кого гноллы сняли некоторые щитки — шипы гигару ни с чем не спутать.

Появившись в отдалении, гноллы взобрались на руины повыше и стали метать в нас камни. Довольно ловко. Мне пришлось пригнуться — один летел точно мне в голову. Из бойниц цвергов в ответ полетели стрелы и... тоже камни. Поменьше. Но быстрее. Наверно, мечут из пращей. Стреляли цверги ужасно — я не заметил, чтобы хоть один их снаряд хотя бы рядом с гноллом пролетел. Воздух наполнился, как ватой, гиеными воплями и визгливым смехом. Я перестал слышать даже свои мысли. Только рык Вячика смог пробиться через эту какофонию:

— Стоим! Стоять! Они заманивают! — рычал он.

Следующие, томительно длинные, мучительно напряженные минуты мы провели под обстрелом. А потом я даже начал привыкать к летящим в нас камням. Все же гноллы опасались подходить слишком близко. Пытались забросать нас метров с двадцати. Камни на таком расстоянии теряли убойную силу. Да и летели вовсе не так точно, как мне показалось с перепугу вначале. За все время только один гнолл попал таки тезде в щит, а второй задел шляпу Насте, даже не сумев её сбить с лысой головы.

— Стоим! Стоим! — периодически рычал Вячик, изредка лениво отклоняясь от потенциально опасных булыжников.

И тут один гнолл завизжал, затряс лапой, которую только что вскинул для броска. В ней торчал короткий арбалетный болт. Даже насквозь не пробил. Может в кость воткнулся? В любом случае, это вывело гноллов из равновесия. Они завизжали особенно злобно и из темноты развалин на нас хлынула целая волна гноллов поменьше.

Вначале нас захлестнул оглушающий визг и мерзкий хохот, и я заорал в ответ, не слыша себя. Их было так много, что я просто не видел ничего вокруг за гиеными мордами с оскаленными пастьями. Помню, в детве на меня однажды бродячие собаки напали. Ну, как напали. Облаяли. Я испытал схожий, морозящий само сердце ужас. Но я больше не ребенок. С трудом, преодолевая дрожь и желание орать, плакать и бежать, я вскинул руку с заранее припасенным перцовым баллончиком, чтобы брызнуть им прямо в рожи.

Эта дрянь не сработала. Уж не знаю, что там с ним случилось во время переноса, но эта хрень даже не попыталась пшикнуть. Кнопка не нажалась. Вот же дермище. Я бросил бесполезный баллончик в рожу ближайшего гнолла, вооруженного странной, сшитой из кожи, гибкой дубиной. Он завизжал еще сильнее, хотя кажется, это было невозможно. Притормозил и замахнулся своим оружием. Я сделал шаг ему навстречу и ловким, быстрым движением, воткнул ему свой меч в грудь. Удачно получилось попасть в место, не прикрытое шкурой с грубо нашитыми костями.

Сделать так же круто, как однажды это провернули со мной, у меня не получилось — мое черное лезвие едва вошло сантиметра на четыре. Но на четыре сантиметров вошло. Гнолл завопил, выронил дубину и отшатнулся, зажимая рану лапами. И попятился назад, подальше от меня. Ой, ты же только что прямо весь слюнями исходил? Куда же ты? Что, сука, я не вкусный?

Вдоволь позлорадствовать я не успел — едва успел увернуться от копья с хищным каменным наконечником. Отомстить я не успел — вопящая рожа копыеносца скрылась в толпе. Меня толкнули в бок, потом другая тварь попыталась всадить обломок кости в бок. Но тут я же успел — рубанул тварь поперек пасти. И тут же всадил меч в длинную жилистую шею, слишком уж удачно подвернувшуюся под удар. На мне кто-то повис. И еще один. От мощного толчка я полетел на землю. В последний момент умудрившись упасть всем весом на своего противника. Заработал локтями и кулаками, выкрутился, вскочил на ноги и понял, что потерял свой меч. Тут мне в лицо прилетело дубиной. К счастью не плоским каменным навершием, с хищными, острыми сколами, но мне хватило, чтобы опять рухнуть с копыт. Кажется, у меня аж ножки вверх взбрыкнули. Я остался лежать, схватившись руками за лицо. На секунду застыл в ужасе, ожидая вспышки жуткой боли, но её не последовало. Даже лицо помяли не так сильно, как спину и леву руку. Судя по ощущениям. Я посмотрел на руку. Ниже локтя она была разрублена до кости и истекала чернотой. Когда успели? Кстати, а почему меня никто не пинает?

Сверху нависла тень, я дернулся закрываясь рукой и осмотрелся ища оружие. Обрадованно схватил валяющийся рядом топорик, сделанный из бронзового обломка меча.

— Вставай! — крикнули мне по-русски. Я посмотрел внимательнее, и понял, что надо мной стоит Эделина, протягивая руку. Левая сторона её лица была изуродована страшной раной. Как арбуз надрезали, а потом клыками рвали. Она протягивала мне правую руку, тяжело опираясь на свой молот. — Руку дай!

Я машинально схватил протянутую руку и с её помощью встал на ноги. Помощь была

кстати, на меня вдруг накатила усталость и сам бы я так быстро не встал.

— Они убегают! — радостно заорал рядом Рома. Я оглянулся на него, успев увидеть, как он, сжимая в каждой руке по длинному узкому кинжалу, промелькнул мимо меня, в несколько прыжков догнал скулящего и подволакивающего ногу гнолла. И воткнул сразу оба кинжала ему в почки. Блохастая тварь завизжала и рухнула мордой вперед, все еще дергалась и скребя когтями землю. Рома побежал дальше.

— Назад! — услышал я командирский рык Вячеслава. Он потерял свой молот и сейчас сжимал в руках оружие гноллов. Черные, густые ленты дыма выходили сразу из десятка ран на его руках, ногах, груди.

— Берем раненых и отходим к тоннелю! — прорычал он.

В стене, за бойницами, восторженно орали цверги. Они так радовались, как будто это они всех убили. Я плохо помню, как мы добрались назад. Идти в руины было страшно, я все время ждал что сейчас из-за камней выпрыгнут десятки пятнистых тел с оскаленными пастями. Но гноллы и в самом деле сбежали. Их светильники мелькали где-то далеко в стороне.

— Их что-то отвлекло, — прокаркал Настя. Похоже, он и Рома были единственные, кто отделался сравнительно легко. В спине “дварфа” торчал обломок копья. Не стали вытаскивать, боясь что тот изойдет дымом. А так он даже шел сам. Только слегка пошатывался. Вячик и Эделина тоже шли сами, но они скорее волочились, а я вот совсем спекся. Меня буквально тащил на себе Рома.

— Веселее, веселее, еще шажок! — подбадривал он меня. — Только не танцуй, не танцуй, тверже ногу ставь.

Помню, как я с трудом дозволялся теневика. Тот отожрался на гнольских трупах как следует. Отрастил себе длинный хвост. И не появлялся, когда не сожрал все, что он там жрал у трупов.

По дороге назад, уже после того как теневик затащил нас в тоннель и мы добрались до логова паука, тезка опустился на колени, и сказал:

— Все. Больше не могу. Я отчаливаю, — и упал лицом вперед. Настя потряс его ногой. Без всякого уважения.

— Готов! — ну до чего мерзкий голос у этого лысого старика.

Помещение быстро окуталось дымом — наш “дварф” точно умер, и стал буквально распадаться на темные лоскуты. Утробно рыча, Вячик схватил его дымящийся труп и поволок дальше. Следующей, скорее всего, должна была дозреть Эделина. Её тащил Настенька, и она выглядела ужасно грустной, несмотря на то, что рана на её лице оканчивалась в уголке рта, раздвигая губы в пародии на кривую усмешку.

А может, следующим бы был я. Я уже поймал себя на знакомом, холодном чувстве безразличия. Точно такое я испытывал в самый первый раз, перед смертью. И тут меня, наконец, бросили в бассейн.

Таверны не было. Перебросило сразу домой. Мы очнулись резко, рывком. Как всегда в реальном мире, я был первым.

Чуть погода со столешницы оторвал голову тезка. И первым делом ощупал подбородок. С облегчением вздохнул, не обнаружив там никаких ужасных кос. Ойкнула, раскрывая глаза Настя, матюкнулась Эделина. Шумно вдохнул, приходя в себя, Вячеслав.

Над столом повисла тишина. Все убрали с него руки и старались к нему не прикасаться.

— Ну что, как игра? Понравилась? Будем запускать сессию? — спросил Вячик. Весело

обвел взглядом вытянувшиеся лица. И, запрокинув голову, громко и басовито расхохотался. Совершенно точно, с небольшим львиным порыванием.

Глава 23. Непонятные разговоры

— Ты бы все же сходил к Марату. Извинился, — сказал Семён Александрович, старательно делая вид, что ему очень важно не пропустить следующий сфетовор. Даже быстрый взгляд на меня не кинул.

— За что? — поднял брови я.

После нашей, не самой удачной, вылазки, прошло почти два дня. В первый же день мы устроили небольшую пьянку в караоке. Вячик, внезапно, раздал новичкам деньги. По пятьдесят тысяч — я теперь легко определяю по пачкам, сколько денег. И туманно намекнул, что с работы им надо будет уйти. Свежая кровь пополнения добавила множество лишних движений. Они создали новый чат, добавили меня туда. И настрачивали по полтысячи сообщений каждые пару часов. Я устал читать, решив положиться в этом на Вячика.

Нельзя сказать, что там были только хохмочки и дикие теории. Были и полезные начинания. Оказалось, что у Ромы дядя работает охранником при гражданах, приговоренных к изоляции от общества. И они, в том числе, подрабатывают производством на заказ вполне сносных реплик холодного оружия. Было принято решение заказать пробную партию бронзовых мечей и топоров.

Я, к стыду своему признаться, весь следующий день после похода, провалялся в доме. Формально я наблюдал за теневиками — Хемик увязался за мной и мне показалось, что Кенни его планируют съесть. Я ему, конечно, запретил. Но надо было следить. Следил я, в основном, во сне.

Может это был просто психологический отходняк. В конце концов, к обеду следующего дня я раскачался, сложил вещи в два чемодана вещи, которые хотел взять в свою новую квартиру... Пока собирался, нашел забытый портфель, который Кенни притащил, когда-то очень давно, из администрации. Тот, который слишком приметный. Перед тем как завернуть его в пакет и выкинуть в мусор, тщательно проверил карманы. Помимо пары тощих пачек с баксами я обнаружил и то, что придавала этой сумочке веса.

Это оказался пистолет. Тяжелый, увесистый. Линии его корпуса очаровывали той особой красотой, присущей дорогим вещам. Сдержанные, темные тона металла корпуса и пластика рукояти притворялись скромными, на деле буквально крича о своей престижности. Пистолет я не узнал. В Контре таких нет. Повертев, нашел кучу надписей, единственная хорошо различимая, из трех заглавных букв, USP.

К пистолету нашлись запасной магазин, пустой. И коробка на тридцать два патрона. Думаю понятно, что оружием я был просто очарован. Немного походил с ним по комнате. Попугал свое отражение в зеркале.

Злая тяжесть машинки для убийств действовала успокаивающе. Но кобуры для неё не было а мой, пусть специфический, но боевой опыт заставлял относиться к оружию с оттенком профессионализма. Это очень полезный инструмент, поэтому его надо содержать и обслуживать. Я спрятал пистолет в отдельный карман спортивной сумки, решив, что позже разберусь, как за ним ухаживать. И как из него стрелять.

Потом начал собираться, ходя по дому и бросая в сумку вещи, которые хотел забрать с собой на новую квартиру. Честно говоря, получилось, что хотел я взять с собой, в основном, деньги. И тут в дверь позвонили.

Внимательно осмотревшись, я убедился, что ничего подозрительного в квартире я не оставил. Если не считать заклеенных окон. Как у психа, рваными пакетами. Но что поделать, не может же всё быть хорошо. На моё осторожное:

— Кто там?

Из-за двери раздался голос Семёна Александровича. Я открыл дверь, и довольно радостно его поприветствовал. Поспрашивал, как у него дела. Как на работе. Отвечал ГИП односложно, стоял в прихожей, войти не просил. Увидел чемоданы. Я объяснил, что переезжаю. Он вызвался подвезти. Я с радостью согласился — сэкономить на такси всегда приятно.

Немного ржавая и слегка битая "Нива" Семёна Александровича была как всегда буквально завалена чертежами и мне пришлось потрудиться, расчищая место для своего могучего желтого чемодана. Чемодан в Ниве выглядел чужеродно, как бластер в руках дикаря. А вот спортивная сумка с пожитками и пистолетом, легла как родная.

Зря я согласился с ним ехать. На обратном пути ГИП заладил про "сходи, извинись перед Маратом". Сначала я даже растерялся. За что?

Оказывается, они никак не могут найти человека на моё место. Вернее, нашли, но вдруг выяснилось, что мой объем никто не соглашается тянуть в одиночку. И им пришлось брать двух. Да и то, сразу после института. Поэтому, еще третья тетка на полставки за ними проверяла. Семён Александрович с досадой проговорился: "Еще и платят, как мне! Обоим".

— Зато молодые специалисты. В вашем коллективе вырастут, всему научатся. Прямо как раньше. Помните, вы жаловались, что нет обучения после института? — не отказал себе в удовольствии позлорадствовать я.

— Сроки горят. А я говорил Марату, давай на аутсорс отдадим. Он как всегда: "Я хочу чтобы перед глазами сидел, чтобы я сам видел, что он делает!". Досмотрелся. В экспертизу без твоего раздела отдали. Там взбеленились... Сказали "Вы проектная кампания или пирожками торгуете?". Марат злится, тебя во всем винит. Ты бы хоть позвонил ему? Может поможешь доделать? Так-то ведь работа твоя, Сергей, как ни крути...

— Нет, — отрезал я. Меня это уже начало раздражать. Надо было на такси ехать. Что у меня, денег нет?

— И по договору месяц отработки, — продолжал Семён Александрович, будто не слыша.

— По статье увольте, — посоветовал я. — За прогулы.

Это его проняло. Он посмотрел на меня. Помолчал.

— Жаль, — наконец вздохнул ГИП. Остаток пути мы проехали молча. Сухо попрощавшись, я вытащил свои чемоданы из "Нивы" ГИПа и пошел к своему новому подъезду. Двор тут был хороший, ухоженный. Аккуратно все окрашено. На лавочке бабушки в смешных шляпках. Ко мне медленно вернулось хорошее настроение.

— Значит, на удаленку с Москвой сел, — вместо прощания сказал мне ГИП. Мне оставалось только кивнуть его счастливой догадке и он уехал.

Потом я ходил к сеансу у психотерапевта и почувствовал, что снова готов сдохнуть. С таким заявлением я и обратился в общий чат. Вячик быстро назначил время встречи, решительно зарубив на корню все просьбы новичков привести знакомых, и даже заказал на это время пиццы и сладкой воды. И пару пятилитровок простой воды. После "сессии" очень хотелось пить и есть.

Перед тем как рассесться, Рома положил на черную столешницу бронзовый браслет.

Красивый, со стразами и черепом.

— Дядя маме подарил, — объяснил он. — Заодно и проверим, работает или нет, с бронзой. Только он говорит, бронза мягкая. Как металл. Меч не сделать. Я же ему сказал, что мечи типо для реконструкторов. Но нужны реплики, которыми прямо драться можно...

— Да, я гуглил. Короче, есть берилловая, она схожа по характеристикам с плохенькой сталью. Инструментарная, в Союзе делали, но и сейчас купить можно. Я даже находил, где... — встрял мой тезка. Он вообще зануда.

— О, Серега, молодец! — совершенно напрасно, на мой взгляд, поддержал его Вячеслав. — Скинь мне сылку!

— Стоп! — рявкнул я. — Давайте нас как-то будем отличать? А то в бою будет опять “Сергей, да не ты Сергей, а другой Сергей!”.

— Согласен, — кивнул тезка. — Раньше такой проблемы не было, потому что имена у персонажей были разные. Поэтому предлагаю звать меня по имени персонажа.

— А имя персонажа у тебя какое? — вопросительно протянула Эделина.

— Копкоп! — гордо ответил тезка. Иногда я ловлю себя на мысли, что все Сергей со странностями.

— Серьезно? — переспросила Настя и хихикнула. И уже немного испуганно снова переспросила. — Нет, ты что, серьезно?

Сегодня она была в мешковатой одежде. Штаны, куртка с капюшоном. Я сдержался, чтобы не попросить её изменить персонажа. Хотя очень хотелось.

— Я два месяца прорабатывал этого персонажа, — вздохнул тезка.

— Ага, мы видели. Бороду особенно, — кивнула Эделина.

— Хочу оставить от него хотя бы имя. Как память. Я настаиваю.

— Ладно. Копкоп, так Копкоп. Чо бы и нет-то? — примирительно проговорил Вячеслав. Мне показалось, или он уже урчать начал. Я присмотрелся к нему повнимательнее. Он давно не брился, и у него выросли бакенбарды. Лицо немного изменилось. Будто огрубело. Взгляд стал тверже. И, кажется, живот заметно подтянулся. Он заметил мой взгляд, хлопнул себя по брюху и довольно хихикнул:

— Ну, что ребята, никто не заметил в себе изменений со вчерашнего?

— У меня мышцы в тонус пришли, — сказал... Копкоп, паука ему в бороду.

— Я вчера вилку поймал, которая со стола упала, — доложил Рома. — На лету! И мышцы выросли!

Эделина встала, молча сняла кофту, оставшись в футболке. Закатала рукав. И напрягла руку.

— Я погорячился, — присвистнул Копкоп. — Моим мышцам еще расти и расти.

— Вот это называется в тонус прийти. И минус двенадцать сантиметров в талии! — гордо сказала Эделина и победно обвела нас взглядом.

— А у меня сиськи выросли. Сильно, — буркнула Анастасия. Наткнулась на наши внимательные взгляды и тут же добавила. — Показывать не буду.

— Это странно... — протянул Копкоп. — По идее должно быть наоборот...

— Не факт, — с полуслова понял его Вячик. — Не факт, что мы превращаемся в наших персонажей. К тому же, как выясняется, мы можем там, — он выразительно посмотрел на черную столешницу перед собой. — Очень разными быть. Мы, скорее, лечимся. Или в норму приходим.

Вячеслав снял очки. Показал на стекла.

— Это нулевки. Позавчера купил. У меня уже три дня, как стопроцентное зрение. Сейчас эти обманки ношу, чтобы вопросов не задавали, — Вячик надел очки обратно.

— Сказал бы, что операцию сделал, — тут же осчастливил всех своей мудростью Копокп.

— У меня кератоконус. Это не операбельно. Я, честно говоря, планировал лет через десять ослепнуть, — Вячик печально улыбнулся.

— Так, — я хотел было хлопнуть по столу, но сдержался. — В таверне всё обсудите. Давайте, в путь, время приключений!

— Подожди, а какой план на сессию? — засуетился Копокп, явно в последний момент труся.

— Вот в таверне и обсудим, — успокаивающе сказал Вячик. — Потом Сереге расскажем, и он все испортит. Чем быстрее, тем лучше! Ну, взяли за руки, как для молитвы...

Глава 24. Спелеологический ужастик

Многие любят подземелья. В самом деле, есть в них что-то таинственное и притягательное. И, должен сказать, я хоть и только начинающий спелеолог, но тоже проникся. Местные пещеры, они такие... Запоминающиеся. Есть в них что-то волшебное. Сказочное. Страшно сказочное, аж жуть. Вот и сейчас, вокруг вид — красоты неопишутельные.

Разноцветные, мягкие огни мхов, похожие на кораллы ажурные наросты, поросли гигантских грибов. Рои светящихся насекомых размером с кулак. Все это меняет свет, вспыхивает то ярче, то притухает, перемигиваются, как более утонченная и скромная версия улиц Лас-Вегаса. А на фоне — загадочные руины, впечатляющие своими гигантскими размерами. А среди руин — вызывающие жгучее любопытство и мысли о сокровищах провалы и проходы. Но, вместо того, чтобы всем этим любоваться, я плююсь под юбку Анастасии.

Я не специально. Нет, не хочу сказать, что зрелище отвратное — к великому счастью Настенька пересобралась в таверне, и привела свою местную версию в соответствие с... Со своими представлениями о прекрасном. Сейчас она выглядела как Мартиша из семейки Адамс, с лицом Насти. Немного улучшенным лицом. Смахивала на жертву не самой удачной пластики. Но кто я такой, чтобы судить. А вот ножки у неё огонь. И бюст выдающийся, теперь может с полуорчихой поспорить габаритами. И она мастерски использовала возможности нашей генерации, заполучив обтягивающее платье.

Почему я так подробно на этом останавливаюсь? Потому что прямо сейчас я вцепился в белые Настенькиные бедра, разрывая пальцами тонкую черную ткань, и прижимаюсь лицом к её заднице. Одной рукой я пытаюсь срезать шнурки на её кожаной броне. И, мысли мои, ожидаемо, вертятся вокруг её фигуры.

Настенька вопит. Отчаянно, дико, громко. И, заметьте, не на меня. Минуту назад из темноты сверху на неё упала сеть с мутными крупными каплями клея, прилипла к шляпе и спине. Хорошо прилипла, потому как тут же уверенно потащила её наверх, как кошку на шлейке. Я успел среагировать и схватить её за ноги.

У неё была широкополая, островерхая шляпа, как у Гэндальфа, и большая часть клейкой паутины прилипло к полям шляпы. На кожаную кирасу упало совсем чуть, и сейчас, под нашим с Настей весом, клейкая субстанция растягивалась, как жвачка. Может, отчасти поэтому мне еще удавалось удерживать бедняжку. Но паутина не отклеивалась не рвалась.

Из темноты полетели ещё липкие нити, но теперь мы были настороже и легко от них увернулись.

Рома с разбегу вскочил мне на плечи и пилил паутину над головой Насти. Черные кинжалы её не брали совсем. Но топором из обломка бронзового меча она начала поддаваться.

— Держись! Есть! Ща! Ща! Почти! — азартно орал Рома, но я чувствовал, что мои ноги тоже отрываются от земли и в успехи его не верил.

Вячеслав, Копокон и Эделина лезли наверх, намереваясь выяснить, кто это там такой ловкий, нашу Настеньку подсек.

Мне эта идея не нравилась. Засада больно хороша. Место, в которое уходила веревка, было скрыто даже от моего зрения. Возможно, это из-за вон того зеленого “коралла”, который засвечивал мне взгляд и создавал некий аналог тени. Забраться туда было бы для меня в реальном мире невозможно. Почти отвесные стены с редкими трещинами. Но

Вячеслав и Эделина ползли наверх, как два альпиниста на заявке для книги рекордов Гиннеса. Бросая свои мускулистые тела высоко вверх в опасных прыжках, вбивая свои толстые пальцы в почти незаметные щели и повисая на ненадежных уступах, изредка соскальзывая вниз, но помогая друг другу, страхуя, всегда успевали поддержать.

Копокоп от них далеко отстал. Фактически, он поднялся метра на полтора от пола.

Ткань платья Насти под моими руками разошлась, и я медленно свалился с неё, с обрывками её одежды в руках. В последний момент попытался уцепиться за пояс, но тот был слишком широкий, и слишком плотный. Я приземлился, не очень удачно, плюхнувшись на свою задницу. И с тоской посмотрел на голую её, медленно поднимающуюся вверх. Оказывается, нас подняли уже метра на три. В последний раз оценив прекрасные виды — и в этот раз я не о подземелье — я подхватил дубину и бросился в сторону.

Надо сказать, что сегодня все с самого начала пошло не так, как мне бы хотелось. Началось с того, что Хемчик наотрез отказался возвращаться со мной в подземелья. Как и Кенни в своё время. Не знаю, почему, но я разозлился. Такими темпами, я скоро всех теневиков в реальный мир перетаскаю. А найти хорошего теневика в наше время, ой как не просто. И тут выяснилось, что моё бешенство оказалось для Кенни и Хмечика, как порка. Короче, явился я во всеоружии, сразу с двумя теневиками. Вежливыми в мыслях и послушными в делах, но следить мыслями сразу за двумя оказалось очень трудно. Короче, я их игнорировал. Как бывает, не слышишь, что там говорит включенный для фона телевизор. Кенни вскрыл засаду вовремя, но я это понял, когда липкие нити уже летели вниз.

Когда мы уже появились в таверне, и пока я зачаровано пялился на новый образ Анастасии и на новый прикид Эделины, состоящий сплошь из узких кожаных ремешков, то пропустил как мы решили опять идти сначала к этим гадким цвергам, а не спасать прекрасных пленниц.

В этот разговор с цвергами был не информативный. Молодой страж с нами больше не общался, сразу появился тот уверенный бас и не ответил толком ни на один вопрос. Мы только узнали, что гноллы ушли. Нам сдержанно поведали, что гигару пытались ускользнуть, пока гноллы дрались с нами, но у них не получилось и они опять заперлись в убежище и сидят там. А гноллы, пересчитав потери, забрали своих мертвецов и уши. Кстати, мы их шесть штук перебили. А мне казалось, штук двадцать. Забавно. В честь этой победы нам предлагалось отправиться за девять переходов к другому поселению цвергов и сообщить, что путь безопасен.

Похоже, у "паромщиков" гноллы всех клиентов распугали, никто не торопился их тоннелем воспользоваться.

Мы отказались. Я рассказал Вячику, о том, что после первой своей смерти получил офигенные шрамы. После пауков ни у меня, ни у него таких не было. Зато после схватки с гноллами у всех на теле, в реальном мире, в местах ран были небольшие следы и раздражения, впрочем прошедшие через пару часов. Мы решили, что это может быть завязано на расстоянии от портала. Чем дальше, тем сильнее бьет по реальному телу. Откат, типа такой. Поэтому сильно отдаляться от нашего бассейна мы пока не спешили.

Таким образом, из "фракционных квестов", как выразился Вячеслав, у цвергов осталась только охота на удильщика. Ну, что сказать, похоже, мы его нашли.

Я прислушался к Кенни, и побежал на его "голос". На отвесную стену я не полез, потому что умница Хемчик успел разведать более удобный подъем. Для этого мне пришлось пробежать вдоль каменной стены метров тридцать. И честно говоря, мне было очень жутко

отдаляться от своих. Успокаивало только то, что если я нарвусь на чудище в одиночку и помру, прямо как в фильмах ужасов, то потом все равно возрожусь.

Я успел наверх чуть позже Вячика и Эделины. Но очень вовремя — они оказались в меньшинстве. Двое наших основных дамагера стояли на самом краю, бешено размахивая своими угловатыми топорами, а вокруг толпилось штук шесть... В общем, мне показалось, что это тоже пауки. Только очень странные. С копьями и щитами в лапах.

Судя по темным дымкам, тянущимся от руки и бедра Вячика, и от сиськи Эделины, их противники оказались даже поопасней гноллов. Хуже того, пока несколько удерживали моих коллег по опасным приключениям у самого края, двое ловко метали в них камни. А один продолжал поднимать паутину с помощью самой настоящей лебедки. Разве что, сделана она была по большей части из камня. Вот лебедочник и оказался ко мне ближе всего. Я взвился в воздух и с криком, в котором обещал пауку сексуальный контакт, обрушился на него всем весом. Вернее, воткнул ему в середину спины меч, а уже потом обрушился всем весом на рукоять меча.

Я очень переживал, что меч согнется, и все пойдет не по плану. Но мне, для разнообразия, повезло. Я буквально пригвоздил тварь к каменному полу. Оно ужасно жутко закричало, выпустило из лап рукоять лебедки и непривычно легко подохла. Вернее, оно еще дергалось, однако я с помощью наблюдавших за этим теневиков чувял — это уже агония.

Моё появление обескуражило и изумило остальных паучар. Чем тут же воспользовалась Эделина. Сделав отчаянно опасный выпад, в последний момент отбив в сторону наконечник копья, она обрушила свой топор на башку другой твари. Тварь хрюкнула, её башка хлюпнула, топор погнулся. Секунду ничего не происходило, а потом пораженный в макушку монстр упал и задергался. Для остальных это послужило сигналом к бегству.

Они бросились прочь, по сотканным из паутины сетям протянутым к соседней скале. Драпали, перебирая конечностями с паучьей ловкостью. Через секунду уже скрылись. Преследовать мы их не торопились. И не зря — через минуту они скинули свой веревочный мост в пропасть.

— Кавалерия прибыла! — заорал Копокоп, появляясь над краем каменной площадки. Ну, как появляясь. Пока он смог добраться только кончиками пальцев. Вячеслав недовольно рыкнул, наклонился, схватил нашего “дварфа” за руку и вытащил целиком. Копокоп тяжело дышал и настороженно осматривался.

— Что там у вас? — крикнул снизу Рома.

— Все нормально! — ответил ему Копокоп. — Всех убили! Мы всех, у нас никого!

— Молодцы! — порадовался за нас Роман.

— Так, ну и что? Тащить туши цвергам? Или достаточно только башки? — тут же озадачилась практическими вопросами Эделина.

— Давайте целиком, на всякий случай, — сказал Вячеслав.

Помимо двух резко воняющих туш, мы стали счастливыми обладателями копья с очень острым, хоть и каменным, наконечником. Маленького, сплетенного из паутины прямоугольного щита. И, внезапно, обнаружившегося в лапе у лебедочника, бронзового кинжала с очень широким лезвием.

— Не торопитесь, давайте тут задержимся чуток, — сказал я. — Хочу теневиков на разведку отправить.

— Трупы вниз скинуть надо. Ну, после вот этого, — брезгливо сказал Вячеслав, рассматривая, как Кенни что-то вытягивает из убитого существа. — А то тут кормежка у

него, боюсь трогать, еще кинется.

— Почему только ты ими можешь управлять? — спросил меня Копокп, проходя мимо. В этот раз он был похож на мускулистую версию себя, с густой окладистой бородой. Этаким настоящим русским мужиком.

— Класс такой, — нашелся я.

— Какой? — он остановился.

— Танцор с тенями! — пришел мне на помощь Вячик. Мы с ним сразу решили, все подробности не рассказывать. Официальная легенда — Вячик купил помещение, пол провалился, он пошел шариться в темноте по подвалу и нашел потайную комнату. А я так, рядом постоял. Вячеслава слегка расстроило, что все в это поверили — выходило, что он вроде как слегка с придурью, по подвалом шарится.

— Меня вот это больше интересует, — отвлекла нас Эля. Показала на лебедку. Она задумчиво прикусила клыком губу, облокотилась на свой топор круто выгнув бедро. На лебедку я взгляд перевел не сразу.

— Каменная? — изумился Вячеслав.

И действительно, не самый сложный механизм. Еще и очень грубый. Но надежный. А шестерни каменные. Из голубоватого, будто полированного, камня. Здоровые и толстые. Только сейчас заметил, что лебедка надежна заклинина в расщелине камня костяными костылями. Переносная, значит.

— Да мы уже поняли, что с металлом у них беда, — отмахнулся Копокп. — Тут другое. Это ж сложный механизм. Подразумевают высокую, мать её, техническую культуру.

Я перекрыл дорогу Кенни, который подожрал своего и решил еще потеснить Хемчика. Злобно ткнул ему в ту сторону, в которую скрылись паукообразные. Он осыпался ленточками мрака и потек на разведку.

— С такими знаниями в машиностроении, — продолжал рассуждать Копокп. — Я даже не знаю, что они могут сделать.

— Катапульти? Баллисты? — настороженно взрыкнул Вячик.

— Пушки, — хмыкнула Эделина. — А может, даже ГЭС. Слишком круто для средневековья.

— Вот же дермище! — выругался я.

— Что там у тебя? — машинально взял на изготовку топор Вячик.

— Короче. У них какая-то маскировка. Они сейчас вот прямо перед нами стоят. Метрах в тридцати. За моей спиной, — я развернулся, показывая направление. — Не пяльтесь только.

— Никого не вижу! — протянул Копокп демонстративно смотря мне в лицо.

— Вот именно. Просто как будто темнота. Но у нас же ночное зрение. Нет у нас темноты.

— Скорее, как туман. Если приноровится, то сразу это пятно видно, — проговорила Эделина.

— Кенни как знал. Пополз боком, и буквально в упор на них наткнулся, — сказал я.

— Мы их тоже только вблизи увидели, — Вячик почесал гриву под подбородком. — И что сейчас делают?

— Смотрят. Даже не шевелятся почти.

— Вот же срань, — передернула плечами Эделина. — Ладно, что встали. Айда к нашим. Мы скинули оба трупака вниз, и поволокли добычу цвергам. Только меня немного

отпустило после схватки с пауками или кроликами, я перестал дергаться на каждый шорох, научился доверять своим глазам и тут же появляется нечто, чего я не могу увидеть. Это заставляло нервничать и постоянно вертеть башкой, высматривая вокруг подозрительно темные участки.

Оказывается, пауколапые раздражали не только меня.

— Это же человек! — встретил нас вопль Анастасии, едва мы спустились. Рома деловито потрошил одну тушку топориком. С Настей трудно было спорить — тварина была, как минимум, наполовину человеком. Может это была и не лучшая его половина. Но зачем так кричать.

— Смотрите, смотрите, у него... Вон там, кости! — у Насти аж ведьмина шляпа свалилась, так она руками размахивала. — И у него руки с пальцами!

— У него легкие. Он, наверно, и говорить может. Мог, — поделился результатами вскрытия Рома.

— Все потом, сейчас уходить надо! — рыкнул Вячик.

Всю дорогу Настя была на грани истерики. В принципе, её можно понять. Она работала врачом, делала узи. И вот именно сейчас, видимо, был момент психологического надлома, когда происходящее накопило столько всего противоречащего жизненному опыту, что надо пересобрать свою картину мира. Забавно, что её успокоил, внезапно, мой тезка.

— А на самом деле, это очень логично, — сказал Копокп. — Смотрите. Есть две очевидные вещи. Этот мир связан с нашим. Оружие по умолчанию доступное в Арсенале, похоже то ли на египетское, то ли на шумерское. Ну прям улавливается сходство. Второе. Цвергов я не видел, но по описанию просто люди. Так, фенотипические отличия. Ну и руины. Им максимум несколько тысяч лет. Максимум. Иначе уже бы галька была.

Он задумчиво погладил бороду. Его лекцию, в этот раз, никто не прерывал.

— Теперь. Вот я знаю, что бурый медведь и белый медведь, два вида. И разделились они, вроде, миллион лет назад. Значит, для создания вида, нужен миллион лет. А у нас тут на лицо много видов. Гигару эти ваши, цверги. Гноллов я сам видел. Мы, мутанты, не в счет. Я так понимаю, мы что-то типо астральной проекции...

— Атсральной, — не упустил возможности блеснуть своим чувством юмора Рома.

— Кто как, — не стал спорить тезка. — Итак, у нас тут на лицо разные виды. Естественным путем они появиться не могли. Для этого нужны миллионы лет, изоляция и хрен знает что еще. Вон, мы даже неандертальцев немного в себя впитали. Не получилось бы естественно, вот так сильно чтобы разумные виды отличались. А общий предок, даже с гноллами, у нас просматривается. Поэтому, объяснение очевидное. Кто-то, с помощью магии, как хочется верить кому-то, или очень продвинутой технологии, как кажется мне, буквально создал искусственные разумные виды. Видимо, на основе человека. Конечно, у этого супер генетика большая фантазия, но в принципе, удивляться тут особо нечему. Если есть разумные гибриды с гиеной, почему бы и не быть гибридам с пауком?

— Семейства разные? — сказал Вячик.

— Не факт. Я поковырялся в трупешнике того пука, которого вы завалили. Помнишь, я ему лапу отчекрыжил? — Было такое. Копокп тогда долго возился. Я думал он просто в паучью нору лезть не хотел. Надо сказать, что за пару дней нашего отсутствия, паукана знатно объели. Остались, в основном, кости со шматками гнилого мяса. Я грешил на кроликов, но не стал высказывать свои предположения. Не хотел лишний раз пугать новичков. Тезка продолжил. — Так вот. У пауков лапы на гидравлике работают. Нагнетается

кровь в пустотелую ногу из наружного скелета, нога сгибается. Естественно, для большого размера работать так не будет. И, как я понял, у нашего гигантского паука нога была с мышцами. И костями. Наружного сплошного хитинового скелета я не заметил. Так что, он только внешне на паука смахивает.

— Зачем? Зачем кому-то делать человека похожим на паука? — дрожащим голосом спросила Настя. Но уже хоть осмысленно заговорила.

— Я не знаю, — раздраженно ответил тезка. — Может, хотел привести в соответствие с личным представлением о прекрасном. А может, есть более рациональные причины, которых мы не понимаем.

— Дети один раз паука птицеда уговорили домой завести, — сказала Эделина. — Лучшее животное. Спокойное. Сидит у себя в террариуме. Раз в месяц покормить и все. Сначала жуть брала, а потом ничего, привыкаешь. Даже умилительно. Бегает по тебе такой лохматенький.

— Фуууу, — простонала Настя.

— Его потом кошка убила. Блин, до сих пор жалко, — вздохнула эта здоровенная, мускулистая орчиха. Даже голос дрогнул.

— Тихо, подходим к цвергам.

Как бы не истерила Настя, перед той истерикой, что устроил нам бас незнакомого цверга через рупор, это было просто мелочью.

— Что ты принес, чужак? Убери! Это не удильщик! Ты лжешь! Этого не может быть! Я не верю!

— Давайте отойдем на всякий случай. А то сейчас еще стрелять начнут, — скомандовал Вячик и, подавая пример, гордо отдалился от бойниц.

В спину ему летели нелепые обвинения и даже оскорбления. Но, к счастью обошлось без стрел и камней.

Мы уселись на груде битого камня с остатками стен дома. Именно с этой кучи нас обстреливал булыжниками гнолл с лампой на спине. Уселись и стали ждать. Умничка Хемчик без подсказки осторожно подлетел к бойнице, не попадаясь цвергам на глаза, и стал подслушивать.

— Они там даже подрались. Кто-то все ещё не верит. Говорят, мы обманываем, не может быть... Стоглавы. Этих тварей так называют, — вполголоса докладывал я разведанные. — Кто-то говорит, что издалека воина-стоглава можно спутать с удильщиком. Решили выйти проверить. Отправили одного. Теперь думают, что это просто охотничья партия стоглавов, и ничего страшного. Потому как только рабочие.

— Стадия отрицания пройдена. Теперь стадия торга, — хмыкнул Вячик. — Ты что-нибудь про этих... стоглавов, знаешь?

— Знал бы, вспомнил бы, когда увидел, — отрицательно мотнул головой я.

— Почему он знать должен? — небрежно поинтересовался копокоп. — Мы же все цвергский знаем? Я думал у нас одинаковый набор гипновнушения по поводу мира.

— Не факт, — ответил Вячик.

— Ну давайте проверим. Вот например эта штука, на которой мы сидим, родовое святилище. Место паломничества. Тут должен быть захоронен великий предок, основоположник целого клана, — выдал Копокоп

Мы изумленно уставились на него.

— Значит вы не в курсе. А у моего персонажа, знание легенд, истории и древних

языков, — объяснил он.

— Ну, и где тогда моя магия! — взвилась Настя. Да, никакие первоначальные заклинания, положенные ей по D&D листу персонажа не работали. Зато, она довольно ловко орудовала мечом, по уверению Ромы. Я сам это как-то пропустил. Отвлекся. Но то, что она отбилась, уже о многом говорит.

— Амора, цесна! — крикнула Настя, сделала красивый пасс руками, воздух вокруг неё окутался темными всполохами и из них вырвались хищные черные росчерки, со свистом улетающие в даль. Она обескураженно смотрела им в след. — Я же уже сто раз до этого пробовала. Почему сейчас получилось?

— А в этом заходе пробовала? — быстро спросил Вячик.

— В этом нет, — она разглядывала змеящиеся вокруг нее иссиня черные ленты дыма.

— Значит в таверне прокачиваемся. Фуух, я уже испугался. А то прокачки нет! Зачем вообще жить, если прокачки нет! А тут просто интерфейс кривой!

— Да, честно сказать, говно а не интерфейс, ничего не понятно. Как будто никто и не предполагал, что интерфейс нужен будет, — хмыкнул тезка.

— Надо доработать. В следующий раз займемся, — потер когтистые лапы Вячик.

Неожиданно рядом с трупами пауканочеловеков появился цверг. Его появление заставило остальных моих коллег по опасной спелеологии замолчать и изумленно на него таращиться. Я уже на цвергов насмотрелся, поэтому меня удивило не то, что он цверг, а то, что он на костыле. Никогда еще не видел покалеченных цвергов.

— Вот это у него шнобель... Я шавуху такого размера на два раза делю, — потрясённо сказала Настя. Ладно, согласен, вот сейчас, когда есть возможность сравнивать, все её вариации на тему длинного носа, меркнут на фоне цвергских габаритов. Правда, у этого конкретного экземпляра цверга, нос размерами выделялся даже на фоне всех виденных мной раньше цвергских шнобелей. К тому же, он был седой. Не нос сам цверг, целиком. Возможно просто старый. А может, другой народ. Потому как этот цверг на костыле, мог бы поместиться в доспехи Хара раза два. Очень уж плюгавенький.

Хромой достал из сумки на поясе хитрую лампадку. Зажег её одним движением, как будто зажигалкой. И нацепил на лоб, прямо как шахтерский фонарик. Тусклое пламя осветило его лицо, окрасив в привычные краски, а не в черно белое изображение нашего ночного зрения.

— Он же черный! — выдал Рома.

— Ну, он же цверг, — хмыкнул Вячеслав.

— Я думал это дварф, только злобный. Почему мне никто не сказал, что цверги черные? — возмутился Роман.

— Скандинавские саги почитай. Цверги черные, это канон, — ответил Вячеслав. — Кури канон, чтобы потом не удивляться.

— Он не черный, а коричневый. И как пылью присыпанный, — сказала Настя.

— Похоже на оттенок кожи, как у австралийских аборигенов, скажи же? — подхватил я.

Тем временем седобородый цверг, со злобно-скорбным выражением лица, попинал трупы паукообразных. Выхватил здоровенный бронзовый нож из ножен на поясе и потыкал для верности им. Заглянул в пасть одному, ковырнул глаз второго. Тяжело вздохнул и крикнул своим:

— Да. Это правда. Сюда пришли стоглавы!

Я узнал этот глубокий бас. Именно этот цверг беседовал с нами через рупор. Сейчас

было слышно, что ему трудно говорить громко, проскальзывали стариковские трещинки в голосе. Он повернулся к нам и поманил нас своей сухонькой лапкой.

— Подойдите ближе, странники. Нам надо поговорить.

Глава 25. Спасение принцесс

Разговор с цвергами это особая форма умственной эквилибристики. Дело не в том, что мы не понимали языка — формально, мы как раз понимали, что цверги говорят. Проблемы начинались, когда разговор выходил за узкие рамки “пойди, принеси”.

Это как с устоявшимися выражениями. В русском таких полно, но мы понимаем их на интуитивном уровне. А вот уже английские словосочетания в прямом переводе далеко не всегда так очевидны. “Сломай ногу” — на самом деле пожелание удачи, “большой сыр” — влиятельный человек. “Забрал фунт плоти” — ободрал, как липку.

И это у нас с англичанами еще хоть немного пересекающиеся пространство культуры. Цверг же иногда выдавал просто какой-то словесный винегрет из никак не согласующихся с собой слов. Я бы пять раз уже махнул рукой и ушел. Но я был не один.

К старому чернокожему калеке, как к спортивному снаряду, по очереди подходил почти каждый из нас. А то и по двое. Короче, на общении размотали его полностью, до самой серединки, как коты туалетную бумагу. Бедолага и сам уже был не рад, что нас позвал. Он ведь думал, что мы сейчас пойдем к порталу и прыгнем в какое-то безопасное место. Или поблизости от безопасного места. После того, как он убедился в натуральности паукообразных, в среде цвергов-вахтеров резко произошел консенсус — пора рвать когти, решили они. Вот он и планировал упасть нам на хвост. Эвакуация под охраной. А куда именно эвакуироваться — вопрос десятый. Он же не думал, что мы тут планируем осесть. Такой подляны он от нас явно не ждал.

Объяснить свою оседлость оказалось отдельной веселой задачей, но мы мастерски её проигнорировали — цверг реально опешил от нашего напора и просто растерялся, едва успевая отвечать на вопросы. Задавать свои он не успевал. Хотя, ему быстро стало не до вопросов — поняв, что мы не собираемся бежать, он решил, что нам не по пути и потерял к нам всякий интерес.

Цверг прямо на глазах сдулся и замкнулся. Старикан нервно теребил костыль, с тоской поглядывал на свои родные бойницы, но было уже поздно. Опытным путем быстро выяснилось, что лучший дознаватель — полуорчиха. Не знаю, отыгрывала она персонажа или сказался опыт работы на стройке, но она не боялась переспрашивать если не поняла, и продавливала нужные ответы. Перед обилием её тела цверг явно терялся. Непонятно, что его смущало больше — забрызганный мозгами топор, впечатляющие мышцы, клыки, или все же выдающийся объем, кхм, грудной клетки. Цверг бросал украдкой взгляд на почти неприкрытый бюст Эделины, путался в словах, но не в показаниях.

Разговор длился долго, по итогу был найден компромисс. Внезапный для цверга, он просто попутчиков искал, а оказался заинтересованной стороной в каком-то договоре. Его серое лицо то и дело принимало смешное выражение, как у человека, который в порнухе наткнулся на лица знакомых. Ладно, согласен не самый понятный образ. Просто у меня свой жизненный опыт. Поживите в маленьком городке, имейте широкий круг знакомых студентов и поймете, о чем я.

Итак, цверги. Мы с ними договорились, что для начала освободим пленниц. А потом поможем цвергам. В чем именно поможем — мы не договаривались. С одной стороны мы пока и сами не знали. С другой — помогать им вообще-то не особенно хотелось. Чувствовалась в этом цверге некое желание... Даже не обмануть. Нет, он вполне искренне

смотрел на нас так, как будто не против обыскать наши трупы.

С Гигару получилось удачно, Они уже не были пленницами. Прирезали последнего охранника. Судя по информированности цверга, он лично за ними подглядывал. Итак, освобождение сильно сократившегося поголовья "дам в беде" быстро превратилось в квест на выселение — покидать убежище, как и платить за него, оставшиеся в живых гигару не торопились. Да и осталось их всего четыре штуки. После неудачной попытки улизнуть мимо гноллов, они потеряли всех дулей-носильщиков и почти всех охранниц. Последних додавили уже внутри. Случился бунт в пещере. В убежище они сидели, по-видимому, не зная, что делать дальше. Цверг согласился открыть нам дверь в их убежище, одновременно решительно заявив, что у себя он их не приютит. Потому что не прокормит. Это многое сказало нам и о численности цвергского гарнизона, и о его благосостоянии.

— У меня квартира свободная, — быстро заговорил Вячеслав. — Можно их к нам переместить... В наш мир, я имею ввиду. Я их прокормлю!

— И не только прокормишь, да? — ехидничала Анастасия.

— Одену, обую, мир покажу! — сделал вид, что не замечает подначки, кивнул Вячеслав.

По клыкастой львиной морде Вячика сейчас было не видно, но я уверен, что он жутко волнуется. Был бы с человеческим лицом, он бы наверняка сейчас покраснел, покрылся капельками пота и нервно сглатывал.

К убежищу вел короткий туннель, размерами как коридор квартиры в хрущевке. С топорами не развернешься. И этот отнорок был завален мусором и экскрементами — гноллы отметились. Попытки пробиться через камень тоже были — мой пытливый глаз заметил несколько расколотых каменных дубинок, валяющихся рядом. Похоже, в отличии от цвергов, пробивать штольни и тоннели, гноллы не умели. По сигналу цверга, оставшегося позади нас, тяжелый круглый камень, несущий следы ударов, отъехал в сторону.

— Мы пришли с миром! — крикнул Вячик в темноту. — Мы хотим вам помочь!

В ответ из темноты вылетело нечто злобно жужжащее и шмякнулось о стенку тоннеля, с влажным "чпок" срикошетив в сторону. Мы все машинально присели.

— У нас есть еда и безопасность! — продолжал орать Вячик. Ну как орать. Мяукал, скотина, как кот под окнами кошечки.

Темнота молчала. Хотя, для меня теперь темноты почти не бывает. Я видел часть убежища, но высовывать голову, чтобы рассмотреть его получше, не спешил.

— Дай я попробую! — положила Вячику на плечо руку Анастасия.

И начался раунд переговоров номер два.

Сначала гигару долго молчали. Но, постепенно, Настя их разговорила. Я не уверен, что она их вполне убедила, что мы не хотим им зла. Скорее, она их убедила, что деваться им от нас некуда. С одной стороны, цверги подлецы, и так открыли дверь, и гигару уже не отсидеться. С другой стороны, мы же разговариваем, а не в драку лезем. Убивать точно не планируем. Еще и еду обещаем.

Подарок судьбы и вообще красавцы. А может, их подкупило, что она похожа на них. Анастасия говорила с ними на цвергском, который знала только одна из Гигару. То и дело приходилось делать паузы, пока переговорщица переведет остальным. И они все бурно обсудят, очень по девичьи, многословно. Потом снова пара фраз с Настей. Может, они приняли Настеньку за свою, только воспитанную дикими... Дикими нами, кто бы мы не были. Помноженное на явно близко подступившее от безысходности отчаяние, они потихоньку согласились пойти с нами. При условии, что им сохранят оружие. Возражений у

нас не было — если девоньки сделают глупость, максимум что нам грозит, поход за нашими черепашками. Так тут не далеко, не страшно.

Рома, тем временем, не поленился облазить все вокруг и таки нашел странный снаряд, которым в нас кинули. Или выстрелили, летел то он довольно быстро. Это был почти миленький, пушистый такой шмель. С короткими крылышками и гипертрофированным, зловещего вида, толстым жалом прямо в башке. В свете лампадки цверга шмель был ярко-желтым и совершенно инородным в этом царстве серого камня и слабо светящихся коричневых грибов. Тут и цветов то нет.

Про шмеля спрашивать мы пока не стали. Не будем о оружии. Мейк лов... Хотя, об этом тоже, пока рано. Наконец, гигару "сдались", и вышли из своей пещеры. Смотрели настороженно, но вели себя тихо. Было понятно, что они адски устали. Мы дали им воды из фляжек и это их окончательно расслабило. По моим ощущениям, все переговоры уложились часа в два. Может чуть больше. Но трех точно не прошло. В нашем мире девчонки за такое время не всегда выберут, какую еду заказать. А эти согласились в портал с нами лезть. Настя, на русском, шипела, что теперь она заслуженный пикапер, четверых телок на все подписала, и должна за это получить особый знак отличия в виде золотого члена, но мы старательно игнорировали её шепот с преувеличенной заботой одаривая водой и сочувствующими взглядами бывших пленниц. Сочувствие было настоящим — бывшие пленницы выглядели сильно потрепанными.

На свет вышли четыре девки, снова поразивших меня своей похожестью на Ликасту. Теперь, вблизи, я видел что они не идентичны... Но блин, я видел родных сестер, которые отличались между собой больше чем эти.

Быстренько заглянув в убежище, на предмет интересного, попрощавшись с цвергом, мы повели добычу в сторону "нашего" тунеля. Нельзя сказать, что мы их прямо поволокли. Но мы их конвоировали, это точно. Нельзя также сказать, что они были прям голые. Но нельзя также и сказать, что кроме обуви и кожаных плотных плащей, на них было еще что-то ещё одето.

Я ожидал подначек со стороны наших девушек... Но обстановочка в убежище, отбивала всю романтику. Этот отнорок в скале сильно напоминал "номер отеля" в Сурнокте, где я побывал. Только уступал ему во всем, начиная от размеров и заканчивая наличием источника воды. Очень недоставало этому "убежищу" уюта. Это на мой притязательный вкус. Хотя, может мне испортило впечатление трупы. Я насчитал штук шесть, один, слегка объеденный, гнольский, остальные гигару. Да, наверняка. Я, конечно, не дизайнер интерьеров, но вот что заметил — труп сильно портит впечатление от апартаментов. Стоит в помещении появиться хотя бы одному трупу и там становится как-то тесно, замкнуто, неуютно.

Анастасия, проявив странноватое любопытство, осмотрела тела и повела себя, как медэксперт:

— Трое умерли от ран. Кровью истекли. Это их гноллы, наверно, достали. Видите, раны какие, рубленные. А вот тут дубиной, и тут... Смотрите, прямо череп раскрошили, как арбуз, аж мозг вытек! — я поверил ей на слово и не стал смотреть. — А вот эту задушили. Или шею сломали. Охранница? А вот эти два интересные. Видите, дырки и посиневшие? И на лица посмотрите, пена засохшая, глаза мутные. И ручки-ножки скрюченные. Долго в агонии бились. Я так думаю, их застрелили из этой штуки, которую она в руках держит.

У одной из бывших пленниц в руках было оружие, вблизи еще больше напоминавшее

запчасть от Чужого, только с дулом. Она недвусмысленно держала нас на прицеле. Мы принимали это во внимание, но сильно не нервничали. Подозревали, что у неё кончились “патроны”, отсюда и такая покладистость. Так как по-цвергски говорила только одна гигару, обратиться напрямую к девке с пушкой не получалась. Сказать через переводчицу, чтобы она в нас стволом не тыкала, мы один раз попробовали. Она проигнорировала. Ну ладно, можно и потерпеть. Да и, судя по её испуганным напевным репликам, вооруженная девушка была скорее испугана, чем агрессивна.

— Ладно, выводим их к нашему тоннелю, и пробуем эвакуировать в наш мир, — решил я.

Цверг за всей этой суматохой тихонько скрылся. Мы видели, как он ковыляет обратно к своим в сторожке, но преследовать его не стали. Как и куда он скрылся я проследил с помощью Кенни. Потайной ход скрывался под плоским камнем совсем рядом с бойницами. Я мысленно отметил это место.

Организовав конвой мы двинулись обратно, сделав крюк, чтобы не маячить на глазах у цвергов. Они думали, что у нас тут рядом лагерь. Не хотелось обманывать их ожидания.

— Подытожим, — вполголоса сказал тезка, который никогда не станет для меня до конца Копокотом, как бы ему не хотелось. — Месяца четыре назад...

— Или год. Или месяц, — вздохнула Настенька. — Эти их интервалы временные, хрен поймешь на чем они...

— Сезоны же. Перевод, я прям чую, сезон. Наверно, по грибам считают, — разумно ответил Копокот.

— А сколько гриб растет? Дня три? Ну, если большой, то неделю? Или две? — иронично подняла Настя бровь. Наш “дварф” хмыкнул и начал говорить:

— Примерно неделю или год назад, недавно в общем, группа бродячих цвергов-бомжей обнаружила пустую хату...

— Не бомжей, а музыкантов, — почему-то обиделся за цвергов Рома.

— Не музыкантов, а артистов. Сказители, — вставил я, то что уловил. — Это может быть очень полезно, кстати. Историю мира, может, расскажут.

— Да, надо будет с ними еще поболтать! Поплотнее! — оживился Вячик.

— Без меня. Мне на этой сессии скучно было, — отозвался Роман.

— А я вот повеселилась! — возмущенно фыркнула Настя. — То паук в харю, то паутина на горб! Я уже нервничать начинаю, что дальше будет!

— Да не переживай ты так, Настюшь! — приобнял её Рома. И самодовольно добавил. — Я тебя опять спасу! Как всегда.

— Так это ты её спас? — изумилась Эделина. И захохотала. Остальные, даже я, начали улыбаться. Технически, Рома и в самом деле пытался. И с пауком. И с паутиной.

Протащить через камень в туннель всю орду в один присест я не смог. Пришлось сделать это в два захода. Причем, оказалось, что если таскать меня одного теневики могут после короткого отдыха, то протаскивать сразу шесть человек они не могут. Хорошо, что сегодня их у меня с собой два.

Гигару путешествию сквозь камень удивились, но не так, как я ожидал. Как если бы Вячеслав вдруг подвез меня на своей машине. Было бы немного неожиданно, что у него есть машина, а я не знал. Но ничего сверхъестественного. При этом теневиков я от гигару успешно прятал, не без помощи остальных. Закрывали меня спинами, прикрывали плащами. Я точно помнил, что Ликаста воспринимала моих мрачных, черных зверьков, только как

угрозу.

— Итак, — продолжил свою мысль тезка, когда мы уже шли через паучье логово. — Цверги заселились в пустую хату...

— Со следами борьбы, заметь! — тут же встрял Рома.

— И стали стричь бабло с проходящих, — закончил Копакон. — И сейчас, они поняли, что убило предыдущих владельцев. Это был человек-паук. Я всегда подозревал этого хмыря, слишком уж он хочет казаться хорошим.

— Целый выводок человеко-пауков, — хихикнула Настя, на секунду отвлекшись от гигару. Она буквально ни на минуту не прерывала с ними общения, убеждая, что все будет хорошо.

— Нет, — рыкнул Вячеслав. — Они не знают, что именно случилось. У них сразу много вариантов. В любом случае, это возможность. Если эти цверги уйдут, нам надо занять их место. Сесть тут проводниками при портале. Мне надоело тут бродить неприкаянно. Хочу базу. И это хорошая база, я считаю.

— Да, кстати, — оживился я. — Это мысль. Квартирка, конечно, в беспокойном районе, зато метро рядом. Надо брать.

Хапнуть себе аналог средневековой башни на горном перевале, это хорошее начало для собственной империи. Почему я думаю об империи?

— Давайте с девушками сначала разберемся. Зачем вы их вообще к нам тащите? — вдруг задумалась Эделина.

Я почувствовал, что остальные выжидательно смотрят на нас с Вячиком. Забрызганные кровью и грязью гигару, с измученными лицами и одетые в случайный набор снятых с трупов элементов доспехов, делали сексуальный подтекст нашего благородного порыва не таким очевидным. Этим следовало воспользоваться. Но Вячик все испортил.

— Спаси! — рыкнул Вячик. — Отмыть! Накормить! Одеть! Напоить!

— Вызвать секреты, — попытался помочь Роман.

— Снова одеть! — хихикнула Эделина. — И снова напоить.

— Мы ничего не знаем о этом мире. Если у нас появятся союзники в этом месте, или хотя бы дружелюбно настроенные существа, которые смогут помочь разобраться в ситуации, то нельзя мимо этого проходить! — ответил я.

— А главное, — сказал Копакон, погладив бороду. — Одно дело, если мы можем попасть в этот мир. И совсем другое, если кто-то из этого мира, может попасть в наш. Это же все меняет.

— Ууу, как драматично. Ну, и что именно это меняет? — сказала Эделина. — Хоть один пример, я жду?

Тезка посмотрел на неё внимательно. И сказал:

— Ну, например, мы можем оказаться новичками в игре могущественных тайных организаций, которым тысячи лет. И чьи корни в странных мирах, полных магии и чудовищ. А мы будем портить им планы, как лишние и мешающиеся под ногами конкуренты. Судя по тому, что мы ничего не знаем об этом мире, эти организации знают, как избавляться от лишних языков.

— Отрежут по самую шею, — "прояснил" Рома.

— Подумаем об этом позже. Мы дошли. Так, в портал прыгаем двумя партиями, гигару делим пополам. По две штуки, в смысле, никого рубить не надо, Эля, — привычно раскомандовался Вячик.

Я взял себе девушку-гигару. Этой я дал воды. А еще, у неё был здоровенный синячище на боку, и она то и дело морщилась от боли. И двигалась неуклюже. Поэтому я по возможности старался её поддержать, пока мышли, хотя она от меня, конечно шарахалась. Сейчас она с ужасом смотрела мне за спину, на клубящихся, по своему обыкновению, в углах теневигов. Обняв её за плечи, завел в "бассейн". Рядом, почти в такой же позе стала Эделина с другой гигару. Мы телепортанулись домой.

Глава 26. Мелкие неурядицы

Если бы создатель решил посоветоваться со мной по поводу своего творения, то я бы сказал ему: "Проблема с твоим мирозданием в том, что в нём слишком много мелких деталей". Микроконтроль испортил много хороших игр, да и в реальности он тоже может подгадать. Серьезно, зачем столько всего лишнего? Например, готовка. Почему нельзя просто подойти к плите, ррраз — и еда готова. Как максимум, покидал в кастрюлю всякого из пакетов. Впрочем, у меня примерно так готовка и происходит. Почему я вдруг начал возмущаться неразумностью мироустройства? Всё просто. Мелкие детали испортили мне все планы. Ну ладно, один план. Зато какой! У нас с Вячиком был простой, понятный, классный план — занять себе огромную толпу голых баб, безмерно благодарных нам за спасение из лап работорговцев. Это емкий, внутренне непротиворечивый концепт события, открывающий глубокие возможности для развития ситуации во всякие интересные стороны.

Но пришли девки и все испортили. Я про Эделину и Настю, конечно. Все девки умеют всё усложнять. Но эти две, как оказалось, особенно в этом хороши.

Стоило четверем потеряшкам появиться в нашем мире, как немедленно была организована миссия красного креста на выезде. Рома был послан в аптеку с длинным списком, я в магазин за водой и едой, Вячик...

А Вячик оказался более предусмотрителен, чем казался на вид. Он купил микроавтобус. Это было старенький, но достаточно уютный иностранный аналог "газельки". И этот микроавтобус уже стоял рядом с нашей "игротеккой" — именно на нем Вячик предполагал перевезти гигару к себе домой. А куда же еще? Он даже продумал детали — в микроавтобусе лежало двенадцать наборов одежды и легкие пуховички. Чтобы было во что переодеть наших спасенных, не гонять же их по городу голенькими. Это логично, странно, что я об этом не подумал. Но, если бы я подумал, я бы купил мешковатые спортивные костюмы. Может какие-нибудь худи с капюшонами. Индивидуальность тоже проявляется в деталях — Вячик купил японские пижамы. Не просто японские пижамы, а кигуруми. Это, если кто не знает, такой комбинезон в виде мягкой игрушки.

Когда сияющий Вячик принес эту одежду для гигару, Настя с Элей подняли его на копыта своих разгневанных взглядов. За их спинами Рома одобрительно показывал Вячику большие пальцы вверх. Да и я постарался оказать ему моральную поддержку. Особенно после красноречивого фырканья Насти.

Тезка проявил себя как мудрый человек и, используя репутацию зануды, скрылся. Якобы, ему пора к жене и детям. Честно говоря, время уже было позднее. Или ранее, смотря как посмотреть. Так что удерживать его никто не стал. Рома проявил себя отчаянным хитрецом и так же сбежал, объяснив это тем, что его уже родители, наверное, давно обыскались.

Ну да, одно дело голые девки в кигуруми, а другое дело, четыре пострадавших и две злые санитарки при них. Это уже не так интересно.

Без ложной скромности скажу — я проявил себя как настоящий мужчина. Стойко терпел.

Как ни велики способности женщин создать из всего проблему и навести суету, настоящий мужчина должен быть способен все это пережить. Мы перевезли гигару к Вячику. Вместе с нами, разумеется, поехали и Эля с Настей. Поскольку Настя имела

медицинское образование, то она развернула на квартире Вячеслава пункт первой помощи пострадавшим. Эля их мыла в ванной, Настя осматривала, клеила пластыри и бинтовала. К счастью, все гигару были вполне здоровы и только незначительно покоцаны. Несколько порезов, пара ушибов. Единственная, кто вызывала у Насти беспокойство, это та, которая шла и спотыкалась еще во время эвакуации.

— Странно, что они целенькие такие, — хмуро сказала Настя.

— Наверно, всех раненых доби́ли, — сказал я. На меня неодобрительно зашипели. Настя тем временем говорила с единственным, чье мнение она сейчас принимала в расчет. С собой.

— Вот этой, с синячищем на пол пуза, я сделаю плотную повязку. Кажется, у неё ребра сломаны. Слушай, я ведь могу её на работу отвезти, узи сделать? Там как раз в ночную смену Катька работает!

Пока Настя продолжала изыскивать возможности себя занять, я старался ей не мешать. Опасно, можно оказаться втянутым в орбиту всяких нужных дел. Поэтому я пошел в туалет. Но увы, он оказался занят. Там Вячеслав объяснял "переводчице" которая знала цвергский, как пользоваться унитазом. Цвергский язык Вячика был ужасен. Даже хуже, чем когда он говорил львиной пастью с клыками.

— А теперь попробуй сама! Ой, подожди, я хоть выйду... — он выскочил из туалета весь пунцовый и прикрыл за собой дверь.

— У тебя еда дома есть? Хоть рис, чтобы сварить?! — тут же поймала его Настя.

— Спокойно, у меня всё схвачено! Я пиццу заказал! — отозвался Вячик.

— А ты тут что мнешься? — накинулась на меня Эделина, которая как раз вывела из ванны завернутую в полотенце девушку.

— Помочь хочу, — сказал я.

— Помыть? Не надо, я и сама справлюсь. Вон Насте помоги...

— Не нужен он мне! — тут же отозвалась та. — Иди уже, и так народу полно. Не протолкнуться!

Ну и ладно. Я еще немного помялся, но потом обулся и ушел. Уже когда я спускался по лестнице, мне позвонил Вячик.

— Слушай, а это нормально, что они такие спокойные? — спросил он. — Пока мы везли их в микроавтобусе, я все ждал что девушки начнут удивляться самобеглой повозке, как в фильмах про попаданцах. Потом ждал, что они будут пялиться на дом. Потом, что они охереют с унитаза. Потом...

— Может, у них шок еще не прошел. Мы ж их буквально из склепа достали. И до этого у них приключений было на пятнадцать человек, а выжило только четыре. Подожди, сейчас поедят, поспят, наберутся сил и уже тогда начнут истерику, — предположил я.

— Логично, — согласился Вячик. На заднем плане, голосом рассерженной жены его позвала Настя. Он скомкано попрощался и положил трубку.

Я вышел из подъезда Вячеслава, поежился от морозного воздуха. И пошел, не торопясь, к своему подъезду. Теневики, оставшие от меня во время езды в микроавтобусе, наконец-то нагнали меня. И замаячили рядом, на границе моего восприятия. Двор был хорошо освещен. Настроение у меня было такое мягкое, спокойное, какое-то уютное даже.

Предупреждение об опасности от Кенни, меня как будто пыльным мешком ударило. В мозгу вспышкой пронеслась картинка — ко мне идут двое. Вылезли из машины и целенаправленно идут за мной. Уже метрах в двадцати. Может все же не за мной? Я ускорил

шаг. Потом обернулся. И увидел, как эта парочка рванулась ко мне, перейдя с быстрого шага на бег. Молча.

Во мне проснулись гены общего предка с зайцем. И я тоже рванул прочь, опасно скользя своими дорогими туфлями на обледеневшем за ночь асфальте. Несмотря на хитрые пируэты и восьмерки в воздухе, которые я крутил ногами как мастер капуэйро, я умудрился не упасть, и даже набрать хорошую скорость. Впрочем, мои преследователи не отставали. Но они были впечатлены моими усилиями — я разобрал пару сердитых возгласов, что-то про мою ориентацию и обещание сломать мне ноги.

Я свернул за угол дома. Сам дом был новым, но метрах в пятидесяти от него сохранился советский реликт — пара десятков чудом не снесенных гаражей. Остатки некогда впечатляюще большого гаражного кооператива. Именно сюда я и кинулся, намереваясь исчезнуть в темных закутках, не без помощи своих теневиков.

Моя физическая форма оставляла желать лучшего — до гаражей я добрался дыша как Дарт Вейдер во время бурного секса, в голове пульсировала кровь, буквально бумкая в ушах, перед глазами мелькали светлые круги. Впереди, как след от выбитого зуба, в ряду гаражей чернел проем. Или гараж в этом месте развалился, или ещё что с ним случилось — сейчас там была слегка занесенная обледенелым снежком стихийная свалка. И именно туда я и направился. На голой воле переставляя ноги, еле дотерпел до угла гаража, завернул за него, протянул руку к уже ожидающему меня тут Хемчику — тяни меня Хемчик, сквозь бетон, прочь из этого неприветливого места.

Хемчик дернулся... И не смог. От жеж, что за?! Железо. Этот злой металл, похоже, блокируют способности моих зверюшек. Поэтому Кенни легко просачивается в вентиляцию через отдушины, а вот внутри коробка лазает по-честному, скрипя когтями. В плитах, из которых сложен гараж, есть железная арматура. Я только сейчас осознал, насколько же сильно мир вокруг меня состоит из железа. Хемчик юркнул за край крыши гаража, и очень вовремя — из-за угла выскочили мои преследователи.

Убегать я не стал. Это было бы слишком тяжело. Да и место хорошее, уединенное. Я, тяжело дыша, немного отступил в тень.

— Догнали меня, молодцы, — буркнул я. Мои преследователи выглядели куда лучше. Дышали не так тяжело. Высокие, широкие плечи. Явно спортом злоупотребляли. Морды только, какие-то помятые. Как будто пьют много. И интеллектом не обезображены.

— Что, сука, добегался? Ща тебе ноги ломать будем, — заявил один. И решительно двинулся ко мне. Я сделал шаг назад, сохраняя дистанцию. Что-то у меня от меча осталось. Вернее, осталось умение мечом владеть. А вот самого меча, хоть бы кусочек, как назло с собой нет. И главное, я же хотел сегодня забрать домой здоровенный шеф-нож, который Вячик надеялся использовать как оружие. Но его столешница не приняла. Долбанное железо.

В следующую секунду я ловко увернулся от размашистого удара в лицо. Воу. Круто. Раньше бы меня таким ударом тут же уложили. Хороший удар. Быстрый. Но я быстрее...

Второй удар мой внезапный ненавистник сделал более обдуманно. Чувствовался в нем опыт. Уже сталкивался с такими шустриками, как я. Он схватил меня за одежду, не давая разорвать дистанцию, пнул в ногу, чтобы отвлечь внимание, и ударил снова. Быстрый, хорошо поставленный удар в зубы. Будь на моем месте старый я, то все бы у него получилось. Но сейчас я знал, что делать. Сгорбился, немного присел, выставив руки вперед. Довольно логично, что если я умею фехтовать, то умею и немного бороться без оружия.

Этому наверняка тоже учатся, вместе с владением оружием. Выглядел я со стороны, надо думать, довольно ущербно. По крайней мере нападавший в моей позе стойку не распознал. Очень зря. Может выглядело и не очень, как будто я просто боюсь ударов, эффективность этих естественных движений я почувствовал сразу. И пнуть меня толком не удалось, и бить ему было не удобно. Я даже руку ему перехватил. Схватился у самого локтя. Ну да, захват поставлен против вооруженной руки, у кисти перехватывать нельзя, враг порежет.

Только сейчас я заметил в его руке кастет. Я резко толкнул его плечом в грудь, разрывая дистанцию. Рукав моего шикарного пальто не выдержал и с громкими треском порвался. Это был не единственный урон — мой противник, хоть и отошел на несколько шагов назад, успел левой рукой выпустить рукав и ударить меня в лицо.

Больно!

И тут же, не давая мне опомниться, он снова перешел в наступление. Стремительный борцовский проход в ноги. Я с перепугу аж запрыгнул на кучу мусора позади себя.

— Чо вам надо? — выкрикнул я. — Вы меня перепопу... попереле...

— Да нет, Сережа, — сказал спокойным и полным обещания голосом второй. Этот еще не принимал участие в драке. — Именно ты нам и нужен.

— Да вы не того... — я не сразу понял, что он назвал меня по имени. А поняв, внезапно успокоился. Я оторвал рукав до конца. Обернул тканью кисть и взял из стоявшей рядом оконной рамы длинный, сантиметров в тридцать, осколок стекла.

— Оп-па... Какой опасный! Боча, ты тока глянь! — процедил первый.

— Ну, значит по-взрослому решил, да Сережа? — неприятно хмыкнул второй. И достал нож. — А ведь Семен Михалыч просил, чтобы тебе просто морду набили.

— Какой, блять, еще Семен Михалыч? — прошипел я, осторожно приближаясь.

— Уважаемого человека не знать? Ну, так сейчас мы тебе объясним...

Первый снова кинулся на меня. Снова этим стремительным, стелющимся борцовским приемом. Видимо, осколок стекла в моей руке его не напугал. Зря. Я присел, выставив свободную руку, уперся в него и попятился, сохраняя дистанцию и не давая себя схватить. Одновременно ударил на встречу своим импровизированным оружием. Удар не был красив. Совсем не такой, к каким я привык в кино. Просто быстрый выпад. Таким удобно бить над кромкой своего щита, быстро “жаля” противника в лицо.

У парнишки-борца была куртка, и я не был уверен, что мой стеклянный осколок её пробьет. Голову в вязанной шапочке он опустил, и лицо было вне досягаемости. Поэтому я воткнул ему стекло в шею. И еще раз. Вышло, на удивление неплохо. Не меч, конечно, но распахал я ему кожу знатно. Второго удара моё оружие не выдержало и расколосось. Оставив в моей руке осколок формой и размерами напоминающий столовый нож.

Агрессивный борец резко дернулся. Выпрямился. Растерянно посмотрел на меня, схватился за шею. Обернулся к своему напарнику.

— Боча, он меня убил! — сказал с каким-то детским возмущением. А потом, вдруг, побежал куда-то.

— Кто такой этот ваш... Семеныч? — спросил я у Бочи. Боча уставился на меня широко открытыми глазами.

— Ты что наделал, дурак? Тебе пизда, понял? — и кинулся за подрезанным.

Я пошел по следам крови. Её было много. Очень много. Похоже, задел я все же важную артерию. Нагнал я Бочу метров через двадцать. Он весь перемазался в крови и сейчас пытался позвонить. Но телефон выскальзывал из его рук и отказывался разблокироваться.

Борец, теперь видимо бывший, сидел на земле и тихонько шевелился. Если мне мой опыт подсказывает правильно, этот бедолага уже доходил. Так быстро истек кровью? Видимо точно задел важную артерию. Или вену. Надо будет погуглить... Так, сейчас мы не об этом.

— Кто вас послал? — спросил я Бочу.

— Конец тебе, гнида, — Боча потерял все спокойствие. Его лицо пошло красными пятнами, не считая пятен от крови. Поднял с земли нож. Над ним из-за среза гаражной крыши появился Кенни и рубанул его когтями по лицу.

— Ай, бля, сука, — заорал Боча. Выронил нож. И кинулся в сторону, дико оглядываясь вокруг. Кенни явно метил в шею, но бить было неудобно и он промахнулся. Распорол Бочу щеку, срезал часть уха. Кажется в дыру в щеке я даже увидел зубы. Я подошел поближе. Боча кинулся от меня, по направлению к двору. И тут ему показался умница Хемчик. Теневики трусоваты, как я понял. Вот и Хемчик не стал рисковать и приближаться. Выскочил на освещенное пространство метрах в пятнадцати перед Бочей и раззявил пасть. Боча остановился.

— Каждый раз, когда я не получаю ответа, я тебя наказываю, — сказал я ему в спину. — Мне спросить тебя в третий раз?

— Я не... не... ничего я не знаю... Ты видишь эту хрень, там впереди?

— Кто вас послал? — спросил я.

— Да пошел ты нахер! — заорал Боча и ломанулся в сторону от дороги. Прямо сквозь кустарник. Я кинулся за ним, но поскользнулся и упал. И тут же раздались жалобные крики бедного Бочи. Пока я встал, пока добрел до него — все уже было кончено. Боча сделал неправильный выбор, свернув с пусть и плохо, но освещенной дороги в заросли кустарника, наполненного тенями. А в тенях уже был Кенни. Когда я подошел, бедолага был так страшно исполосован, что я не сразу понял, где у него зад, где перед.

— Кто вас послал? — уныло спросил я. Боча ожидаемо никак не реагировал, занятый собственными проблемами. Кенни склонился над ним сверху и сосредоточенно кромсал тело. Мне стало любопытно и я спросил у теневика. — А ты что делаешь, маньячило?

Кенни оторвался на секунду от тела, отбомбардировался по моему сознанию мыслеобразами и продолжил. Мне пришлось некоторое время стоять в глубокой задумчивости, переводя этот “монолог” в слова.

Он уже знает, что трупы надо прятать. Это я ему сказал или он сам догадался? Планирует утащить тело вниз, под землю. Но ему мешают всякие металлические детальки, в обилии наличествующие у убиенного. Я осторожно, двумя пальцами, поднял кровавый лоскут. И вытряхнул оттуда бумажник. Раскрыл его. Обнаружил полицейское удостоверение на имя некоего Бочарова. Тяжело вздохнул.

— Вот же... — хотелось красочно выругаться. Я задумался, подбирая слова которые которые бы подошли для такого особого случая, банальные маты тут не гадились. На ум, как назло, ничего не шло. Зато накатила усталость и безразличие. Я побрел домой, оставив теневиков поживиться добычей и приказав им убрать за собой.

И за мной.

Шел 2016-й год. Планета Земля, вместе со всей солнечной системой неслась сквозь пространство со скоростью более восьми сотен километров в час, одновременно вращаясь вокруг светила со скоростью почти тридцать километров в секунду. И, хотя эти астрономические скорости настолько огромны, что воображение просто отказывается их воспринимать — этого никто не замечал. Ведь Земля делала так уже миллионы, и даже миллиарды лет. А люди склонны замечать только изменения.

Впрочем, и изменения происходящее на нашей планете замечали не многие. Старые правила трещали по швам. Прошло тихое тридцатилетие относительного затишья, когда в мире были десятки государств, ни разу не воевавшие за жизнь целого поколения. Дряхлеющие гегемоны, склонные двигать в бой наемников и деньги, прямо как Римская Империя времён упадка, искали дешевые ресурсы и сраивали варварскую периферию между собой. Одновременно готовясь к схватке с поднимающим голову конкурентом на востоке.

Это уже привело к войнам, голоду и революциям. Аналитики в тиши больших кабинетов обещали скорую большую войну. Увеличивались военные бюджеты, сколачивались новые союзы, закладывались заводы для производства оружия и раздувались, как брюхо энцефалитного клеща, внутренние войска многих стран, готовясь к голодным бунтам и беспорядкам. Большинство людей ничего заметили.

Узкий круг ученых отметил, что солнечная система вышла из относительно “пустого” космоса и вошла в пространство, пронизанное излучениями от вспышек древних звезд. Это случилось еще в девяностых, но только теперь был найден способ это доказать. Вышло десяток статей на эту тему. Впрочем, их содержание было интересно лишь специалистам. Радиотелескопы и ловушки для нейтрино не показали никакого роста показателей. Что вполне логично — пройдет еще сотни лет, пока изменения станут чуть заметнее арифметической погрешности. Статьи на эту тему прочло пару сотен профильных специалистов и широкая публика об этом никогда не узнает. Разве что статья профессора Аламса содержала немного скандальное предположение, что космические излучения могут содержать новые теоретические частицы, нейтралыно, в чрезвычайно большом количестве. Но его труд не привлек особого внимания. С одной стороны, после доказательства существования бозона Хигса, все статьи про другие гипотетические частицы уже немного приелись — все уже давно было обсуждено. А с другой стороны, доктор Аламс, ещё в восьмидесятых годах, тогда крайне многообещающий молодой гений, выдвинул теорию о наличии некоего “барьера” вокруг солнечной системы. Барьера, который якобы отфильтровывает только строго определенные частицы. Тогда в его теории нашли несколько внутренних противоречий, хотя математическая её часть выглядела пугающе убедительно. Доктор Аламс, со свойственной сорокалетнему юнцу горячностью отстаивал свою правоту и тем самым сильно испортил свою репутацию. Поэтому его предложение по проведению дорогостоящего эксперимента для поиска нейтралыно, так и не было никем поддержано. Обо всех этих событиях в мире высокой науки, чрезвычайно увлекательных для их участников, знало вряд-ли больше восьми сотен человек в мире.

В США, в городке Альто-пало, близ крупного университета, на ежегодном семейном съезде, произошло нечто странное. Семья, издавна правящая в этом городе — богатая и

уважаемая (ходили слухи, что благодаря хлопотам именно этой семьи рядом и открыли университет, ставший источником процветания местечка) придерживалась старых традиций скорее в силу инерции. И для поддержания общности. Древняя, деревянная, еще времен первых испанских колонистов церковь была местом, где новые члены семьи проходили обряд посвящения. Конечно, так это никто не называл. Просто это было нечто вроде вторых крестин. Девочка, которую крестили заново и которая получала вместе с пожилыми и незнакомыми ей крестными родителями пропуск в большую жизнь, была из побочной ветви. И она никогда бы не удостоилась такой чести в былые времена, ведь она была на одну восьмую ирландкой. Но, на одну четвертую она была чернокожей — а это могло оказаться полезно для семьи. После того, как её лицо коснулось воды в древней каменной купели, произошло странное. И вода, и её лицо засияли. Это привело в ужас пожилых крестных — будучи хранителями традиций, они знали этот знак. В тщательно оберегаемых от посторонних семейных архивах было описано нечто подобное. И предписывалось немедленно выразить полное подчинение тому, кто “явил свет”, ибо этот человек станет могущественным и возглавит семью. И, хоть старики и мнили себя хранителями традиций, они не смогли сделать так, как было предписано. К счастью, сияние вскоре рассеялось, и все стали жить дальше, делая вид что ничего не произошло. Хотя разговоры об этом в семейном кругу не утихали. Разумеется, из семьи ничего не вышло — и священник, и присутствовавшие при этом явлении гости, хранили гробовое молчание. Вполне понимая — обратись они в газеты, и их молчание может стать гробовым буквально. Поэтому о случившемся узнало от силы пара сотен человек внутри семьи. Девочку забрали у родителей и поселили в городке — что бы она была на виду. Этим пока все и кончилось.

Ещё в 2013-м году, глубоко в подвалах ватикана, тридцатилетний аколит совершал древний обряд, обходя старинные коридоры. У обитой железом двери он остановился, громко нараспев читая молитвы и постукивая специальным молоточком по двери. Так предписывал старинный манускрипт смысл которого терялся в веках. Впрочем, аколит исполнял свои странные обязанности честно и тщательно, отчасти этому помогала большая бутылка домашнего вина, которой он предусмотрительно запасся перед спуском под землю. Ведь что католическая церковь без своих обрядов? Просто банк. Обряды и традиции надо соблюдать. Но где написано, что надо делать это трезвым? Аколит проделывал эти обряды, согласно древним предписанием каждый месяц, на протяжении уже полугода и привык к тишине и полутьме подземелий. Поэтому, когда изнутри запертой в незапамятные времена двери раздался ответный стук, аколит завизжал и бросился прочь.

Когда он немного пришел в себя, и доложил о произошедшем своему непосредственному начальнику, кардиналу-священнику, тот списал всё на разыгравшееся воображение молодого, но рьяного (и явно пьяного) слуги господина. Поэтому отправил аколита отдыхать. Однако, и на следующий день, и через неделю, аколит настаивал на своих показаниях. Больше того отказывался спускаться под землю и продолжать выполнять свои обязанности. Кардинал-священнику было уже семьдесят, но старческое слабоумие обошло его стороной, оставив не только юношеское любопытство, но и сохранив старику чувство юмора. Так, поднявшего шум молодого послушника он теперь называл не иначе, как “алколитом”. А вот тело его подводило. После мучительного спуска по средневековым неровным ступеням глубоко вниз, кардинал-священник лично постучал золотым распятием в старинную, запертую на протяжении веков, дверь. А когда изнутри донеслись ответные глухие удары, свалился без чувств. Прежде чем сопровождавшие его швейцарские гвардейцы

успели его вынести наверх и оказать помощь — старый кардинал скончался. Его смерть внесла еще большую сумятицу в, и без того, непростую ситуацию.

Именно эта часть римских катакомб под Ватиканом (практически многоуровневого лабиринта), как выяснилось, должна была принадлежать Конгрегации Доктрины Веры, более известной для широкой публики, как “инквизиция”. Более того, попасть туда мог только священник-экзорцист, сан упраздненный ещё в 1972-м. Тогда же, в результате внутренних интриг эти помещения были, после века интриг, отобраны у инквизиции и переданы в ведение архива Ватикана, с неременным условием соблюдения всех обрядов. И теперь, Архив, привычный более к совсем другого рода проблемам, старался спихнуть ответственность за принятие любого решения на другого. Если не вдаваться в подробности, кончилось все тем, что о странной двери постарались забыть. И это бы удалось, но вот только когда новоназначенный аколит, с предписанием не приближаться к проблемной двери, спустился вниз, он обнаружил что массивная, обитая железом дверь, выбита. и теперь, искореженная валяется в проходе. А за ней узкая, тесная келья с каменным гробом. Не считая гроба больше в ней найти ничего найти не удалось.

Разумеется, произошедшее всколыхнуло высшее духовенство. Настолько сильно, что престарелого понтифика принудили к отречению — впервые в истории Церкви. Но и приход нового, куда более верующего и энергичного папы не помог — в архивах так и не нашлось ничего, проливающего свет на загадочную келью и её содержимое. Последние упоминания кончались с XVII-м веком, и содержали только подробное описание действий у двери — громкое чтение определенным молитв и настойчивый стук. Поиски продолжались — в накопленных за века бумагах наверняка было и искомая подсказка. А вот надежных священников с нужной квалификацией, было всего ничего. Они могли перебирать архив десятилетиями, прежде чем найдут искомое. В какой-то момент, в порыве отчаяния, Ватикан даже открыл часть своих архивов в надежде, что сотни энтузиастов помогут разобрать этот ворох старой бумаги. Но результатов по-прежнему не было.

Во все подробности “инцидента” к 2016-му в Католической Церкви было посвящено едва ли сорок человек.

А такие мелкие и незначительные вещи, как странное ограбление городской администрации в городе Н-ск в России, и вовсе прошли незамеченными. Разве что немного напугал родителей отдельно взятого дома в городе Н-ск неожиданный ренессанс детских страшилок про “бабадука”, чудовище прячущееся в темноте по углам. Родители пытались выяснить, кто из детей первый запустил эту историю, но нашлось сразу несколько виновников. Пришлось оставлять некоторым, особенно впечатлительным детям, включенным свет на ночь. Это решило проблему.

Так мир начал меняться. Но большинство людей этого не замечало. Пока ещё нет...

Больше книг на сайте - Knigoed.net